

РУСЯН

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

СЪ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ РИСУНКАМИ И НОТНЫМИ ПРИМЪРАМИ

Ал. С. Фамина

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторія русскихъ народныхъ музикальныхъ инструментовъ представляетъ область еще совершенно темную, неразработанную; о старинныхъ русскихъ инструментахъ, а тѣмъ болѣе о ихъ исторіи, существуютъ самыя смутныя, самыя разногласныя представлениа, лишенныя всякаго положительного основанія. Поставивъ себѣ задачею внести нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, представить, насколько позволить скудость имѣющихся матеріаловъ, картину исторического развитія русскихъ народныхъ музикальныхъ орудій, или хотя бы картину исторической послѣдовательности въ употребленіи этихъ орудій народными русскими музыкантами, начинаю съ предлагаемаго изслѣдованія о гусяхъ, какъ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ инструментовъ, наиболѣе часто упоминаемомъ въ историческихъ памятникахъ, въ былинахъ и старинныхъ народныхъ пѣсняхъ.

Надѣюсь со временемъ, въ сходной формѣ, разсмотрѣть и другія, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія музикальныя орудія русского народа.

A. Ф.

Мартъ 1890.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Предисловие	I
Глава первая. Гусли — струны, струнный инструментъ вообще	1
Глава вторая. Гусли, какъ специальный русскій народный инструментъ	9
а. Гусли — струнный инструментъ ручной, легкій небольшаго размѣра	10
б. Гусли — инструментъ не смычковый	13
в. Составные части гуслей:	
аа. Доска	15
бб. Струны	20
вв. Шпенечки	29
г. Играютъ на гусяхъ всегда сидя	30
Глава третья. Постепенное усовершенствование формы русскихъ гусей	33
а. Первобытныя русскія гусли	33
б. Кантеле Финновъ. — Каннель Эстовъ. — Канклесь Литовцевъ. — Куаклесь Латышей. — Отношенія этихъ инструментовъ къ русскимъ первобытнымъ гусямъ	39
в. Экземпляръ первобытныхъ русскихъ гусей музея С.-Петербургской консерваторіи	68
г. Psalterion	76
д. Гусли-псалтиры	92

	Стран.
е. Новѣйшія усовершенствованныя гусли	105
ж. Школа для гуслей	110
Прибавленіе. Цимбалы.	121
Дополненія	133
Музыкальное приложение. Ноты для гуслей.	
Нѣкоторые примѣры для упражненія	1
Примѣры шесть для гуслей:	
На толь что бы печали.	2
Ты велишъ мнѣ равнодушнымъ	2
Арія изъ оперы Русалки	3
Росскими лѣтить странами. Польской	5
Духовныя сочиненія положенные для гуслей:	
О всепѣтая Мати	7
Нынѣ силы Небесныя	8
Иже Херувимы	8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гусли — струны, струнный инструментъ вообще.

Въ книгѣ моей «Скоморохи на Руси» (1889), неоднократно цитируемой ниже, я указалъ на то, что главными представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнейшихъ временъ, въ течениі многихъ столѣтій, служили искусники или потѣшники, издавна именовавшіеся скоморохами. Образъ стариннаго пѣвца и игреца скомороха невольно связывается съ представленіемъ о гусяхъ,— популярнѣйшемъ и древнѣйшемъ изъ музыкальныхъ орудій славянскихъ. Слово «гусли», чаще употребляемое во множественномъ числѣ: «гусли», свойственно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Казалось бы, именно эта общность, эта повсемѣстная между Славянами распространенность названія — гусли — должна была бы устраниТЬ всякое недоразумѣніе относительно значенія данного наименованія, относительно вида, вообще строенія и способа употребленія этого всеславянскаго инструмента. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, подъ именемъ гусей въ разныхъ мѣстахъ славянскихъ земель понимаютъ музыкальныя орудія совершенно различного типа и характера. Такъ Сербо-Хорваты гусями (*gusle*, у приморскихъ Хорватовъ — *gusla*, въ Далмации — *gusli*) называютъ первобытный однострунныи смычковый инструментъ, звуками котораго сопровождаютъ героическія (юнацкія) свои пѣсни мѣстные на-

родные пѣвцы. У Словиновъ и западныхъ Славянъ гуслями (словин. *gosli*, чеш., морав., словацк. *housle*, *husle*, луж.-серб. *husla*, пол. *gęslie*) называется скрипка или скрипкообразный, смычковый инструментъ. Фріульськіе Словини подъ словомъ *gōslje* (гусли) понимаютъ, по свидѣтельству Срезневскаго, иногда скрипку, иногда — родъ мандолины, а состѣніе съ ними Резіяне недавно еще именемъ *ōslje* называли цитрообразный инструментъ¹. Наконецъ, у восточныхъ Славянъ, т.-е. Русскихъ, подъ словомъ гусли понимаютъ инструментъ, имѣющій видъ горизонтальной арфы. Упомянутые виды гуслей такъ разнообразны, такъ мало представляютъ между собою общаго, что неѣтъ возможности проводить между ними параллель, и каждая группа гуслей: южно-, западно- и восточно-славянскихъ должна быть изслѣдуема отдельно. Между тѣмъ, какъ объяснить тождество названий для музыкальныхъ орудій столь разновидныхъ?

Объясненіе только что приведеннаго, на первый взглядъ, страннаго факта истекаетъ изъ самаго значенія слова «гусли». Всѣ вышеозначеніе виды гуслей, несмотря на совершенно различное ихъ строеніе и различный характеръ, представляютъ одну, главнѣйшую, общую черту, а именно: всѣ они — инструменты струнныя. Слово «гусли», употребляемое нынѣ почти исключительно, а въ старину преимущественно во множественномъ числѣ, въ этой формѣ выражаетъ собою совокупность чего-то, разумѣется — совокупность струнъ. «Струны», какъ выраженіе, заступающее название струннаго инструмента, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ. Латинское *fides* (*sing.*) значитъ струна, *fides* (*plur.*) — струны, въ смыслѣ струннаго инструмента, какъ совокупности струнъ; подобно тому *chorda* (*лат.*) — струна, *chordas tangere* — играть на струнномъ инструментѣ. Въ томъ же смыслѣ обѣ игрѣ на струнныхъ инструментахъ Французы выражаются такъ: *pincer*, *toucher*, *faire parler les cordes*. У Персовъ *tār* значитъ струна и въ то же время

1) Срезневскій: Фріульськіе Славяне (Прилож. къ XXXVIII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4). 1881, стр. 14, 25.

târ — обыкновенное названіе для «большой тамбуры» (*tanbour bouzourk*), пяти-струнного, снабженного длиннымъ грифомъ инструмента¹. Славянское гуслъ, гусли въ первоначальномъ значеніи своеъ вѣроятно соотвѣтствовало латинскому *fides*, *chorda*, французскому *corde*, персидскому *târ*. *Fidicula* (лат.) — маленький струнный инструментъ — находитъ себѣ аналогію въ русскомъ гуселокъ, гуселки (серб. гуслице, зап.-слав. *husličky*); *chordagista* (лат.) — игрецъ на струнномъ инструментѣ — въ русскомъ гуслиста, гусяръ. Въ русскихъ былинахъ слово гуселокъ встрѣчается то въ смыслѣ инструмента, напр.:

Какъ началь онъ (Добрыка) гуселокъ налаживати,
Струву натягивати будто оть Кieва,
Другу оть Даря-града, и т. д.,

то въ значеніи какъ будто струны, напр.:

Евъ вѣдь началь гуселка налаживать,
Евъ вѣдь началь струночки натягивать.
Евъ первую наладилъ съ города съ Кieва,
Евъ другу наладилъ изъ Чернигова, и т. д.²

Сначала здѣсь говорится о налаживаніи гуселковъ, потомъ о налаживаніи струнъ, въ чёмъ проявляется какъ бы отождествленіе или, по крайней мѣрѣ, сближеніе обоихъ понятій. У Сербовъ и нынѣ еще слово «гусли» значить не только соотвѣтствующій музыкальный инструментъ, но и струны вообще, въ чёмъ нельзя видѣть первоначального, основнаго значенія данного слова.

Гуслъ (гусли) въ смыслѣ струны происходитъ очевидно отъ старо-славянского гѣсти (= гудѣть). Струны, а также гусли, гудки и другіе струнные музыкальные инструменты, по народному выраженію, гудутъ; гуденіемъ, гудьбой въ старинныхъ памятникахъ называется звукъ именно струнъ, независимо отъ способа извлечения изъ нихъ звука: посредствомъ ли ударенія по нимъ пальцами, рванья или щипанья ихъ, или же веденія по нимъ смычка. Игрецъ на струнномъ инструментѣ называется гуд-

1) См. у Fétis: *Histoire générale de la musique*, 1869—1876. Т. II, p. 404.

2) См. Скоморохи, стр. 31.

домъ. Такъ въ славянскомъ переводѣ Откровенія Иоанна читаемъ: «и глаſь слышахъ гудецъ, гудушихъ въ гусли своя»¹. Гудомъ киевскимъ называется въ сказаніи о Задонщинѣ Боянъ, который, по свидѣтельству Слова о полку Игоревѣ (и подражавшаго этой поэмѣ автора сказанія о Задонщинѣ), игралъ на струнахъ. «Иже басни баютъ и въ гусли гудутъ», читаемъ у Кирилла Туровскаго (XII в.). «Гудьця и свирця нѣ уведа у домъ свой глума ради», поучаетъ Григорій Черноризецъ (XIII в.), дѣляя притомъ явное различіе между игрецомъ на струнныхъ инструментахъ (гудомъ) и таковыми же на духовыхъ (свирцомъ). «Гудѣніемъ струннымъ», «гудутъ струпы» — выраженія, встрѣчающіяся въ посланіи игумена Памфилы (1505 г.). «Гусли и всякое гудѣніе», между прочимъ, порицаются въ Домострой (XVI в.). Въ Требникѣ, въ числѣ грѣховъ, въ которыхъ кається исповѣдающійся, поименовывается слушаніе «гуденія гуслей»². Въ сказкахъ извѣстны «гусли самогуды», которые сами заводятся, сами играютъ, пляшутъ и пѣсни поютъ³. Сербо-Хорваты часто употребляютъ въ поговоркахъ выражение: «гусли гудутъ», напр.:

— Kad mi gusle ne mogu da gude, ...
— Čudne gusle gude...

1) XIV, 2.

2) Въ томъ же смыслѣ игры на струнныхъ инструментахъ слѣдуетъ понимать и другихъ старинныхъ авторовъ слова: гуденіе, гудьба, такъ напр.: «играніе, плясаніе и гуденіе» порицаются митрополитомъ русскимъ Ioannomъ (XII в.); «обращающіи ту (на игрищѣ) овы гудущи, овы пляшущи», восклицаетъ Евсевій (рукоп. XIII в.); «плясаніе, гудьба» и пр. называются Христолюбцемъ (рукоп. XV в.) въ числѣ «игръ бѣсовскихъ»; гудцы и гуденіе упоминаются въ Стоглавѣ (1551 г.), и т. п. Подробнѣе вышеупомянутыя цитаты приведены въ книгѣ: Скоморохи, стр. 7, 14, 15, 28, 79—80, 81, 158, 181. «Но аще пласци іли гудци іли инъ хто ігрецъ», читаемъ въ одномъ изъ словъ Пансіева сборника (ок. 1400 г.). См. Буслаевъ: Историческая Христиоматія. 1861 г. Стр. 530.—Ср. также цѣлый рядъ цитатъ, въ которыхъ говорится о «гуденіи гуслей», о «гуденіи лучшемъ», т.-е. смычкомъ, изъ разныхъ славянскихъ памятниковъ, начиная съ XII вѣка, — цитать, извлеченыхъ Кугачемъ изъ древне-славяно-греко-латинского словаря Миклошича. Kuhač: Opis i poviest narodnih glasbal Jugoslaviena (въ журнале Rad jugoslovenske akademije. 1877. XXXVIII, XXXIX). Особый оттискъ: I, str. 59—61.

3) См. у Даля: Толковый Словарь. 1879 г., подъ сл.: «Гусли».

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЬ

5

- *Gudile su gusle javorove.*
- *Jednako ti stare gusle gudi*¹.

Въ русскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ сходныя выраженія о гуденіи струнъ и гуслей, напр.:

- Какъ струна-то загула, загула²...
  - Не гусли гудутъ на морѣ³...
  - Пливите, гуслоньки, пливите,
- Та жалобенько (или: «веселенько») гудите⁴.

Въ угорско-русской пѣснѣ пѣвецъ просить, чтобы подали ему гусли, и поясняетъ:

Най загуду жали свои⁵.

Въ одной изъ русскихъ былинъ упоминается о гуденіи гудковъ (т.-е. смычковыхъ инструментовъ):

А въ третьемъ терему—то гудки гудутъ⁶.

Въ наиболѣе старинныхъ славянскихъ памятникахъ слово гусли иногда употребляется для обозначенія музыкальныхъ орудій вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, чаще-же—именно какъ родовое название для струнныхъ инструментовъ, но безъ видового ихъ различія. Такъ напр., по словамъ русскаго лѣтописца (подъ 1015 г.), Святополкъ любилъ «вино пить съ гуслями». Здѣсь слово «гусли» употреблено очевидно въ самомъ широкомъ смыслѣ, для выраженія понятія о музыкальныхъ орудіяхъ или даже объ инструментальной музикѣ вообще⁷. Въ дру-

1) Кубас: Ор. і ров. I, 24—25.

2) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа. 1841 г. Т. I. Кн. III, стр. 84.

3) Е. П.: Народныя бѣлорусскія пѣсни. 1853 г., стр. 71.

4) Потебня: Объясненія малорусскихъ и средніхъ народныхъ пѣсень. 1883 г., стр. 215.

5) Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 1878 г. II, стр. 548.

6) Гильфердингъ: Онежскія былины. 1873 г., стр. 954.—Ср. выше «гуденіе лучемъ», т.-е. смычкомъ (изъ коричей 1262 г.).

7) Въ такомъ широкомъ смыслѣ употребляется и понынѣ еще въ народныхъ областныхъ говорахъ напр. слово гудѣлка, значащее: «музыкальный инструментъ (вообще), скрипка, свирель», и т. п. (въ Рязанс., Тульск. губ.). Отсюда то же слово въ переносномъ смыслѣ значить: «говорунья, болтунья»

гихъ случаюхъ подъ именемъ гуслей подразумѣваются струнные инструменты, въ отличіе оть духовыхъ и ударныхъ. Несторъ (Лаврент. лѣтоп. подъ 1067 г.) перечисляетъ дьявольскія лести, соблазняющія человѣка: трубы и скоморохи, гусли и русалья¹. Гусли, какъ струнные инструменты, противопоставляются трубамъ, какъ инструментамъ духовымъ. Въ описаніи видѣнія Исаакія (1064 г.) лѣтописецъ уже отличаетъ три группы музыкальныхъ орудій: сопѣли (духовые инструменты), бубны (ударные) и гусли (струнные). Такимъ же образомъ въ житіи св. Феодосія Печерскаго игрецы, забавлявшіе Святослава Ярославича (въ XI в.), дѣлятся на группы «гусльныя гласы испускающихъ», «органныя писки гласящихъ» и «музыкійскія» (или: «замърныя»). Струнные орудія здѣсь соединены въ одну группу, а духовыя уже раздѣлены на двѣ группы. Въ житіи св. Саввы, при упоминаніи о музыкальныхъ увеселеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто при дворѣ первого сербскаго царя Стефана (около 1200 года), называются тумпани (т.-е. ударные инструменты) и гусли (т.-е. струнные, а можетъ быть вообще музыкальныя орудія струнныя и духовыя)². Подтвержденіемъ тому, что при такихъ общихъ выраженіяхъ слѣдуетъ придавать слову «гусли» широкое, общее значеніе, служить и то, что оно употребляется старинными писателями также и по отношенію къ музыкальнымъ инструментамъ иноземнымъ, не-славянскимъ. Такъ напр. русскій лѣтописецъ, порицая (подъ 1038 г.) распущенность двора царя греческаго Константина, выражается слѣдующимъ образомъ: «Константинъ царь греческій... о женахъ радовашся присно безстудныхъ и играли-

(въ тѣхъ же губерніяхъ). Глаголъ гудѣть въ Казанской губ. употребляется въ смыслѣ пѣть: «гожа онъ гудѣть» = хорошо онъ поетъ. Опытъ областного великорусского словаря. 1852 г. См. слово: «гудѣлка».—Дополненіе къ оп. обз. великор. слов. 1858 г., сл.: «гудѣть».

1) Въ Никоновской лѣтописи прибавлены въ соответствующемъ мѣстѣ еще смыски (Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. IX, стр. 95), но это несомнѣнно позднѣйшая вставка. Смыковые инструменты появляются въ Россіи уже значительно позже.

2) Полные тексты всѣхъ только что упомянутыхъ свидѣтельствъ см.: Скоморохи, 9—10, 69.

выхъ любящихъ ликованіе и свирѣли и гусли»¹. Во второй Софійской лѣтописи (подъ 1438 г.), въ описаніи Флорентійскаго собора читаемъ, что при входѣ папы «мнози вострубиша въ трубы и арганы и въ гусли и со всѣми играми по фряжскому правилу»². Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лѣтописецъ, разумѣется, имѣть въ виду не определенный специальный видъ славянскихъ гуслей, а употребилъ это слово въ смыслѣ струнныхъ музикальныхъ орудій вообще, въ противуположность духовымъ (свирѣлямъ, трубамъ и органамъ). Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить и миніатюры, украшающія славянскій псалтирь XIII—XIV вѣка (изъ библіотеки А. И. Хлудова). Здѣсь изображены играющіе на разныхъ струнныхъ инструментахъ: гуслеобразныхъ (въ видѣ русскихъ гуслей), киевообразныхъ, гитароподобныхъ, и пр., а подъ ними подписаны тексты изъ псалмовъ и вообще изъ книгъ священнаго писанія, въ которыхъ упоминаются гусли, относимыя въ данныхъ случаяхъ къ названнымъ разновиднымъ струннымъ музикальнымъ орудіямъ, напр.: «псалтирь красенъ съ гусльми», «сыи золь вельми въ Саулѣ душъ, Давидъ же сего отгонилъ въ гусли бѣя», «хвалите Его... въ псалтири и гусльхъ», и т. п.³ Послѣ всего вышесказанного становится понятнымъ отождествленіе или точнѣе — соединеніе подъ общимъ именемъ «гусли» разныхъ струнныхъ инструментовъ въ старинныхъ русскихъ азбуковникахъ и словаряхъ. Такъ напр. у Зизанія (1596 г.) гусли объясняются какъ арфа, лютни, скриплица, т.-е. какъ инструменты, и по виду и по характеру весьма мало сходные между собою, но всѣ принадлежащіе къ группѣ струнныхъ музикальныхъ орудій. Въ словарѣ Берынды (1627 г.) гусли = скриплица; гусль = гарфа, цитра; гудлецъ = арфиста, цитариска⁴. Прибавлю, что въ старину слово «гусли» употреблялось въ томъ же общемъ значеніи, какъ въ

1) Полн. собр. russk. лѣт., IX, 81.

2) Тамъ же: VI, 159. Ср. VIII, 105.

3) Древности. Труды Московск. Археолог. Общества. III, 1873 г., стр. 5 (таб. I), 11 (таб. III), 16, 25.

4) См. Сахаровъ: Сказ. russk. нар., II. v, 31, 124.

средніе вѣка на западѣ — заимствованное изъ греческаго сутхара. «Слово сутхара, замѣчаетъ Куссемакеръ, служило въ началѣ христианства къ обозначенію всѣхъ струнныхъ инструментовъ. Такъ встрѣчаются названія: сутхара barbara, сутхара teutonica, сутхара anglica, обозначающія струнныя инструменты вовсе непохожіе другъ на друга, но германскія имена которыхъ трудно латинизировались¹. Отсюда понятно, почему и въ русскомъ азбуковнике Берынды слово гуслъ (въ общемъ значеніи соотвѣтствующее средневѣковому сутхара) переводится какъ арфа и цитра (= сутхара), а гудлецъ — арфиста, цитариска.

Только въ такихъ случаяхъ, когда, въ историческихъ свидѣтельствахъ, рядомъ съ гусями называются и другіе, точно определенные виды струнныхъ инструментовъ, напр. домры, смыки или гудки, скрипѣли, мы можемъ придавать слову «гусли» болѣе тѣсное значеніе, понимать его какъ специальное название особенной видовой формы струннаго инструмента.

---

1) Cousseemaker: Essai sur les instruments de musique, въ Annales archéologiques de Didron. T. III, p. 87.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гусли, какъ специальный русскій народный музыкальный инструментъ.

Въ русскихъ историческихъ памятникахъ слово «гусли» въ только что упомянутомъ, болѣе тѣсномъ значеніи встрѣчается не ранѣе первой половины XVI столѣтія: «играютъ (нѣцы отъ священныхъ) въ гусли, въ з(д?)омры, въ смыки», говорится въ поученіи митрополита Даніила; «и гусли и смыки и сопѣли и всякое гуденіе» упоминаются въ Стоглавѣ. На свадьбѣ царя Михаила Федоровича (въ 1626 г.) забавляли царя специальные гусельники, домрачи и скрипачи. Въ царскихъ и иныхъ грамотахъ, памятяхъ, наказахъ и т. п. памятникахъ XVII вѣка, издававшихся противъ скоморошества, перечисляются разные инструменты скомороховъ: домры, гусли и волынки, или: гусли, домры, сурны и волынки и всякія бѣсовскія игры, или: сопѣли, гусли, гудки, домры и всякія игры. Въ словѣ Палладія мниха караются между прочимъ: «свирильницы и гусленицы и смычницы»; въ словѣ «о корчмахъ и пьянствѣ» упоминаются «нѣціи кощунники (= скоморохи), имуще гусли и скрипѣли и сопѣли и бубны и иные бѣсовскія игры»; въ повѣсти о Еремѣ и Ѹомѣ (по рукоп. XVIII в.) читаемъ: «У Ереме гусли, а у Ѹомы—домра»¹.

---

1) Соответствующія, болѣе подробныя выдержки изъ поименованныхъ только что памятниковъ си. Скоморохи: 22, 63, 92, 117, 160, 161, 181, 184, 187.

Во всѣхъ только что приведенныхъ и подобныхъ имъ слу-
чаяхъ рѣчь несомнѣнно идетъ о гусляхъ, какъ опредѣленномъ
видѣ струнного инструмента. Тѣмъ не менѣе, однако, и эти сви-
дѣтельства, какъ голословныя лишь упоминанія о данномъ инстру-
ментѣ, нисколько не способствуютъ уразумѣнію характера, вида,
строенія древне-русскихъ гуслей. Чтобы получить болѣе ясное
понятіе объ этомъ инструментѣ, намъ должно обратиться къ слѣ-
дующимъ источникамъ: 1) къ народнымъ преданіямъ о гусляхъ,
сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, 2) къ опи-
саніямъ гуслей, начинаяющимъ появляться лишь со средины про-
шедшаго столѣтія, и 3) къ изображеніямъ данного инструмента,
восходящимъ до XIII—XIV столѣтія. Сравненіе описаній и изоб-
раженій, относящихся къ разнымъ временамъ, между собою, а
также съ тѣми данными о внѣшнемъ видѣ гуслей, которыя мы
извлекаемъ изъ народныхъ пѣсень и былинъ, въ связи съ вѣ-
которыми намеками, касающимися рассматриваемаго предмета,
встрѣчаемыми въ старинныхъ памятникахъ, должно дать въ
результатѣ болѣе или менѣе точное и опредѣленное представление
о древне-русскихъ гусляхъ.

а) Гусли — струнный инструментъ ручной, легкій, небольшаго размѣра.

Въ былинахъ и пѣсняхъ русскихъ неоднократно говорится о
томъ, что скоморохъ или игрецъ несетъ гусли, притомъ же
нерѣдко подъ полой, подъ мышкой, подъ пазухой, даже въ
карманѣ. Это показываетъ, что данный инструментъ былъ руч-
ной, небольшой по объему, нетяжелый, напр.:

- Одѣваетъ (Добриня) платье скоморошеское,
Кхалъ гусельшки подъ праву полу¹.
- Положилъ-то єнъ гусельшки яровчаты подъ праву полу².
- Подъ полой у молодца дуда,
Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
- Идетъ любчикъ мой горой,
Несетъ гусли подъ полой³.

1) Рыбниковъ: Пѣсни. 1861—1867 г. Ч. I, стр. 143.

2) Гильфердингъ: Онеж. был., 582.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 84, 99.

- Бѣжитъ легонькій дѣтинка,
Онъ не въ шубѣ, не въ кафтанѣ,
Въ полушелковомъ халатѣ,
Подъ полою несетъ гусли¹.
- Держаъ (молодецъ) гусли подъ полой².
- Идетъ Вапюша горою,
Разудалѣцкій крутою,
Несетъ гусли подъ полою³.
- Подъ мышкой гусли несетъ⁴.
- Взималь опъ (Добрыня) гуселка яровчатыи
Подъ правую подъ пазушку⁵.
- На плечѣ несетъ (дѣтинка) винтовку,
Въ карманѣ несетъ гусли⁶.

Садко, передъ тѣмъ какъ броситься съ корабля въ море, береть съ собою, вѣроятно «подъ мышку», подъ полу, или «подъ пазуху», гусли и шахматную доску и съ ними спускается по сходнѣ:

И скоро Садко паряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струвы золоты,
И беретъ опъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями...
Спущался онъ на сине морѣ,
Садился на шахматницу золоту⁷.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Садко по пирамъ ходилъ играть на гусляхъ, а также и о томъ, какъ онъ пошелъ (съ гуслями) къ Ильмень-озеру,

1) Римскій-Корсаковъ: Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. 1876 г. I, № 26.

2) Шейнъ: Русскій народныя пѣсни. 1870 г. I, стр. 192.—Ср. Балакиревъ: Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. № 29.

3) Пермскій сборникъ. 1859—1860 г. II, стр. 34.

4) Изъ народной пѣсни. Источникъ, изъ котораго сдѣлана эта выписка, по недоразумѣнію, не былъ, мною своевременно отмѣченъ и потому, къ сожалѣнію, теперь не можетъ быть указанъ.

5) Кирѣевскій: Пѣсни (нов. изд.). Вып. II, стр. 128.

6) Якушкинъ: Народныя русскія пѣсни. 1860 г., стр. 167.

7) К. Даниловъ: Древнія россійскія стихотворенія. 1878 г., стр. 286.

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты¹.

Садко, слѣдовательно, носилъ съ собою гусли, какъ легкій, ручной инструментъ. — Добрыня въ образѣ скомороха, съ гуслями въ рукахъ, съ легкостью вскакиваетъ на «мѣсто скоморошкое», на «печку муравлену», и оттуда начинаетъ играть на своемъ инструментѣ; это опять возможно было исполнить лишь съ инструментомъ легкимъ и небольшимъ.

То же подтверждается и выраженіями пѣсень, по которымъ гусли или лежать на столикѣ, на скамьѣ, иногда у изголовья молодыхъ, или висятъ на гвоздикѣ, что опять могло относиться только до небольшаго, легкаго инструмента, напр.:

- Говорилъ Добрыня, сывъ Никитачъ:
«Ты возьми мое платье скоморошкое,
«И гуселки возьми мои яровчаты
«Въ новой горенки исѣ на столпки»².
- На той скамьѣ лежать гусли,
Лежать гусли не наложены³.
- А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежать⁴.
- Во клѣточкѣ на гвоздику
Висятъ яровчаты гуселышки⁵.
- Веѣль Добрынушка, наказывалъ,
Наказывалъ подать гуселышки яровчаты
Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ⁶.

По словамъ русской поговорки: «жена не гусли, поигравъ, на стѣнку не повѣсишъ»⁷.

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 370.

2) Тамъ же: I, 135.

3) Пальчиковъ: Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ Мензелинского уѣзда, Уфимской губ. 1888 г., № 123. Ср. въ Галицко-русской коломийкѣ:

На лавицѣ гусли.

Головацкій: Нар. пѣс. II, 417.

4) Сахаровъ: Сказ. russk. нар. I. III, 262.

5) Гильфердингъ: Онеж. был., 850.

6) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 143.

7) См. у Даля: Толк. слов.: «Гусли».

6) Гусли — инструментъ не смычковый.

Въ былинахъ нерѣдко упоминается о трехъ струнахъ, на-тягиваемыхъ или налаживаемыхъ гусляромъ, вслѣдствіе чего было высказано не совсѣмъ основательное предположеніе о тожде-ствѣ гуслей скомороховъ съ трехструннымъ смычковымъ ин-струментомъ, гудкомъ. Въ пользу такого предположенія, если бы ему не противорѣчили самимъ положительнымъ образомъ всѣ русскія народныя преданія о гусляхъ, могло бы служить упомя-нутое выше обстоятельство, что у южныхъ и западныхъ Сла-вянъ именемъ «гусли» называются нынѣ смычковые инструменты. Едва ли, впрочемъ, изъ послѣдняго факта можно заключить, что и въ древнѣйшую эпоху гусли у южныхъ и западныхъ Славянъ были инструментомъ смычковымъ. Напротивъ того, извѣстно, что смычекъ и игра смычкомъ на струнахъ составляютъ изобрѣ-теніе сравнительно новѣйшее, и въ древности на востокѣ, откуда вообще заимствованы западными народами главнѣйшия образцы музыкальныхъ инструментовъ, вовсе не были извѣстны. Древ-нѣйшій способъ извлечения звука изъ струнъ состоялъ въ щипа-ніи, подергиваніи ихъ пальцами или маленькимъ орудіемъ (палоч-кой, перышкомъ), у Грековъ называвшимся «илектръ» (plectron), или же удареніе по струнамъ палочками (молоточками). Въ рус-скихъ былинахъ почти исключительно, а въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ преимущественно передъ всѣми прочими музыкальными орудіями упоминаются гусли, что говоритъ въ пользу несомнѣн-ной наибольшей древности и распространенности въ старину этого инструмента, сравнительно съ другими, но никогда и нигдѣ не упоминается при этомъ о смычкѣ, которымъ бы играли на гусляхъ; если же въ пѣсняхъ и историческихъ памятникахъ упо-минается о способѣ игры, то только обѣ игрѣ рукой или паль-цами. Такъ, по словамъ русской пѣсни,

Молодецъ въ гусли игралъ
Своей бѣлой рукой¹.

1) Якушкинъ: Нар. русск. пѣс., 224.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ читаемъ:

Ай заигралъ тутъ (Добрынушка) въ гусёшкы нѣмецкія,
Подёрнула онъ струночка сибирскія¹.

Такую именно игру, т. е. перебираніе, «подергиваніе» струнъ «бѣлой рукой», пальцами (а отнюдь не веденіе по нимъ смычка), имѣлъ въ виду и пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, говоря о Боянѣ, что онъ свои десять перстовъ вскладаля на струны: «Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху»². Въ подражаніе пѣвцу Слова, и авторъ сказанія о Задонщинѣ говоритъ о вѣщемъ Боянѣ, славномъ гудцѣ кіевскомъ («восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ горазда гудца»), что онъ пѣлъ славу князьямъ, «вскладая свои златыя персты на живыя струны»³. Если-бы Боянъ игралъ на смычковомъ инструментѣ, то пѣвецъ Слова не сталъ бы говорить о десяти перстахъ «вскладаемыхъ» на струны. Въ томъ же смыслѣ игры на струнахъ пальцами должно понимать и слѣдующіе стихи изъ былины о Добрынѣ:

Учель (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учель опъ голосомъ поважливать⁴.

«Похаживаніе» по струнамъ въ данномъ случаѣ выражаетъ то же, что и упомянутое выше перебираніе, подергиваніе струнъ пальцами, «вскладаемыми» на струны и какъ бы расхаживающими по нимъ. «Гусли бо строятся персты», говоритъ Кириллъ Туровскій (XII в.)⁵, причемъ слово «строится» вѣроятно слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «играются» перстами.

Прибавлю, что въ русскихъ былинахъ и пѣсняхъ иногда поименовываются разныя части гуслей: досочка, струны, шпенечки, но о гусельномъ смычкѣ никогда и нигдѣ не упоминается ни

1) Гильфердингъ: Онеж. был., 912.

2) Русскія достопамятности. 1815—1844 г. Ч. III, стр. 10—12.

3) Извѣстія II отд. Импер. Академіи Наукъ. Т. VI, стр. 345.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 196.

5) Калайдовичъ: Памятники Россійской словесности XII вѣка. 1821 г. стр. 284.

слова; где же говорится о способѣ извлеченія звука изъ гусельныхъ струнъ, тамъ всегда, какъ уже замѣчено выше, идетъ рѣчь только о рукѣ и пальцахъ¹.

в) Составные части гуслей.

аа) Доска.

Я упомянуль выше о томъ, что древне-русскія гусли, по преданіямъ, имѣли горизонтальное положеніе, ихъ обыкновенно сравниваются съ лежачей или горизонтальной арфой (см. ниже). Дѣйствительно, о гусляхъ неоднократно говорится въ былинахъ и пѣсняхъ, что онѣ лежатъ, напр.:

- Охъ вы гусли, мои гуслицы,
Гусли мои звончатыи!
Вы лежали соряду шесть хѣть,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглой годъ².
- Какъ во теремѣ гуслы лежали,
Во высокомъ звончатыя лежали³.
- По Дунаю, по рѣбѣ,
По бережку по крутому,
Лежать гусли неналоженные,
Коляда!
- Во теремѣ гусли лежали,
Ай некому во гусли играти.

1) Въ западно-славянскихъ пѣсняхъ, где гусями называются смычковый инструментъ, упоминаются и смычки, напр. (братья гудцы рубить яворь, который говоритъ имъ):

Rubajte, rubajte,	Рубите, рубите,
Len sedce negaňte,	Только сердца не раньте,
Ništ sa wy nebojte,	Ничего вы не бойтесь,
Ale si otnite	Но отсѣките себѣ
Na jedny busličky,	Первое на гусельки,
Na druhé sлаčky.	Второе на смычки.

Kollař: Narodnie Spiewanky. 1884—1885. II, str. 4.

2) Кирѣевскій: Пѣсни. 1860—1874. Вып. II, стр. 9.

3) Пермск. сборн. I, II, 55. Ср. варіантъ (свадебн. пѣсня):

Какъ во теремѣ гусли лежали,
Какъ во высокихъ — звончатые...

- А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончата гусли лежать¹.
- На той скамьѣ лежать гусли,
Лежать гусли не наложены².

Всякий инструментъ можетъ, разумѣется, быть положенъ и «лежать» на скамьѣ, на столикѣ (или «вистѣ на гвоздикѣ», ср. выше, стр. 12), но древне-русскія гусли обязательно «лежали», потому что онѣ имѣли видъ доски (т.-е. плоскаго досчатаго ящика), надъ которою натянуты были струны. Это доказывается словами пѣсень и былинъ, где неоднократно рѣчь идетъ о «тонкихъ доскахъ», изъ которыхъ дѣлаются гусли, о запылившейся «полочкѣ», и даже самыи инструментъ получаетъ иногда название «гусельной доски», «досочки гусельчатой», «тонкихъ гуслей», напр.:

- Съѣзжалися господа
Съ семидесяти городовъ,
Срубили они яблоньку
Подъ самый корешокъ,
Раскололи яблоньку
На доски на тонкія,
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончата.
- Рубиль (Александрушка) яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлали гусли звонкіе³.
- Вхали бояре изъ Новагорода,
Сѣвали рабинушку подъ самый корешокъ,
Кололи досочки тоненкія,
Дѣлали гусельцы звончата⁴.

1) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 17, 155, 262.

2) Пальчиковъ: Крестьян. пѣс., № 123.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. вар. I. III, 96, 131.

4) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 88. Ср. варіантъ:

Вхали бояре изъ Москвы,
Рубили яблонь подъ-корень,
Кололи доски тонкія,
Дѣлали гусли звонкія.

— Какъ подъ этой яблонеи, тешутъ доски токія,
Тешутъ доски токія, дѣлать гусли звонкія ¹.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, послѣдній, возвратившись домой послѣ долгаго странствованія, находить гусельную «полочку», т.-е. деку, резонансную доску, запыленною:

У пихъ (гуслей) полочка запылалася ².

Въ другихъ пересказахъ находимъ прямо название инструмента «гусельной доской», напр.:

Принеси-тко мнѣ-ка плате скоморошкию,
Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую...,

или:

Ты свѣтъ государыня моя матушка!...
А дай-ко мнѣ доску гусельнюю ³.

Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о части гуслей, а о цѣломъ инструментѣ, получающемъ, вслѣдствіе общаго доскообразнаго своего вида, название доски или досочки гусельной. Корпусъ гуслей состоялъ конечно не изъ одной только доски, а представляя широкій, плоскій ящикъ, необходимый для усиленія сравнительно слабаго звука струнъ; безъ такого резонанснаго (голоснаго) ящика гусли едва ли могли бы получать даваемый имъ обыкновенно народными пѣвцами эпитетъ — «звончатыя». Мы только что видѣли, что въ пѣсняхъ дѣйствительно неоднократно говорится не объ одной, а о нѣсколькихъ тонкихъ доскахъ, изъ которыхъ сооружается корпусъ гуслей, т.-е. резонансный ящикъ. Этому нисколько не противорѣчитъ название всего инструмента, широкаго, плоскаго, доскообразнаго, — «гусельной доской». Подобное же обозначеніе, даже сдѣлавшееся специальнымъ названіемъ инструмента, находимъ въ Германіи: тамъ гуслеобразный инструментъ цимбалы (см. ниже) носитъ название Наске бrett т.-е. буквально «рубильная доска» (по струнамъ его бьютъ [=рубятъ] особыми палочками или молоточками). Въ малорусской

1) Пальчиковъ: Крестьянск. пѣс. № 95.

2) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 8.

3) Гильфердингъ: Онежск. был. 1020, 1096. Ср. 1805.

пѣснѣ гусли, дѣлаемыя изъ тонкихъ досокъ, сами получаютъ эпитетъ «тонкія»:

Іхали вулиці Харьківці,
Стали явора рубати,
Тонкі гусловъки тесати¹.

Здѣсь, конечно, имѣется въ виду общій тонкій видъ инструмента, состоящаго изъ плоскаго (тонкаго) ящика съ натянутыми надъ нимъ струнами.

Корпусъ гуслей въ старину строился изъ явора (*platanus*), это доказывается наиболѣе употребительнымъ эпитетомъ ихъ: яворчатыя (т.-е. яворовыя) или чаще, съ перестановкой буквъ, — яровчатыя. Эпитетъ гуслей — «яворовыя» — повторяется въ пѣсняхъ всѣхъ славянскихъ народовъ, равно какъ и упоминанія объ изготошеніи гуслей изъ яворового дерева. Это обстоятельство относитъ гусли къ общей родинѣ славянскаго племени въ странахъ болѣе южныхъ, теплыхъ, где растетъ яворъ. Въ русскихъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли выше (стр. 16 — 17), яворъ не рѣдко уже замѣняется яблоней, рябиной и другими болѣе сѣверными деревьями; въ сѣверныхъ широтахъ гусли еще въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія строились изъ еловаго дерева (см. ниже); но тѣмъ не менѣе старинный эпитетъ «яворчатыя», «яровчатыя», продолжаетъ до настоящаго времени жить въ пѣсняхъ и сѣверно-русскихъ, по исконнымъ преданіямъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ, даже на самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ Россіи, народъ, по унаслѣдованнымъ отъ предковъ, стародавнимъ воспоминаніямъ, продолжаетъ называть въ своихъ пѣсняхъ Дунай, припѣвать о «красно-зеленомъ виноградѣ», котораго никогда и въ глаза не видалъ, и т. п. Приведу нѣсколько примѣровъ, касающихся сооруженія гуслей изъ яворового дерева:

Сербо-хорват. — Саделајте гуслице   Сдѣлайте гусельки

Од сувога јавора (изъ пѣсни). Иль сухаго явора.

— Гудише су гусле јаворове   Гудѣли гусли јаворовыя.
(пословица == разнеслась молва)².

1) Потебнія: Объясн. малор. и сродн. нар. чѣс., 215.

2) Кифаѣ: Op. i pov. I, 25, 39.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

19

<i>Моравск.:</i>	— Uhledli tam dřevo Dřevo javorové, Na husličky dobré.	Увидѣли тамъ дерево, Дерево яворовое, На гусельки годное.
	— Javorové husličky Ony pěkně hrajó ¹ .	Яворовые гусельки Онѣ хорошо играютъ.
<i>Словацк.:</i>	— Išli hudeci horou, Horou javorovou. Našli dřevo krásno Na husličky hlasnô ² .	Шли гудцы горой, Горой яворовой. Нашли дерево красное, На гусельки годное.
<i>Русск.:</i>	— Ты возьми мое (Добрый) платье скоморошское И гуселки возьми мои яворчаты. — А въ хѣвую (руку беретъ Садко) гусли яровчеты ³ . — Наказывать (Добрый) подать гусельшик яровчаты. — Принесли они платье скоморошское И гуселки ему (Добрый) яровчаты. — Играетъ (Чурила) въ гусельшик яровчаты. — И началь (Садко) играть въ гуселки яровчаты. — Онь (Ставръ) мастеръ играть во гусли яровчаты. — Онь(Ставръ)гораздъ играть въ гусельшик яровчеты. — Добрые молодцы начали играть во гусли яровчаты ⁴ . — Стали (купці Харьківці) явора рубати, Тонки гуслоньки тесати ⁵ .	

Замѣчу, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ чаще встрѣчается эпитетъ гуслей — «звончатыя» (см. ниже), между тѣмъ какъ эпитетъ «яровчатыя» преобладаетъ въ былинахъ⁶. — Какъ название «гусли» перешло во многихъ мѣстахъ на смычковые инструменты, такъ и эпитетъ ихъ «яворовыя» иногда переносится на скрипку, напр.:

Заграй менѣ, музиченьку, въ яворови скрипки⁷.

1) Šušil: Moravské narodni písne. 1853—1859. №№ 146, 785 (str. 615).

2) Slovenské Spevy, vyd. priat. slov. spevov. 1880. № 59.

3) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 35; V, 37.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 135, 148, 265, 370; II, 101, 111, 180. Ср. Гильфердингъ: Онежск. был. 850, 972 и др.

5) См. выше, стр. 18.

6) Считаю излишнимъ останавливаться на другихъ эпитетахъ гуслей, встрѣчающихся одинично, какъ бы случайно, по капризу того или другого пѣвца-сказителя. Таковы напр. (гусли): «хрустальнія», «нѣмецкія», «муравчатыя». См. у Гильфердинга: Онежск. был. 912, 1058, 1261.

7) Головацкій: Нар. пѣс. II, 762.

бб) *Струны.*

Я выше (стр. 3) уже высказалъ предположеніе, что слово «гусли» первоначально значило струны, а потому, какъ названіе инструмента, оно могло относиться первоначально только до музыкального орудія, имѣвшаго нѣсколько струнъ; отсюда возникаетъ новое предположеніе, что однострунныя смычковыя гусли южныхъ Славянъ получили это свое наименование вѣроятно уже вслѣдствіе перенесенія на нихъ, какъ на изобрѣтеніе позднѣйшаго периода, названія, свойственнаго вытѣсненному ими на югѣ, болѣе древнему, многострунному, несмычковому инструменту. Подтвержденіемъ тому могутъ служить слѣдующія, хотя и скучные историческія свидѣтельства о древне-славянскихъ струнныхъ инструментахъ. Византійскій писатель Феофилактъ Симокатскій (VII в.) разсказываетъ, что «гѣлохранителямъ царскимъ (въ 591 г.) попалось трое Славянъ, не имѣвшихъ при себѣ никакого оружія, но только киа́ры (κιάρας)... Они говорили: киа́ры (κιάρας) имѣемъ при себѣ для того, что не обыкли носиться съ оружіемъ.... играемъ на лирахъ (λύραις), потому что не умѣемъ играть на трубахъ»¹. Славянскіе инструменты VI вѣка, названные Феофилактомъ греческими именами «киа́ры», «лиры», разумѣются должны были имѣть нѣкоторое сходство съ этими греческими инструментами; а известно, что лиры и киа́ры въ цвѣтущее время греческаго искусства имѣли по преимуществу семь струнъ, хотя, впрочемъ, встречаются на греческихъ памятникахъ, даже классической эпохи, киа́ры и лиры какъ съ меньшимъ, такъ и съ большимъ числомъ струнъ.— Арабскіе писатели: Ибнъ-Даста (писавшій около 930 г.) и черпавшій свои свѣдѣнія изъ одного съ нимъ источника, ал-Бекри ($\dagger$ 1094 г.), описывая нравы и обычай Славянъ, свидѣтельствуютъ, что у нихъ въ употребленіи былъ струнный инструментъ съ восемью струнами².— Кон-

1) Штриттеръ: Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію. 1770 г. I, 51.

2) Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. 1870 г. Стр. 265.—Записки Имп. Акад. Наукъ. Т. XXXII, прилож. № 2, стр. 55, 65, 70.

станинъ Порфирородный (Х в.) упоминаетъ о Славянахъ, «которые употреблялись при инструментальной музыке» въ Византии¹. Вероятно и здесь они играли, между прочимъ, на своихъ многострунныхъ инструментахъ. — Въ пользу многострунности древне-русскихъ гуслей свидѣтельствуетъ и авторъ Слова о полку Игоревѣ. Боянъ, древнейшій изъ «гудцовъ» или гусларовъ русскихъ, имя которого сохранилось для потомства и образъ которого можетъ служить прототипомъ цѣлаго цикла эпическихъ пѣвцовъ русскихъ, по выражению Слова, «не десять соколовъ пускаль на стадо лебедей, а свои вѣщіе персты вскладаль на живыя струны», другими словами, онъ игралъ на струнахъ десятью перстами, т.-е. обѣими руками (ср. выше, стр. 14, сходное выраженіе объ игрѣ Бояна въ словѣ о Задонщинѣ); игра же десятью перстами предполагаетъ инструментъ, имѣющій по крайней мѣрѣ нѣсколько струнъ. — Вопросъ о дѣйствительномъ количествѣ струнъ на древне-русскихъ гусляхъ не разъясняется въ точности ни былинами, ни народными пѣснями.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ установилась почти стереотипная формула, характеризующая искусство и разнообразіе репертуара пѣвца-гусельника, — формула, въ которой постоянно рѣчь идетъ о трехъ гусельныхъ струнахъ, натягиваемыхъ или наложиваемыхъ пѣвцомъ, напр. о Добрынѣ говорится въ разныхъ пересказахъ:

- Струпу натягивалъ будто отъ Киева,
Другу отъ Царя-града
И третью съ Еросолима².
- Енъ перву (струпу) наладилъ съ града съ Киева,
Енъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Енъ вѣдь третью изъ каменной Москвы.
- Струночку играетъ отъ синя моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третью отъ Ерусалима.

1) Штриттеръ: Изв. визант. истор. I, 120.

2) Рыбниковъ: Пѣсни. II, 81.

— Ужъ онъ струночку играетъ что я Киевской,
Какъ во другую играть отъ Еросолима,
Еще въ третью про разъезды про Добрынушкы¹.

Про Ставра читаемъ:

Струночку натягивалъ отъ Киева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Еросолима².

Впрочемъ, сомнѣваюсь, чтобы изъ этой формулы можно было выводить заключеніе о томъ, что число струнъ гуслей ограничивалось тремя (ср. ниже). Въ другихъ еще пересказахъ былинъ о Добрынѣ въ той же формѣ упоминается лишь о двухъ струнахъ, напр.:

- Опъ первую (струну) завелъ отъ Киева до Еросолима,
А другу завелъ отъ Еросолима да до Царяграда,
А всѣ пошли наилѣпши Добрынини.
- Натягалъ онъ струну про Киевъ градъ,
Другую про похожденыцо,
Выигрывалъ свое рожденыцо³.

Во всѣхъ только что приведенныхъ и сходныхъ съ ними случаяхъ струны называются пѣвцомъ не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Струны, натягиваемыя, налаживаемыя или играемыя отъ разныхъ мѣсть, figurно представляютъ собою разныя повѣствованія пѣвца, сопровождаемыя звуками струнъ, или извѣстные напѣвы или мелодіи. Это доказывается слѣдующими соотвѣтствующими отрывками изъ другихъ еще пересказовъ былинъ о Добрынѣ:

- Первый разъ игралъ (Добрыня) отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Ерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе рассказывати⁴.
- Енъ игрицо игралъ отъ Царяграда,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третье играе отъ Киева⁵.

1) Гильфердингъ: Онежск. был. 1021, 1030, 1095.

2) Рыбниковъ: Пѣсни. II, 101.

3) Гильфердингъ: Онежск. был. 950, 1096.

4) Рыбниковъ: Пѣсни. III, 74.

5) Гильфердингъ: Онежск. был. 1254; ср. 1261.

О Соловьѣ Будиміровичѣ поется въ былинѣ:

- Тонцы онь ведеть отъ Нова-города,
А другіе ведеть отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за спна моря¹.
- Тонцы ведутъ отъ Новагорода,
Други ведутъ-то отъ Еросолима.
- Игры играютъ Царяграда,
Напѣвки выпѣваютъ Еросолима².

Въ былинѣ о Садкѣ встрѣчаемъ аналогическое выраженіе:

Играетъ-то Салке въ Новѣ-городѣ,
А выигрышь ведеть отъ Царя-града³.

Мы видимъ, что первая, вторая и третья струны однихъ пересказовъ соотвѣтствуютъ первому, второму и третьему «разу» начинанія игры, первому, второму и третьему «игрищу», и т. п., другихъ пересказовъ. Точно такъ и первая и вторая струны находять себѣ аналогію въ первыхъ и вторыхъ «стонцахъ», въ «играхъ» и «напѣвкахъ», въ «игрѣ» и «выигрышѣ»⁴. Слѣдовательно, судить по такимъ фігурнымъ выраженіямъ о дѣйствительномъ количествѣ струнъ гуслей, невозможно. Можно лишь вывести заключеніе, что число струнъ было не менѣе трехъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ немыслимы были бы приведенные фігурные выраженія, перечисляющія три струны.

Въ другихъ мѣстахъ былинѣ говорится о струнахъ гуслей глухо, вовсе безъ упоминанія о ихъ числѣ, напр.:

- Натягивалъ (Добрый) тетивочки шелковны
На тыя струночки золочены,
Учель по стрункамъ похаживать.
- Струнку къ струночкѣ натягиваетъ (Соловей),
Тонци по голосу наложиваетъ.

1) Рыбниковъ: Пѣсни I, 319.

2) Гильфердингъ: Онежск. был. 370, 954.

3) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 369.

4) О значеніи этихъ техническихъ выраженій въ русскихъ былинахъ см. Скоморози: 81—87.

- Бражъ Садко гусешишки яровчаты,
Яровчаты гуселки, звончаты:
Струночку ко струночкѣ наложивалъ.
- А ты струночки (гусельные) повырывай...
Скажи: «у меня струночекъ не случилось»¹.
- А й запграль (Добрый) тутъ въ гусёлышка нѣмецкія,
Поподёрнулъ онъ струпочки сибирскія².
- Изорвалъ онъ (Садко) струны золоты,
И бросаешь гусли звончаты³.

Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ также встречаются упоминанія гусельныхъ струнъ во множественномъ числѣ, но безъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ количества, напр.:

- Ай, вы гусли, мои гусли звончатые,
Ахъ, вы струны, мои струны золоты!⁴
- Запграль милый въ гусли,
Надежа моя!
- Какъ струна струнѣ можвитъ,
Утѣха моя!
- На гусляцахъ струны,
Ой людъ, мочальныя (у старика),

или:

Ой людъ, золотыя (у молодаго)⁵.

И такъ, по скучнымъ стариннымъ историческимъ свидѣтельствамъ можемъ строить предположеніе о томъ, что древнія славянскія гусли имѣли около 7 или 8 струнъ (ср. выше [стр. 11], свидѣтельства Феофилакта, Ибн-Дасты, ал-Бекри), на которыхъ играли обѣими руками (ср. выше [стр. 14], выраженіе Слова о полку Игоревѣ объ игрѣ Бояна десятью перстами). Изъ словъ былинъ заключаемъ, что число струнъ на древнихъ русскихъ гусляхъ было не менѣе трехъ; но, принимая въ соображеніе только что упомянутыя свидѣтельства, дѣлаемъ заключеніе, что

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 136, 319, 389, 378. Ср. Гильфердингъ: Онежск. был. 757.

2) Гильфердингъ: Онежск. был. 912.

3) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 237.

4) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

5) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I, III, 88, 97.

число ихъ было болѣе трехъ. Впрочемъ, нѣть основанія предполагать, чтобы число струнъ было всегда постоянно; напротивъ того, оно вѣроятно подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и число струнъ однородныхъ съ гуслями инструментовъ западноевропейскихъ. Такъ напр. относительно инструмента, именовавшагося рота (*rota*), знаемъ, что онъ имѣлъ то 7, то 10, то 17 струнъ. Близко родственный ротѣ псалтирий (*psalterium*) имѣлъ то 6, то 10, то 12, то 15 и болѣе (до 76) струнъ. Такъ же колебалось и число струнъ (а равно и объемъ) средневѣковыхъ арфъ, имѣвшихъ отъ 11 до 25 струнъ¹. Повторяю, нѣть основанія предполагать, чтобы гусли древне-русскихъ пѣвцовъ и игреческихъ составляли исключеніе изъ среды родственныхъ имъ инструментовъ другихъ европейскихъ народовъ и не подвергались, по отношенію къ числу струнъ, колебаніямъ, подобно ротѣ, псалтирю, арфѣ. Въ народномъ представлѣніи гусли являются какъ инструментъ, несомнѣнно снабженный по крайней мѣрѣ нѣсколькими параллельными струнами: отсюда «гусельчатый», т.-е. похожій на гусли, значить полосатый, бороздчатый, дорожчатый, какъ бы исчерченный струнами². Полосатымъ же можетъ называться только такой предметъ, котораго поверхность представляетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько полосъ. Мы увидимъ ниже, что гусли, бывшія въ употребленіи въ народѣ въ Россіи еще въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка и имѣвшія вполне первобытную форму, снабжены были всего пятью струнами. Принимая во вниманіе консерватизмъ народа въ области нравовъ, обычаевъ, а равно и предметовъ жизненнаго обихода, къ которымъ должно причислить и музыкальные народные инструменты, можемъ сдѣлать предположеніе, что народныя гусли и за много вѣковъ раньше имѣли ту же первобытную форму и то же ограниченное число струнъ, тѣмъ болѣе, что и близко родственный русскимъ народнымъ гуслямъ старинный инструментъ Финновъ, кантале, вѣроятно даже заимствованный отъ Русскихъ (см. ниже), въ типической своей

1) См. у Fétis: *Hist. gén. de la mus.* IV, 418, 448; V, 153—155.

2) См. у Даля: Толк. Слов.: «Гусли».

формѣ также имѣть пять струнъ. Весьма можетъ быть, что русские специальные пѣвцы, гусяры-скоморохи, первоначально и пользовались только что упомянутыми первобытными гусями; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что съ теченіемъ времени, въ особенности тѣ изъ гусяровъ, которые показывали свое искусство при дворахъ князей и царей, въ хоромахъ богатыхъ бояръ, прибѣгали къ гусямъ болѣе усовершенствованнымъ, снабженнымъ болѣшимъ количествомъ струнъ. Вспомнимъ, что при дворахъ русскихъ царей съ конца XV вѣка стали постепенно появляться иноземные инструменты и соотвѣтствующіе музыканты, стали раздаваться звуки органовъ, клавикордовъ, скрипокъ, цимбаловъ, а съ XVII вѣка установились цѣлые трубные хоры¹. Разумѣется, конкуренція эта была опасна для гусельниковъ, и они безъ сомнѣнія принуждены были заботиться о пріобрѣтеніи болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ: таковыимъ оказывается многострунный псалтиль, который, подъ именемъ гуслей, дѣйствительно встрѣчается изображенными на старинныхъ картишкахъ уже начиная съ XIV вѣка, а также на старинныхъ лубочныхъ картинкахъ позднѣйшаго времени (см. ниже).

Что касается материала, изъ котораго приготавливались гусельные струны, то всѣ сохранившіяся въ этомъ отношеніи преданія и упоминанія въ былинахъ и народныхъ пѣсняхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что струны были металлическія, по выражению былинъ и пѣсень — «золотыя» или «золоченые», напр.:

- Береть онъ (Садко) гусли звончаты
Съ хороши струны золоты...
- Изорвалъ онъ струны золоты²...
- Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золоченныя³.
- Натягивалъ (Добрыня) тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченныя⁴.

1) См. Скоморохи: 151 и сл.

2) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 236, 237.

3) Кирѣевскій: Пѣсни. V, 39.

4) Тамъ же: II, 37. Ср. Рыбниковъ: Пѣсни. I, 136.

- У **нахъ** (гусей) полочка запылилась,
А струночки перержавѣли.¹
- На гусицахъ струны,
Ой люди, золотыя².
- Ахъ, вы струны, мои струны золотыя!³

Металлическія струны наиболѣе звонки, оттого и самыя гусли обыкновенно называются «звонкими», «звончатыми», «звончестыми», напр.:

- «Еще гдѣ мои (Добривины) звончаты гусля?»
- «Ну подайте мнѣ (Ванька ключняку) гусельки звончатые!»
- Оль (Васильчиковъ) во звонкіи гусельчики попрыгаетъ.⁴
- Играетъ Соловей въ звончаты гусли.
- Бранъ Садко гуселышки яровчаты,
Яровчаты гуселки, звончаты.
- «Еще повеселле стану (Добривая) играть въ гусли звончатыя!»⁵
- Броспль (Соловей) свои звончаты гусли.
- Зангравъ Садко въ гусли звончаты.⁶
- Зангравъ онъ (уданецъ) во гусли,
Зангравъ въ звончатыя свои.
- На колѣнахъ держитъ (молодой) гусли
Ой люди, звончатыя.⁷
- Несеть (Вапюша) гусли подъ полой,
Звончаты подъ пралою.⁸
- «Ай, вы гусли, мои гусли звончатые!»⁹
- Эхъ да, во звончаты онъ гусельшишки
Онъ на(вы)прыгиваетъ, да.¹⁰
- Не хадно звончестыя (гусли) выговариваютъ.¹¹

1) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 8. «Перержавѣть» могутъ, разумѣется, только металлическія струны.

2) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 97.

3) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

4) Кирѣевскій: Пѣсни. II, 7; V, 137; VII, 54.

5) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 319, 369; II, 19.

6) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 6, 237; ср. 236.

7) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 28, 97.

8) Пермскій сборн. II, 34.

9) Шейнъ: Русск. нар. пѣс. I, 354.

10) Пальчиковъ: Крестьянск. пѣс. № 42.

11) Изъ свадебной пѣсни, записанной въ Вышневолоцкомъ у., Тверской губ., и любезно сообщенной мнѣ А. Э. Вольтеромъ.

Выше (стр. 16—17) приведено было нѣсколько примѣровъ изъ русскихъ пѣсень о тесаніи тонкихъ досокъ и о построеніи изъ нихъ гуслей звонкихъ, звончатыхъ, звончистыхъ.

Вслѣдствіе звонкости гусельныхъ струнъ, и игра на гусляхъ бываетъ «звонкая», напр.:

Да кому въ гусли повграть?
Играть будетъ Петру-судырь...
Ой Петръ-отъ свѣтъ, нозвончѣй!¹
— Въ гусли играетъ князь (= женихъ) Иванъ,
Звончісто выигрываетъ Кузьмичъ.²

«Звонъ гуслей», «гусли звенятъ» — обычныя выраженія старого русского гусяря Трофима Ананьева.³

Изрѣдка въ былинахъ упоминается о «тетивочкахъ шелковыхъ», будто бы патягиваемыхъ на «струпочки золоченыя» (ср. выше стр. 26). Полагаю, что такое выраженіе основывается на недоразумѣніи, объясняемомъ тѣмъ, что нынѣшніе пѣвцы былинъ не только уже давно гуслей не употребляютъ, но вѣроятно таковыхъ и не видѣли; поэтому представление о болѣе сложномъ составѣ струнъ легко могло помрачиться у пѣвцовъ не-гусяровъ: не на «золотыя» (т.-е. металлическія) струны патягиваются шелковыя тетивы, а наоборотъ, на шелковыя (или кишечныя) струны наматывается или навертывается тонкая металлическая проволока для басовыхъ нотъ; это практикуется и нынѣ по отношенію къ басовымъ струнамъ фортепіано, гитары, и т. п.

Вопросъ о томъ, изъ какого материала дѣлались струны древнейшихъ русскихъ гуслей, пока остается неразъясненнымъ, за неимѣніемъ на то указаній въ историческихъ памятникахъ. Что же касается старинныхъ преданий, былинъ и народныхъ пѣсень, то они другихъ гусельныхъ струнъ, кроме металлическихъ, не знаютъ, хотя по всемъ вѣроятіямъ первобытныя гусли снабжены были и болѣе первобытными струнами, напр.: волосяными (спле-

1) Потебія: Объясн. малор. и сродн. нар. пѣс. 216.

2) Изъ только что упомянутой (стр. 28, прим. 11) свадебной пѣсни.

3) См. ниже, Глава III, в.

тенныхми изъ конскаго волоса), льняными, кишечными. Достойно вниманія, что на южно славянскомъ смычковомъ однострунномъ (или двуструнномъ) инструментѣ, именуемомъ гуслями, до сихъ поръ употребляются струны, сплетенные изъ конскаго волоса.

Относительно способа игры на струнахъ русскихъ гуслей я говорилъ уже выше (стр. 13 — 15), что, судя по всѣмъ стариннымъ свидѣтельствамъ, преданіямъ, былинамъ и пѣснямъ, на струнахъ играли исключительно пальцами, а не какими либо перышками, палочками, молоточками, и т. п., а тѣмъ менѣе еще — смычкомъ.

вв. Шпенечки.

Въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ былинъ неоднократно говорится о «натягивані» или «налаживані» струнъ, т.-е. о настраиваніи гуслей. Настройваніе всѣхъ струнныхъ инструментовъ производится обыкновенно слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ струны прикрѣпляется наглухо, а другой — къ колку (Wirbel), посредствомъ повертыванія котораго въ ту или другую сторону достигается большая или меньшая натянутость или напряженность струны, а слѣдовательно и большая или меньшая высота ея тона. Въ былинахъ колокъ носитъ название шпенечекъ. Такъ напр. Садкѣ-гусельнику, послѣ того какъ подъ звукъ его игры расплясалось все подводное царство, причиняя тѣмъ много бѣдъ на морѣ, является «старикъ сѣдатый» (по другимъ пересказамъ — «старчище» или «Никола Можайскій», или Бого-родица), который увѣщеваетъ Садко прекратить игру:

Говорить старикъ таковы слова:

А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай,
Скажи: «у меня струночекъ не случилось,
А шпенечковъ не пригодилось,
Не во что больше играть:
Прломалися гуселки яровчаты». ¹

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 378. Ср Гильфердингъ: Онежск. был. 396, 879.

Послѣднія слова подтверждаютъ простоту устройства гуслей: струночки и шпенечки, вотъ, кромѣ основы—«доски» (т.-е. голосного ящика)— исключительныя составныя части инструмента.

г) Играютъ на гусяхъ всегда сидя.

Въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ, также на старинныхъ изображеніяхъ, играющіе на гусяхъ всегда сидятъ во время игры: инструментъ или прислоняется играющимъ ко груди (ребромъ или плашмя), причемъ онъ однимъ краемъ (т.-е. ребромъ) упирается въ одно или въ оба колѣна, или онъ лежитъ плашмя на колѣнахъ играющаго, или, наконецъ, лежитъ передъ нимъ на столѣ.¹ Все это устраниетъ всякую возможность предполагать, чтобы древне-русскія гусли могли быть похожи на лютню, гитару и т. п. инструменты съ грифомъ; на такихъ инструментахъ весьма часто играютъ стоя; въ стоячемъ же положеніи изображена и фигура, играющая на гитаровидномъ инструментѣ, на извѣстной древней фрескѣ Киевскаго Софійскаго собора.² Напротивъ того, древніе русскіе гусяры всегда сидѣли во время игры, и это необходимо обусловливалось специальною, доскообразною формою инструмента. Слѣдующіе отрывки изъ пѣсень, въ которыхъ игрецъ-гусяръ всегда садится передъ тѣмъ какъ начать игру, подтверждаютъ сказанное:

- И садихся (Добрыя) близъ печку близъ кирпичную,
И зыграй овъ въ гуселышка яровчаты.
- И сидитъ (Чурила) у зголовьца высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты.
- Сидѣль младъ Соловей сынъ Будимировичъ...
Играетъ Соловей въ звончаты гусли.
- Овъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ золоченоемъ,
Играетъ молодецъ, забавляется ..

1) Единственное извѣстное мнѣ исключеніе представляетъ играющій стоя гусяръ, изображеній ниже (фиг. 1) на миниатюрѣ древняго Славянскаго псалтиря (XIII—XIV в.).

2) См. ниже фиг. 28.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЬ

31

— Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
 Садился на бѣль горючъ камень
 И началъ пгратъ въ гуселы яровчаты.¹

Терентьевъ жена приглашаетъ къ себѣ толпу скомороховъ, поиграть и попѣть, и

- Веселые скоморохи
 Садились на лавочки,
 Запграли во гусельцы.
- Посадилъ (мнимый посолъ) Ставра противъ себя въ дубову скамью,
 И зачалъ тутъ Ставръ (въ гусли) понгрывати.²

Въ одной изъ хороводныхъ весеннихъ пѣсень поютъ:

Какъ садился молодецъ,
 Какъ садился удахецъ
 Противъ вдовушки (или: дѣвушки) на скамьѣ.
 Заигралъ онъ во гусли...

По словамъ одной изъ плясовыхъ пѣсень, играющей на гусляхъ сидить и держитъ гусли на колѣнахъ:

Во бесѣдѣ сидѣтъ старой,
 Ой юли, постылой!
 На колѣниахъ держитъ гусли,
 Ой юли, любяные...

Далѣе картина мѣняется:

Во бесѣдѣ сидѣтъ молодой,
 Ой юли любезной!
 На колѣниахъ держитъ гусли,
 Ой юли, звончайные³...

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ, сей послѣдній, вскочивъ на указанное ему княземъ Владиміромъ мѣсто, именно «на печку на земляную»,

Положилъ гусёлышка на свои колѣна молодецкія,
 Учѧлъ почалъ во гусельшки выигрывать.⁴

1) Рыбниковъ: Пѣсни. I, 166, 265, 319, 331, 370. Ср. Гильфердингъ: Онежск. был. 850, 1068 и др.

2) К. Даниловъ: Древн. рос. стих. 13, 91.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. III, 97.

4) Гильфердингъ: Онежск. был. 582.

Въ другой, свадебной, пѣснѣ гусли находятся на столѣ передъ играющимъ на нихъ женихомъ («княземъ»): въ новой горницѣ дубовые столы, на столахъ скатерти браныя лежать,

На скатертяхъ гусли звончатыя стоять (лежать?)

Въ гусли играетъ князь Иванъ¹...

Что касается упомянутаго выше присложенія гуслей и гуслебразныхъ инструментовъ, во время игры, ко груди, то такой способъ держанія инструмента наглядно доказывается приведенными ниже изображеніями (фиг. 1, 2, 17, 18, 23, 24 и др.).

---

1) Изъ упомянутой выше (стр. 27, пр. 11) свадебной пѣсни. Нигдѣ и никогда, кромѣ даннаго случая, инѣ не встрѣчалось выраженіе: «гусли стоять». Здѣсь пѣвецъ, со словъ которого пѣсня записана, употребилъ выраженіе «стоять» вѣроятно лишь во избѣжаніе повторенія слова «лежать», которымъ заключается предыдущій стихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Постепенное усовершенствование формы русскихъ гуслей.

Разсмотрѣвъ упоминаемыя въ произведеніяхъ народнаго творчества составныя части гуслей, обращаюсь къ изслѣдованию общаго вицъя вида даннаго музыкального орудія. Постараюсь, насколько позволять нѣкоторыя сохранившіяся изъ прошедшихъ вѣковъ изображенія и описанія гуслей, прослѣдить различныя фазы развитія и усовершенствованія этого инструмента. Старинныя изображенія гуслей весьма немногочисленны, описанія же начинаются появляться лишь въ XVIII вѣкѣ. Мы видимъ, что материалы, которыми можно пользоваться, болѣе чѣмъ скучны.

а) Первобытныя русскія гусли.

Къ самымъ раннимъ художественнымъ памятникамъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на рассматриваемый предметъ, принадлежать миніатюры, украшающія славянскій псалтирь библіотеки А. И. Хлудова, относимый къ XIII—XIV вѣку¹. Здѣсь, между прочимъ, представленъ царь Давидъ, составляющій псалтирь: царственный пѣснопѣвецъ, самъ играющій на музыкальномъ инструментѣ (кажется на «мирѣ» или «рыль», Dorfleuer,

1) См. Прохоровъ: Русскія Древности. 1871 г. Кн. VI.

держа въ правой рукѣ не смычкѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а вѣроятнѣе — рукоятку «лиры»), окружень группами пѣвцовъ и музыкантовъ. Инструменты въ рукахъ послѣднихъ, разумѣется, не древне-еврейскіе, а принадлежащіе времени составленія изображенія, т.-е. употребительные въ XIII вѣкѣ, но вошедшіе въ употребленіе вѣроятно гораздо раньшѣ. Образецъ для миниатюра былъ греческій; но, судя по неправильному правописанію имѣющихся мѣстами греческихъ подписей, рисовалъ, по заключенію описавшаго псалтири архимандрита Амфилохія¹⁾, не грекъ, а русскій, незнакомый съ греческимъ языкамъ. Отсюда заключаемъ, что и инструменты, изображенные въ рукахъ играющихъ, быть можетъ, были въ дашное время въ употреблении въ Россіи. Наиболѣе интересна для насъ въ настоящемъ случаѣ одна изъ фигуръ группы лицъ, стоящей вправо отъ Давида (фиг. 1).

Фиг. 1.

Группа музыкантовъ изъ миниатюры Славянского псалтиря XIII—XIV вѣка библиотеки А. И. Хлудова.

одно изъ нихъ играетъ правой рукой на прислоненномъ плашмя ко груди музыканта пяти(?)струнномъ доскообразномъ инструментѣ: другое — на духовомъ, третье — на тарелкахъ, что же

группа эта состоять изъ четырехъ лицъ:

дѣлаеть четвертос—не видно. Надъ группой надпись, заимствованная изъ 80-го псалма: «Псалтирь красенъ съ гусльми». Послѣднее слово, если не принимать его въ смыслѣ музыкальныхъ инструментовъ вообще (ср. выше, стр. 5), можетъ относиться только къ доско- или гусле-образному инструменту первого изъ поименованныхъ лицъ данной группы. Въ другой группѣ (на той же таблицѣ), помѣщающейся ниже Давида, въ лѣвомъ углу, видимъ онять группу поющихъ и играющихъ и между ними музыканта, держащаго на колѣнахъ прислоненный противоположнымъ концомъ груди продолговатый гуслеобразный (четырех(?)струнныи) инструментъ, на которомъ онъ какъ будто бы играетъ пальцами обѣихъ рукъ (Фиг. 2).

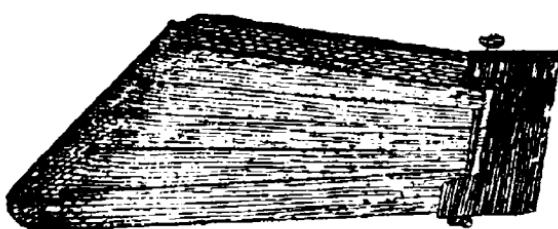
Оба эти ин-

Фиг. 2.

Группа музыкантовъ и пѣвцовъ изъ той же миниатюры, какъ фиг. 1.

струмента представляютъ первобытную форму гуслей. Достойно вниманія, что еще въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго въ русскомъ народѣ были въ употребленіи первобытная гусли, по виду своему сходствовавшія съ инструментомъ, изображенными на Фиг. 1. Въ 1795 году вышла книга Гютри о русскихъ древностяхъ, въ которой авторъ, между прочимъ, пишетъ: «гусли, по видимому, были первою попыткою, посредствомъ которой достигли до построенія инструмента, известнаго подъ именемъ горизонтальной арфы». Самую цѣнную часть сообщенія Гютри составляетъ рисунокъ, изображающій простейшую форму гуслей, въ видѣ гусельной доски съ натянутыми

Фиг. 3.

Русскія первобытныя гусли конца XVIII вѣка.

былинъ и пѣсень, какъ было указано выше (стр. 10—11), носились играющими «подъ полой», «подъ мышкой», «подъ пазухой», и т. п. Такія же первобытнаго вида гусли описалъ въ первой половинѣ вынѣшняго столѣтія Фетисъ, вѣроятно получившій свѣдѣнія о нихъ отъ извѣстнаго композитора Боальдѣ, который въ 1803 году былъ въ Петербургѣ, въ качествѣ капельмейстера придворнаго оркестра; предположеніе это я основываю на томъ, что описаніе свое Фетисъ иллюстрируетъ нотнымъ примѣромъ русской пѣсни съ сопровожденіемъ гуслей, полученнымъ имъ отъ Боальдѣ. Вотъ что пишетъ Фетисъ: «Гусли или горизонтальная арфа представляютъ особенный инструментъ, состоящій изъ тонкой доски еловаго дерева, прикрѣпленной къ легкому ящику. Онѣ снабжены пятью струнами, настроенными слѣдующимъ образомъ:

la ut mi sol la.

Музыкантъ, играющій на гусяхъ, употребляетъ ихъ только для сопровожденія пѣнія медленныхъ мелодій или плясовыхъ пѣсень, наигрываемыхъ на гудкѣ². Упоминаніе Фетиса о тонкой гусельной доскѣ совпадаетъ съ вышеприведенными (стр. 16—17) свидѣтельствами народныхъ пѣсень, о тесаніи тонкихъ досокъ, чтобы дѣлать гусли, также съ вышеприведеннымъ (тамъ же) названіемъ всего инструмента «гусельной

1) Guthrie: *Dissertations sur les antiquit es de Russie*. 1795. P. 31. Tab. II, fig. 9.

2) F tis: *R sum  philosophique de l'histoire de la musique*. CXXIX—CXXX. Въ первомъ изданіи (1835) *Biographie universelle des musiciens* того же автора.

надъ нею пятью струнами, здѣсь воспроизведимый¹ (фиг. 3).

Таковы были вѣроятно тѣ ручныя старинные гусли, которыя, по словамъ

доской». Заключительные слова Фетиса о сопровождении гуслами плясовых пѣсень, наигрываемыхъ на гудкѣ (нынѣ замѣщенному скрипкой), подтверждаются словами нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень, напр.:

У меня квартирушка веселая...
Играютъ два хлопчика на гусляхъ,
А я добрый молодецъ на скрипкѣ;
Ты будешь, душа моя, танцевать¹...

Въ первобытной своей формѣ, снабженныя лишь пятью струнами, гусли, разумѣется, могли служить только для сопровождения, для поддержки голоса пѣвца (или другого болѣе богатаго звуками инструмента), а потому, конечно, пѣсня въ сочетаніи съ гуслами играла первую роль, а гусли — второстепенную. Это подтверждается опять словами народныхъ пѣсень, напр.:

Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ,
Мыль съ гуслами, а я съ пѣснями.
Не придутъ гусли противъ пѣсенекъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки².

Пѣсни предпочтитаются гуслами, какъ отецъ — свекру. Въ былинахъ о Соловьевѣ Будимировичѣ, о Садкѣ, пляшутъ и поютъ подъ звуки гуслей:

— Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ.
— Сталъ онъ (Садко) въ гуселышки понгравать...
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,
А царница Водяница поплясывать,
Красныша девушки хороводъ водятъ,
А мелкая четъ въ присядку пошли.

Въ великорусской пѣснѣ поется:

Да кому въ гусли понгратъ?
Да кому подъ нихъ поплясать?³

Въ Галицко-русской пѣснѣ молодецъ

На гусляхъ грае, красно спивае⁴.

1) Римскій-Корсаковъ: Сборн. русск. нар. пѣс. № 37.

2) Якушкинъ: Нар. русск. пѣс., 281.

3) См. у Потебни: Объясн. малор. и средн. нар. пѣс., 216.

4) Pauli: Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1889. I, 165.

Въ русскихъ былинахъ неоднократно читаемъ о гусельной игрѣ, сопровождающей пѣніе, напр.:

- Некому играть въ гусли на честномъ ширу,
- Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
- Про стары времена и про нынѣши.
- Зачалъ (Добриня) въ гусли играть, приговаривать.
- Учель по стрункамъ похаживать,
- Учель онъ голосомъ поваживать, и т. п.¹

Въ Сказаніи о Задонщинѣ упоминаются «гусельные слова», Боянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ пѣлъ пѣсни въ честь князей, сопровождая свое пѣніе игрою на струнахъ (гусляхъ). Фетисъ приводить въ высшей степени интересный примѣръ сопровожденія пяти-струнными гуслями народной малорусской пѣсни, записанный Боальдѣ (ср. выше, стр. 36): «Пораженный какъ оригинальностью мелодіи, такъ и тональною соотвѣтственностью гармоніи, Боальдѣ тщательно записалъ эту любопытную пьесу», говорить Фетисъ². Примѣръ этотъ здѣсь мною воспроизводится:

Пѣніе. {

Гусли. {

1) См. Скоморохи: 18, 28, 32—33, 38, 67—68. Ср. выше, стр. 22—23.

2) Rés. phil. de l'hist. de la mus. CXXXI. Данная мелодія принадлежитъ пѣсни: «Ахъ, подъ пишнею. подъ черешнею»... См. у Прача: Собрание русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами. 1816 г. Ч. I: пѣс. Малорос. № 4.

Впрочемъ, бывали русскіе народныя гуслыры, игравши€ на первобытныхъ гусяхъ свои импровизаціи не для пѣнія и не для плясокъ, но въ качествѣ самостоятельной гусельной музыки¹. Гусли въ формѣ, весьма близкой къ изображенной у Гютри (см. выше, фиг. 3), еще не такъ давно встрѣчались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи².

Вопросъ о первобытныхъ русскихъ гусяхъ значительно разъясняется разсматриваніемъ близко родственныхъ имъ, первобытныхъ, того же типа, инструментовъ соудей нашихъ, а именно народовъ финскаго и литовскаго племенъ: Финновъ, Эстовъ, Литовцевъ и Латышей. Всѣ эти народы обладали, а отчасти и до сихъ поръ еще обладаютъ инструментами даннаго типа, нѣкоторые экземпляры которыхъ хранятся въ разныхъ музеяхъ и у частныхъ лицъ, любителей старины, подробно описаны и изображены въ специальныхъ статьяхъ и представляютъ для насъ въ данномъ случаѣ чрезвычайный интересъ. Обращаюсь къ разсмотрѣнію этихъ инструментовъ.

б) Кантеле Финновъ. — Каннель Эстовъ. — Канклесъ Литовцевъ. — Нуаклесъ Латышей. — Отношеніе этихъ инструментовъ къ русскимъ первобытнымъ гусламъ.

Финскій народный гуслеобразный инструментъ носить название

Kantele.

Древнѣйшія свѣдѣнія о финской канtele почерпаемъ изъ древне-финскаго народнаго эпоса, собраннаго и изданнаго подъ общимъ именемъ «Калевала». Старикъ Вейнемайценъ, божественный представитель пѣнія, самъ строитъ канtele, сперва изъ костей пойманной имъ чудовищной щуки, позже — изъ березового дерева.

1) См. выше, Гл. III, в.

2) М. О. Пѣтуховъ слышалъ о существованіи гуслей въ Новгородской губерніи отъ В. В. Андреева, известнаго виртуоза на балалайкѣ. Ниже описанъ будетъ экземпляръ гуслей, недавно добытый изъ Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

Началь старый Вейнемейненъ
 Самъ вязать тѣ рыбы кости,
 Самъ онъ мастеромъ явился,
 Инструментъ онъ самъ устроилъ,
 Вещь на вѣчную отраду.
 Выгибъ¹ кантеле откуда?
 Выгибъ — челюсти той щуки.
 Штифтики² его откуда?
 Изъ зубовъ огромной щуки.
 Струны кантеле откуда?
 Изъ волосъ коня Хиси³.

Утративъ инструментъ, сдѣланный изъ рыбьихъ костей,
 Вейнемейненъ дѣлаетъ новый изъ берёзы, плачущей о своей
 горькой судьбѣ.

Молвить старый Вейнемейненъ:
 «Ты не плачь, моя берёза,
 Не горюй въ зеленыхъ листьяхъ,
 Съ бѣлымъ поясомъ не плачъся!
 Жребій твой вполнѣ счастливый,
 Жизнь твоя вполнѣ отрадна,
 Ты отъ радости заплачешь,
 Зазвучишь отъ удовольствій».
 Сдѣлалъ старый Вейнемейненъ
 Изъ березы этой гусли...
 Выгибъ кантеле онъ рѣжеть,
 На утѣху этотъ ящикъ⁴,
 Выгибъ дѣлаетъ онъ прочный,
 Весь въ прожилкахъ этотъ ящикъ.
 Молвить старый Вейнемейненъ,
 Говорить слова такія:
 «Кончепъ кантели здесь выгибъ,
 Всѣмъ па радость этотъ ящикъ.
 Гдѣ же винтиковъ достану,

1) Точнѣе было бы: «выдолбъ», такъ какъ рѣчь идетъ о выдолблѣніи на нижней поверхности инструмента голосномъ ящикѣ. Ср. ниже: «выгібъ» отождествляется съ «ящикомъ».

2) Ср. въ русскихъ былинахъ — «шпенечки» гуслей.

3) Руна 40. См. Павлеонъ литературы. 1888 г. Октябрь, стр. 483.

4) Т.-е. выдалбливаетъ ящикъ.

Гдѣ возьму колковъ хорошихъ?»
На дорогѣ дубъ поднялся,
На дворѣ онъ росъ высоко.
Вѣтви равнѣа все были,
Съ желудями были вѣтки,
И на желудѣ по шару,
А на шарѣ по кукушѣ.
И кукушка куковала:
Пять тоновъ тамъ раздавалось,
И текло изъ клюва золото,
Серебро текло обильно
На златистые пригорки,
На сребристыя высоты.
Тамъ для кантеle гвоздочки,
Тамъ онъ взялъ колки для гусель.
Молвитъ старый Вейнемейнеръ,
Говорить слова такія:
«Есть для кантеle гвоздочки,
Есть колки для новыхъ гусель;
Все же кантеle не илько,
Струнъ пяти въ немъ не хватаетъ.
Гдѣ возьму я эти струны,
Гдѣ я звучныя достану?»

Вейнемейнеръ идетъ искать струны. Въ лѣсу онъ находитъ дѣвицу, которая поетъ въ ожиданіи своего возлюбленпаго. Онъ просить у дѣвицы волосъ:

«Дай волосъ своихъ, дѣвица,
Дай кудреи твоихъ пѣжийшихъ,
Чтобъ они пошли на струны,
Были вѣчною утѣхой».
И дала волосъ дѣвица,
Подала своихъ мягчайшихъ,
Подала ихъ пять, шесть, даже
Полныхъ семь волосъ достала.
Струны кантеle явились,
Вѣчно будящая радость.
Было кантеle готово...
Началъ старый Вейнемейнеръ:
Онъ на кантеle играетъ...
И звучать березы дрено,

И звенить березы зеленъ (т.-е. деревянный корпус инструмента, голосной ящикъ, сооруженный изъ березы «въ зеленыхъ листьяхъ», ср. выше),

Кличеть золото кукушкъ (т.-е. колки, гвоздочки),

Воскликаетъ волосъ дѣви (т.-е. струны)¹.

Изъ данныхъ отрывковъ древней народной поэмы заключаемъ, что канtele строилась изъ березового дерева (миѳ о построениі канtele первоначально изъ рыбьихъ костей, быть можетъ, имѣеть также какую нибудь древнюю фактическую подкладку, но нынѣ встрѣчаемые еще экземпляры этого инструмента всегда деревянные), что колки или гвоздочки были металлические, а струны волосяные. Число струнъ, а следовательно и тоновъ канtele, точно опредѣлено цифрой 5 («Пять тоновъ тамъ раздавалось», «струнъ пяти въ немъ не хватаетъ»), но дальше встрѣчаемъ намѣкъ и на большее число ихъ: 6 и даже 7 (дѣвшушка даетъ Вейнемейнену 5, 6, даже 7 волосъ на струны). Въ качествѣ первобытного пяти-струнного инструмента, состоящаго изъ ящика, струнъ и колковъ, канtele весьма сближается съ первобытными русскими гуслями, также состоявшими изъ «доски» (т.-е. плоскаго ящика), струнъ и шпенечковъ (т.-е. колочковъ); подобно русскимъ первобытнымъ гуслямъ, канtele была инструментъ ручной, небольшаго размѣра («въ руки канtele береть онъ», см. ниже), не смычковый («по струнамъ... все пять пальцевъ пробѣгаютъ», см. ниже). Мы увидимъ далѣе, что нынѣшняя канtele снабжены струнами металлическими, какъ и русскія гусли, которыя въ старину вѣроятно, какъ и канtele Вейнемейнена, имѣли волосяные струны, такъ какъ это наиболѣе первобытная форма струнъ. Я уже упоминалъ выше о томъ, что у южныхъ Славянъ до сихъ поръ смычковыя гусли имѣютъ струны, сплетенные изъ конского волоса. Аналогія между финской канtele и русскими старинными гуслями проявляется и въ способѣ игры: какъ русскіе гусляры, такъ и финскіе игроки на канtele играютъ сидя, держать инструментъ свой на колѣнахъ и перебираютъ

1) Руна 44. Пант. лит. 1888 г. Ноябрь. 522—525.

струны пальцами. Вотъ какъ описывается игра Вейнемейнена на кантеле въ Калевалѣ:

Старый вѣрный Вейнемейненъ...
Сѣлъ на камень пѣснопѣнъ...
Взялъ онъ кантеле подъ пальцы,
Ставитъ выгибъ (т.-е. ящикъ) на колѣни...
Пальцы быстро поднялися
Высоко большой поднялся.

Нѣсколько далѣе опять читаемъ:

Старый вѣрпый Вейнемейненъ
Тотчасъ къ кантеле подходитъ
И играть на немъ садится ¹.

И еще далѣе:

Сѣлъ тутъ старый Вейнемейненъ
На сѣдалюще изъ камня,
На скамейку возлѣ двери.
Въ руки кантеле беретъ онъ,
Взялъ къ себѣ свою усаду,
Повернулъ онъ выгибъ къ небу,
А головку на колѣни,
И привезъ въ порядокъ струны,
И настроилъ ихъ, какъ падо ².
Вотъ настроилъ эти струны,
Стало кантеле въ порядкѣ.
Взялъ онъ гусли на колѣни,
Тамъ ихъ наискось поставилъ;
По струнамъ ногтей десятокъ,
Всѣ пять пальцевъ пробѣгаютъ,
По струнамъ звучатъ съ весельемъ,
Перепрыгиваютъ быстро...
Онъ на кантеле играетъ
Нѣжно, мягко водить пальцемъ,
Большой палецъ вытягиваетъ...
Вотъ персты играютъ старца,
Струны кантеле играютъ ³.

1) Руны 41, 42. Пант. лит. 1888. Октябрь. 486—487, 495.

2) Ср. ниже описание сохранившихся еще въ народѣ кантеле, объясняющее только что упомянутый приемъ для настройки струнъ.

3) Руна 44. Пант. лит. 1888 г. Ноябрь. 524—525.

Все это совпадает съ упоминаемымъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ Сказаніи о Задонщинѣ «вскладаніемъ Бояномъ перстовъ на живыя струны», съ упоминаемой въ русскихъ пѣсняхъ игрой молодца на гусяхъ «бѣлой рукой», а равно и съ «подѣргиваніемъ» гусельныхъ струнъ или «похаживаніемъ» по струнамъ (разумѣется перстами), о которомъ рѣчь идетъ въ русскихъ былинахъ (ср. выше, стр. 13—15).

Асерби, описавшій свое путешествіе къ Нордкапу, упоминаетъ о видѣнномъ имъ финскомъ народномъ струнномъ инструментѣ (кантеле), который онъ однако называетъ болѣе новымъ именемъ Нагри, и въ которомъ онъ (хотя и несправедливо) предполагаетъ первообразъ арфы. Самое это предположеніе говорить въ пользу того, что Асерби дѣйствительно имѣлъ въ виду кантеле или горизонтальную арфу. Струны инструмента числомъ пять, какъ на кантеле Вейнемайнена, металлическія и настроены въ послѣдовательныхъ интервалахъ квинты, съ малой терціей:

la si do re mi.

Народъ этотъ, замѣчаетъ авторъ о Финнахъ, не счелъ нужнымъ дать инструменту больше струнъ, чѣмъ у него пальцевъ на рукѣ. На данныхъ пяти нотахъ (т.-е. на протяженіи квинты) они играютъ, пляшутъ и поютъ свои пѣсни¹.

Въ Сѣверномъ музѣ (Nordiska Museet) въ Стокгольмѣ хранится нѣсколько экземпляровъ финскихъ кантеле съ 5, 8, 12 струнами, изображеніе и подробное описание которыхъ сдѣлано Густавомъ Ретціусомъ въ его книгѣ (на шведскомъ языкѣ): «Финляндія въ Сѣверномъ музѣ». «Древнѣйшая форма (кантеле),

Фиг. 4.

Пяти-струнная финская кантеле ($\frac{1}{9}$ натуральной величины) Сѣверного музея въ Стокгольмѣ.

по словамъ Ретціуса, имѣть только пять струнъ и пять колоколовъ, какъ на слѣдующемъ рисункѣ (Фиг. 4):

1) Acerbi: Voyage au Cap-Nord par la Suede, la Finlande et la Laponie (trad. d'apr s l'original anglais par J. Lavall e). 1804. II, p. 53—54.—Нѣсколько мелодій такого рода, на тоникѣ *sol*, приведены въ моей книгѣ: Древн. индокит. гамма въ Азіи и Евр. 92.

она сдѣлана изъ куска березового дерева (длиною въ 60 сантиметровъ, шириною на узкомъ концѣ въ 7, а на самомъ широкомъ мѣстѣ въ 11 сант., а толщиною приблизительно въ 5 сант.), глубоко выдолбленнаго, въ видѣ длинной пизкой коробки или ящика; углубление этого ящика открыто, т.-е. не покрыто никакою крышкою. Общій видъ инструмента изображенъ на приведенномъ рисункѣ. Сравнивая эту фигуру съ описаніемъ кантеле въ Калевалѣ, мы видимъ, что здѣсь «головкою» называется узкій конецъ, гдѣ наглоухо прикреплены струны, а «выгибомъ» — ящикообразное углубленіе, выдолбленное въ нижней поверхности корпуса инструмента. Теперь понятно, что Вейнемейненъ, настраивая свою кантеле (ср. выше, стр. 43), упиралъ головку инструмента въ колѣна, нижнюю, выдолбленную сторону корпуса инструмента обращалъ кнаружи, т.-е. вверхъ («къ небу»), и поворачивалъ колочки, натягивалъ или ослаблялъ тѣмъ соответствующія струны.

Другой экземпляръ кантеле Сѣвернаго музея, наиболѣе близко подходящій къ описанной древнѣйшей формѣ, также снабженъ пятью струпами, но выдолбъ его за крытъ тонкой деревянной дощечкой, такъ что корпусъ инструмента имѣеть видъ доски, на нижней своей поверхности переходящей въ форму плоскаго закрытаго ящика. На верхней сторонѣ доски, надъ которой протянуты струны, вырѣзанъ голосникъ, въ видѣ крестообразной фигуры.

На третьемъ экземпляре кантеле Стокгольмскаго Сѣвернаго музея — 8 струнъ, вслѣдствіе чего инструментъ несколько

Фиг. 5.

Восьми-струнная финская кантеле ($\frac{1}{9}$ натур. величины) Сѣвернаго музея въ Стокгольмѣ.

здѣсь колки имѣютъ иное положеніе, сравнительно съ предыдущими двумя экземплярами, а именно: головки ихъ находятся подъ доской, а тонкіе концы просовываются на верхнюю ея поверхность, въ предыдущихъ же экземплярахъ положеніе колковъ обратное. Далѣе встречаются инструменты съ еще болѣшимъ числомъ

струнъ, до 12 или даже до 16, вслѣдствіе чего они все болѣе расширяются и приближаются въ очертаніи своемъ къ формѣ арфы. Наконецъ, новѣйшія кантелие утрачиваютъ арфообразный свой видъ и получаютъ форму прямоугольнаго ящика¹.

Въ Дерптскомъ отечественномъ музѣѣ (*Vaterländisches Museum*) имѣются два экземпляра кантелие: пяти- и восьми-струнныій (см. ниже, замѣчанія о нихъ проф. Веске).

Въ музѣѣ С.-Петербургской консерваторіи также хранится недавно пожертвованная М. О. Пѣтуховымъ тринадцати-струнная финская кантелье, изображеніе которой, здѣсь приводимое (фиг. 6), послѣ всего только что изложеннаго, не требуетъ объясненія.

На Московской этнографической выставкѣ (1867 г.) былъ, между прочимъ, выставленъ карельскій (изъ Олонецкой губерніи) инструментъ кацдала, т.-е. кантелье (у Вепсовъ *kandel*, ср. ниже), описываемый такъ: «кацдала имѣеть виѣшнее очертаніе небольшой арфы; но струны (изъ мѣдной проволоки)натянуты на резонансномъ ящики съ кругообразнымъ прорѣзомъ. Всѣхъ струнъ 13». Страй инструмента остался неизвѣстенъ². Для большей наглядности, привожу еще изъ упомянутой выше книги Ретціуса (стр. 118) изображеніе старика, играющаго на кантелье; оно снято съ картинки, принадлежащей Сѣверному музею въ Стокгольмѣ (фиг. 7).

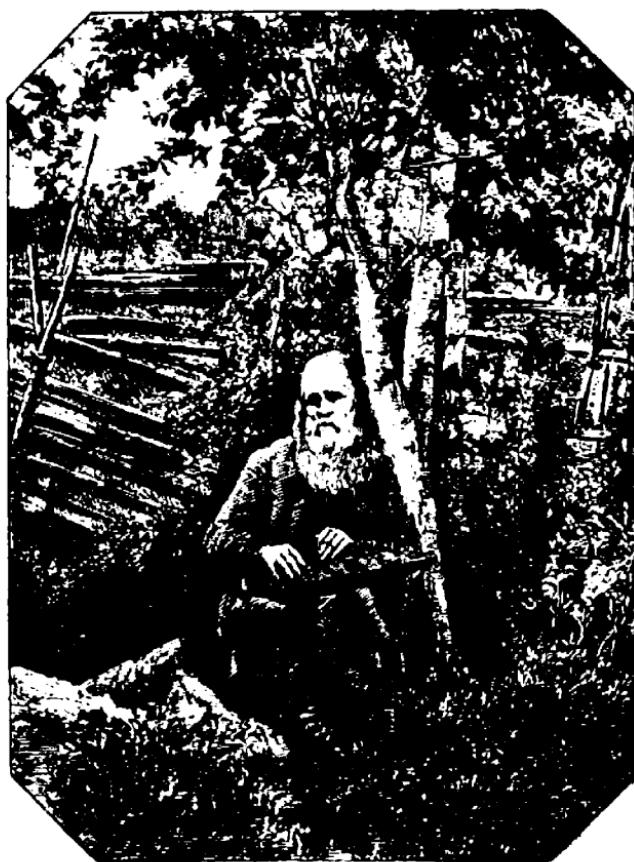
Фиг. 6.
Тринадцати - струнная
финская кантелье музѣїа
С.-Петербургской консерваторіи.

Прибавлю, что нынѣ въ «Тавастландѣ», т.-е. въ Тавастгусской губерніи, не встрѣчается и слѣдовъ кантелие. Сохранились рѣдкіе экземпляры ея только въ Карелии (нынѣшней Выборгской губерніи), преимущественно въ восточной ея части (ср. выше

1) *Retzius: Finland i Nordiska Museet. 1881. 119—121.*

2) Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи изд. Дашковымъ. 1868 г. I, стр. 163.

«кандала», карельский инструментъ изъ Олонецкой губерніи.), т.-е. на восточной окраинѣ Финляндіи. Всѣ описанные Ретціусомъ экземпляры получены Сѣвернымъ музеемъ изъ Кареліи¹.

Фиг. 7.
Игрецъ на восьми-струнной финской кантеле.

Разсмотрѣнныи финскій народный инструментъ извѣстенъ былъ издавна и среди Эстовъ; его описывали, въ качествѣ очевидцевъ, еще авторы конца прошедшаго и начала нынѣшняго

1) Retzius: Finl. i Nord. Mus. 116 sqq.

столѣтія. У Эстовъ онъ носить то же название, но въ сокращен-
ной формѣ—

Kannel

(род. *kandle*, или въ поэтическомъ языкѣ—*kandele*). Шлегель въ 1788 году писалъ объ Эстахъ, что единственный известный у нихъ инструментъ — волынка. «Впрочемъ — прибавляетъ онъ — есть у нихъ еще инструментъ, очень скучный по звуку: надъ кускомъ дерева протянуто нѣсколько проволочныхъ струнъ, на которыхъ играютъ помощью деревянной палочки»¹. Рѣчь очевидно идетъ объ эстонской каннели. Петри, издавшій въ 1802 году сочиненіе объ Эстляндіи и Эстахъ, видѣлъ еще въ рукахъ народа «жалкую» (*elend*), по его выраженію, «лежащую арфу», т.-е. очевидно ту же каннель, причемъ онъ утверждаетъ, будто бы Эсты заимствовали этотъ инструментъ (вмѣстѣ со скрипкою) у Нѣмцевъ. Авторъ упоминаетъ при этомъ случаѣ о знакомомъ ему Эстонцѣ, который самъ соорудилъ себѣ «лежащую арфу» и наигрывалъ на ней эстонскіе танцы и хоралы². Въ настоящее время, по устному сообщенію эстонскаго пастора въ Петербургѣ, доктора И. Гурта, данный инструментъ совсѣмъ исчезъ изъ употребленія въ Эстляндской губерніи, встрѣчается же онъ еще только у православныхъ Эстовъ, живущихъ въ сѣверо-западной части Псковской губерніи, въ углу, ограничиваемомъ съ сѣвера южнымъ берегомъ озера Пейпуса, а съ запада — восточной границей Лифляндской губерніи, и именуемыхъ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ — «полувѣрцами». «У псковскихъ Эстовъ старинная эстонская арфа, считающаяся вымершою, употребляется еще въ большомъ числѣ экземпляровъ, замѣчаетъ проф. Веске (въ 1875 г.). Насчитываютъ ихъ въ окрестностяхъ до тридцати штукъ. Одинъ изъ экземпляровъ — продолжаетъ авторъ — я вывезъ изъ сосѣдней съ Raakwa деревни, отъ Kosta Mikk». Указавъ на существенную роль, которую играетъ каннель въ эстонскихъ пѣсняхъ,

1) Schlegel: Etwas über Form, Geist etc. der Esthnischen Nation, въ «Der deutsche Merkur» 1788. S. 431.

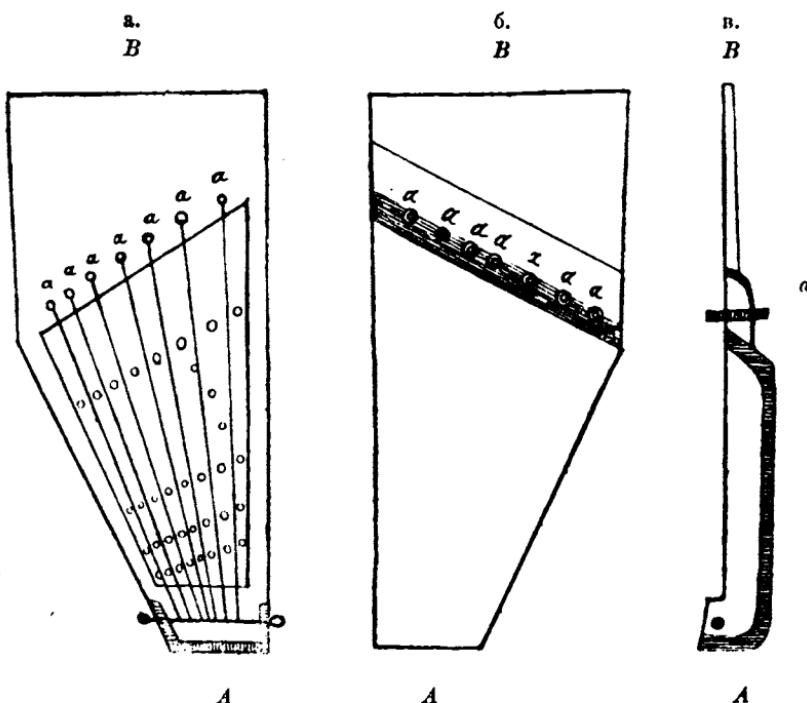
2) Petri: Esthland und die Esthen. 1802. II, S. 171, 173.

авторъ такъ описываетъ свой инструментъ: «арфа приготовлена изъ крѣпкаго старого еловаго ствола, самымъ первобытнымъ образомъ. Длина ея — 25 дюймовъ, ширина — въ болѣе узкомъ концѣ — $4\frac{1}{2}$ дюйма, въ срединѣ же инструмента — 8 дюймовъ. Одна изъ длинныхъ сторонъ прямая, другая же, начиная отъ средины, заостряется къ болѣе узкому концу. Семь колковъ тянутся по инструменту по одной линіи наискось, такъ что длина пайболѣе длинной струны, у прямолинейной стороны, составляетъ 18 дюймовъ, а кратчайшей, у противуположной стороны — 9 дюймовъ. Слѣдовательно длина струнъ, состоящихъ изъ мѣдной проволоки, возрастаетъ постепенно на 1 дюймъ. Толщина арфы въ томъ мѣстѣ, где натянуты струны, составляетъ приблизительно 2 дюйма, а у широкаго конца (внѣ колковъ) — около $\frac{1}{2}$ дюйма. Верхняя плоскость образуетъ прямую поверхность, а нижня (у широкаго конца), начиная съ линіи колковъ, вырублена. Часть же, лежащая подъ струнами, толщиною въ 2 дюйма, выдолблена и покрыта тонкой голосной доской; послѣдняя во многихъ мѣстахъ, въ правильныхъ разстояніяхъ, снабжена мелкими дырочками. Арфа псковскихъ Эстовъ, прибавляетъ авторъ, во всѣхъ существенныхъ частяхъ построена, слѣдовательно, точно такъ, какъ находящаяся въ нашемъ (т.-е. дерптскомъ) отечественномъ музѣи пятиструнная арфа изъ Финляндіи и восьмиструнная — изъ окрестностей Феллина, где она, по слухамъ, была въ употребленіи еще въ концѣ прошедшаго столѣтія; впрочемъ, она болѣе приближается къ финской арфѣ»¹.

Докторъ Гуртъ въ 1886 году видѣлъ въ Wilo külä (Псковского уѣзда) и срисовалъ экземпляръ эстонской каннели. Струны были металлическіи, числомъ — 7. Снятное г. Гуртомъ и любезно доставленное мнѣ изображеніе (фиг. 8) вполнѣ поясняетъ только что приведенное описание такого же инструмента проф. Веске, съ тою только разницѣю, что здѣсь взаимное отношеніе длины струнъ совсѣмъ иное, чѣмъ въ экземпляре проф. Веске. Къ

1) Weske: Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estland im Sommer 1875, въ Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. VIII Bd. 3. Heft. 1876. S. 44 sqq.

сожалѣнію, строй каннели ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не былъ опредѣленъ названными учеными. Какъ финская кантель,

Фиг. 8.

Семи-струнная эстонская каннель: а—сверху, б—снизу, в—сбоку. Струны одинъмъ концомъ прикреплены наглухо къ поперечному пруту въ головкѣ (A) инструмента, другимъ — къ колкамъ (aaa...). Часть корпуса, лежащая подъ струнами, представляется голосной ящикъ. Верхняя доска по ту сторону ряда колковъ продолжается къ концу B, въ широкое крыло, вѣ голосного ящика, что ясно видно на изображеніи инструмента въ профиль (в).

такъ и эстонская каннель обыкновенно снабжены бывають дырочкой, черезъ которую пропускается веревка (или ушкомъ), съ цѣлью вѣшанія инструмента на гвоздь. Въ русскихъ былинахъ говорится о гусяхъ, висящихъ на гвоздикѣ (ср. выше, стр. 12).

Прибавлю еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ эстонской каннели, сообщаемыя проф. Веске. «Владѣлецъ арфы (т.-е. каннели) рассказывалъ — пишетъ авторъ, что она — священный инструментъ. Если играть на ней въ присутствіи больныхъ, то они не умираютъ, за рѣдкими исключеніями; а игра въ присутствіи по-

койниковъ предохраняетъ прочихъ людей, на продолжительное время, отъ смерти¹... Арфа изготовлена самимъ Богомъ». Далѣе разсказывается, какъ Богъ вступалъ въ состязаніе со старцемъ злымъ духомъ (*der alte Böse*) относительно того, кто первый изобрѣтетъ музикальный инструментъ. Богъ тотчасъ сорвалъ листъ съ дерева, поднесъ его ко рту и стала весело наигрывать на немъ. Дьяволъ же сталъ строить волынку (*Dudelsack*) и употребилъ на это нѣсколько дней. Начали каждый играть на своемъ инструментѣ, и Богъ побѣдилъ дьявола, такъ какъ его флейта звучала лучше и раньше была готова. Еще разъ повторили они состязаніе въ томъ, кто скорѣе изобрѣтетъ инструментъ и чей будетъ лучше звучать. Богъ началъ строить арфу (т.-е. каннель), а дьяволъ рогъ. Богъ опять одержалъ надъ дьяволомъ побѣду: инструментъ его звучалъ гораздо лучше. Всѣ музикальные инструменты (т.-е. всѣ известные среди мѣстныхъ Эстовъ), въ томъ числѣ и гармоника,—созданы дьяволомъ, только древесный листъ и арфа (кеннель) получили звукъ свой отъ Бога². Въ этихъ словахъ проявляется уваженіе народа къ древнѣйшимъ музикальнымъ орудіямъ, древесному листу и каннели, нынѣ уже почти совсѣмъ вытѣсненной новѣйшими инструментами³.

По словамъ одной изъ народныхъ пѣсень эстонскихъ, каннель,

1) Соответственно тому и русскіе гусляры-скоморохи признавались народомъ кудесниками, знахарями. См. Скоморохи. 129 и сл.

2) Weske: Ber. üb. die Ergebn. ein. Reise durch d. Estland, 46.

3) Древесный листъ въ старину служилъ и нынѣ еще служить, какъ первобытнѣйшее музикальное орудіе, не только у Эстовъ, но и у Славянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ народныя славянскія пѣсни, напр.:

Болгарск.: (Анна проходила черезъ грушевичную рощу)
Съѣзъ крушѣвъ листецъ свирѣше = насищивала на листочкѣ грушевицы.

(Безсоновъ: Болгарскія пѣсни, во Временникѣ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 22, стр. 82).

Галицко-Русск.: — Заграй же въ листочекъ.
— Урвала (вдова) листъ, та й заграла.
— Войшовъ милый на гробочекъ—загравъ у листочекъ.

(Головацкій: Нар. пѣс. II, 381, 520, 765: №№ 22, 24.) На глубокую древность близко родственныхъ кантеле — каннели русскихъ гуслей было указано мною выше.

т.-е. корпусъ ея, дѣлается изъ разнаго дерева: изъ крушины, изъ клена, яблони, орѣшины или черёмухи. По замѣчанію доктора Гурта, это не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ данныя названія дерева приведены ради свойственной эстонскому языку игры словъ. Во всякомъ случаѣ, однако, корпусъ каннели строится изъ дерева. Колки каннели, по словамъ той же пѣсни, дѣлаются изъ зубовъ щуки, а струны—изъ человѣческихъ волосъ. Нельзя не узнать здѣсь отголоска древнихъ мотивовъ, встрѣченныхъ нами въ вышеприведенныхъ отрывкахъ изъ Калевалы: Вейнемейненъ строить сначала свою кантеле изъ щучьихъ костей, колки (штифтаки)—изъ щучьихъ зубовъ; а въ позднѣйшей, сооружаемой имъ изъ дерева (березы), кантеле струнами служатъ дѣвичьи волосы. Наконецъ крышка (вѣроятно крышка голоснаго ящика), по словамъ вышеупомянутой эстонской пѣсни, строится изъ львиной челюсти. Львиная челюсть здѣсь замѣнила щучью челюсть, изъ которой въ Калевалѣ Вейнемейненъ дѣлаетъ «выгибъ», т.-е. голосной ящикъ¹. Здѣсь очевидно произошла порча древняго преданія: левъ—звѣрь неизвѣстный Эстамъ—попасть въ пѣсню, вмѣсто хорошо знакомой народу щуки, лишь вслѣдствіе неудачной поэтической вольности «цивилизованнаго» пѣвца, въ устахъ котораго древній мотивъ исказился.

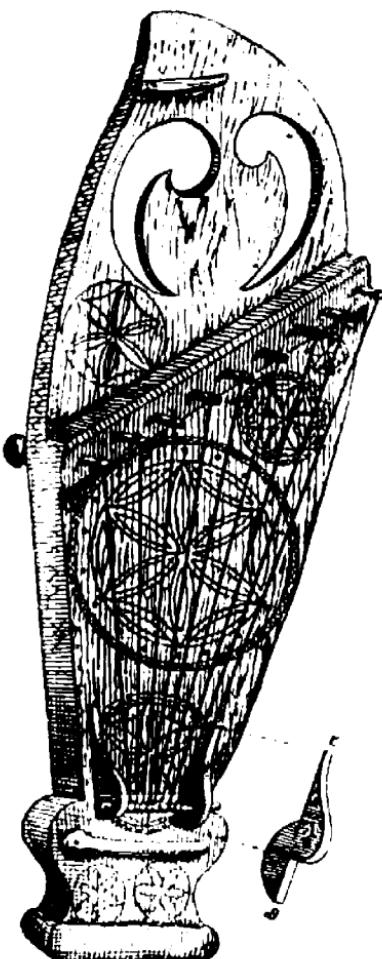
Совершенно того же типа музыкальный инструментъ, въ формѣ горизонтальной арфы, встрѣчаемъ у Литовцевъ, называющихъ его родственнымъ же именемъ

Kankles

или *kanklys* (также: *kankle*, *kanklai*, *kunkles*, и т. п.). Одинъ изъ весьма уже рѣдкихъ среди Прусскихъ Литовцевъ, почти исчезнувшихъ экземпляровъ этого инструмента изображенъ и описанъ въ издаваемомъ въ Кёнигсбергѣ журнале «*Neue Preussische Pro-*

1) См. у Hirt: *Vana Kannel (alte Harfe)*. 1886. II, 3, № 152.

vinzialblätter, 1847 (Bd. IV)¹: «Канклисъ (kanklys) или литовская арфа (см. фиг. 9), говорится тамъ, сдѣлана изъ массивнаго дерева и снабжена украшеними, не лишенными вкуса. Наибольшая длина ея достигаетъ 2 футовъ $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, наибольшая ширина — $11\frac{1}{4}$ дюймовъ, а толщина — $1\frac{3}{4}$ дюйма. Корпусъ инструмента состоитъ изъ одного куска дерева и изготовленъ довольно красиво, если принять во вниманіе простоту орудій, которыми пользовался строитель инструмента, каковы: пила, драчъ, долото, рѣзакъ, обыкновенный ножъ, буравъ и циркуль. Составные части инструмента скрѣплены гвоздями безъ клея и безъ всякаго примѣненія желѣза. (Нѣкоторыя желѣзныя части, нынѣ входящія въ составъ разматриваемаго стариннаго инструмента, примѣнены уже позже, при его реставрації.) Мѣстная отступленія отъ симметрическихъ отношеній частей, при общемъ фантастическомъ видѣ инструмента, производятъ не непріятное впечатлѣніе. Въ инструментѣ можно отличить верхнюю часть, снабженную вырѣзами, и нижнюю, играющую какъ бы роль ножки². Къ

Фиг. 9.

Девяты-струнная прусско-литовскія канклісъ (приблизительно $\frac{1}{6}$ натур. велич.) Археологическаго Общества Prussia въ Кёнигсбергѣ.

1) Статья: Gotthold: Ueber die Kanklys und die Volksmelodien der Litauier. S. 241 ff.

2) Въ другихъ случаяхъ эта послѣдняя часть, т.-е. «ножка», называется авторами «головкой» (см. выше, стр. 43 и 45, где рѣчь идетъ о «головкѣ» канке). Это зависитъ отъ субъективнаго взгляда описывателей.

ножкѣ прикреплялся снурокъ, надѣвавшійся на шею играющаго. Другой конецъ снурка вѣроятно прикреплялся повыше вырезовъ (на противуположномъ концѣ инструмента), посредствомъ вставной планочки. Правая рука играющаго находилась въ вырезахъ, игралъ же онъ на струнахъ, сопровождая пѣніе, одной лѣвой рукой. Такимъ образомъ играли на описываемомъ инструментѣ можетъ быть на ходу, или стоя. Гизевіусъ же, въ качествѣ очевидца, такъ описываетъ способъ игры на канклісѣ: играющій держитъ инструментъ стоймъ («ножкой» внизъ) на колѣнахъ (следовательно сидить при игрѣ), прислоняя спинку его къ лѣвому плечу. Большой палецъ правой руки, когда онъ не принимаетъ участія въ исполненіи аккордовъ, поконится внизу, у мѣста прикрепленія струнъ, и, вмѣстѣ съ другими пальцами, играетъ на болѣе высокихъ струнахъ (*giebt mit den übrigen Fingern die zum Spielen höhere Tonart an*¹). Указательный палецъ лѣвой руки, верхнею частью которой придерживается инструментъ, дѣйствуетъ при этомъ (обыкновенно на первой, самой низкой, струнѣ), давая тактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ басъ. Число струнъ на данномъ инструментѣ—9, и всѣ онѣ кишечныя. Канклісъ, какъ разсказываютъ, употреблялась при всѣхъ торжествахъ, связанныхъ съ пѣніемъ, преимущественно же на свадьбахъ, жатвенныхъ празднествахъ и похоронахъ. Литовцы называютъ канклісъ «псаломной» или «Давидовой арфой», и уверяютъ, будто бы именно таковою была арфа, на которой игралъ царь Давидъ². Въ виду сходства данного инструмента, въ главныхъ чертахъ, съ финской канtele, нахожу излишнимъ входить въ болѣе подробное его описание, тѣмъ болѣе что приведенный рисунокъ наглядно показываетъ его устройство.

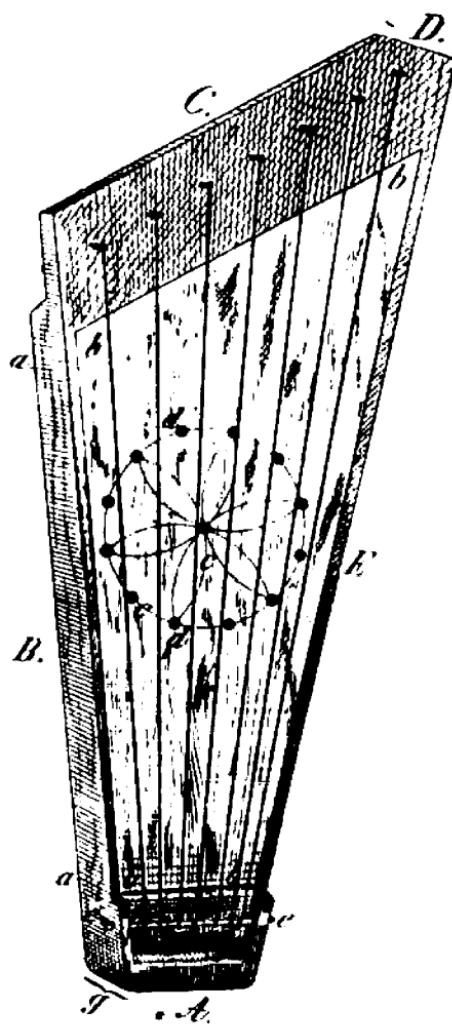
Лепнеръ въ 1690 г., въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ Прусскихъ Литовцевъ, называетъ Kanklos о 9 или 12 мѣдныхъ струнахъ, причемъ сближаетъ его съ употреблявшимся у Нѣмцевъ струннымъ же инструментомъ—«Schweinskopf» (= свиная

1) Значеніе этихъ словъ очень темно.

2) Все вышеизложенное о канклісѣ заимствовано изъ только что названной статьи Готтольда.

голова)¹, подъ именемъ котораго слѣдуетъ очевидно понимать старинный инструментъ, который у Итальянцевъ назывался «свинымъ инструментомъ» (*Instrumento di porco*, см. ниже).

Подобный же инструментъ и подъ тѣмъ же названіемъ — канклесь (или кунклесь) въ старину былъ въ употреблениіи и у Русскихъ Литовцевъ. Экземпляръ такого инструмента былъ представленъ на Московскую этнографическую выставку 1867 года. Въ описаніи народныхъ инструментовъ, красовавшихся на этой выставкѣ, названный литовскій инструментъ сближается съ карельской канtele; здесь мы читаемъ между прочимъ: «и своею формою, и устройствомъ она (карельская кандала [ср. выше, стр. 46]) напоминаетъ намъ кунклъ (кунклесь), присланный комитету графомъ Тышкевичемъ: этотъ весьма древній литовскій инстру-

Фиг. 10.

Семи-струнныи русско-литовскія канклесь (приблизительно $\frac{1}{4}$ натур. велич.) музея Литовскаго Литературнаго Общества въ Тильзитѣ. У головки (A) стѣнка *g* возвышается надъ голосной доской приблизительно на 1 сантиметръ; глубина голоснаго ящика (a) около $3\frac{1}{2}$ сант. Ящикъ закрывается тонкой голосной доской (bbb) съ голосниками (dd), расположеннымыи въ кругъ.

1) Lepner: Der Preusche Littauer oder Vorstellung der Namensherleitung, Kindertauffe, Hochzeit etc. der Littauer in Preussen kürzlich zusammengetragen (1690). 1744. S. 94.

ментъ — съ 8 желѣзными струнами¹. Профессоръ Беценбергеръ не сколько лѣтъ назадъ подарилъ коллекціи Литовскаго Литературнаго Общества въ Тильзитѣ экземпляръ канклесъ, приобрѣтенный имъ въ Русской Литвѣ, здѣсь изображаемый (фиг. 10)².

Ludwik z Pokiewia въ своемъ описаніи Литвы, поименовывая народные музыкальные инструменты Литовцевъ, дѣлить ихъ на заимствованные отъ другихъ народовъ и собственно народные, и причисляетъ гусли (*gęslis*), т.-е. канклесъ, къ первой категоріи, не указывая впрочемъ на то, въ какое время и откуда именно заимствованы канклесъ³. Слова этого автора повторены и въ статьѣ А. М(ихневича): Обряды и обыкновенія въ Литвѣ⁴.

Въ пользу извѣстной старины канклесъ свидѣтельствуетъ упоминаніе этого инструмента въ неокоторыхъ народныхъ пѣсняхъ литовскихъ, напр.:

- Ждешь-ли ты гуслей (kanklai) звучащихъ?⁵
- Звучать канклесъ (skamba kankleles)...
- Аистъ играетъ па канклесъ (gaudrelis kankliawo)⁶...

Однако нельзя не замѣтить, что среди Литовцевъ воспоминанія о названномъ инструментѣ теперь, по крайней мѣрѣ, довольно слабы. Сохранилось, сколько мнѣ извѣстно, одно только старинное письменное извѣстіе о литовскихъ канклесъ, относящееся ко второй половинѣ XVI вѣка (см. ниже, стр. 62).

1) Сбор. антроп. и этногр. стат. I, 169.

2) См. Bartsch: Dainu Balsai. Melodien litauischer Volkslieder. 1889. T. II. S. xiv, Fig. IVa.

3) Ludwik z Pokiewia: Litwa pod wzglѣdem starozytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów. 1846. Str. 199.

4) Ковенскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г., № 10.

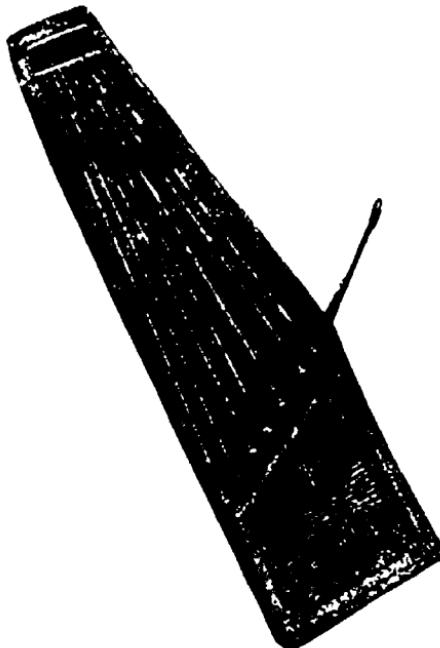
5) Юшкевичъ: Литовскія народныя пѣсни съ переводомъ на русскій языкъ, въ Прилож. къ XII т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ. № 1. 1867 г. Стр. 24.

6) Nesselman: Littauische Volkslieder. 1858. S. 15, 274.

Болѣе глубокіе слѣды описываемый инструментъ оставилъ въ народной жизни Латышей, называющихъ его

Kukles

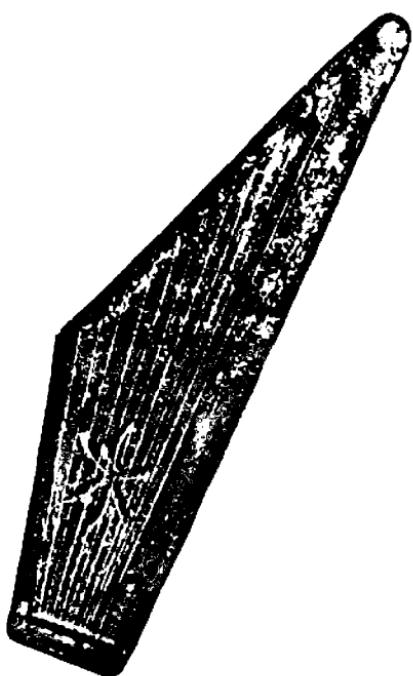
(выговаривается: куаклесь). «Куаклесь (по литовски канклас), замѣчаетъ Бривзэмніаксъ, есть весьма древний латышско-литовскій инструментъ, похожій на гусли. На немъ 5 — 10 металлическихъ струнъ, натянутыхъ на пустомъ ящикѣ съ прорѣзомъ. Потрогиваніемъ струнъ пальцами извлекаются звуки. Народныя пѣсни заставляютъ предполагать, что въ старину куаклѣ пользовалась у Латышей большимъ уваженіемъ и распространеннымъ употребленіемъ, нынѣ же народный инструментъ этотъ весьма рѣдко всгрѣвается въ латышскомъ kraѣ»¹. Въ музѣѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества хранятся четыре экземпляра латышскихъ (частью можетъ быть и литовскихъ) гуслей, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, только одинъ, по словамъ секретаря Общества, оказывается внесеннымъ въ клиги Общества съ точнымъ обозначеніемъ мѣста, откуда онъ привезенъ. Инструментъ этотъ отмѣченъ такъ: «Кукле» латышскій музыкальный инструментъ изъ Прельской волости Ди-набургскаго уѣзда, 25 сент. 1884 г. Изъ упомянутыхъ четырехъ

Фиг. 11.

Семи-струнныя русско-литовскія (или латышскія) канклесъ (куаклесь) музѣя Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно $\frac{1}{4}$ натур. велич.).

1) Бривзэмніаксъ: Народныя пѣсни Латышей въ. Сборн. антроп. и этнogr. стат. II, 220.

Фиг. 12.

Двѣнадцати - струнныя русско - литовскія (или латышскія) канклесь (куаклесь) музея Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно $\frac{1}{4}$ натур. велич.).

инструментовъ на одномъ 6, на двухъ—по 7, а на четвертомъ—11 струнъ (должно собственно считать этотъ инструментъ двѣнадцати-струннымъ, такъ какъ отверстіе въ доскѣ, рядомъ съ одиннадцатымъ колкомъ, указываетъ на недостающіе двѣнадцатый колокъ и двѣнадцатую струну). Струны металлическія (на однихъ инструментахъ мѣдныя, на другихъ — стальныя). Два изъ нихъ приближаются къ формѣ финской кантели; а два другие — къ формѣ эстонской каннели; а именно, у первыхъ двухъ доска вѣ linii колковъ представляетъ лишь узкую полоску, между тѣмъ какъ у двухъ

другихъ она широкимъ крыломъ выступаетъ далеко за предѣлы упомянутой линіи. Привожу изображенія двухъ экземпляровъ, по одному изъ каждой описанной пары ихъ. Устройство инструментовъ очень просто, и изображенія ихъ (фиг. 11 и 12) не требуютъ дальнѣйшаго объясненія.

Звуки куаклесь въ народѣ большею частью признаются жалобными, трогательными. Такъ напр. загадки (на слово kükles) постоянно говорять о плачевномъ, жалобномъ тонѣ этого инструмента:

- Въ лѣсу родился, въ лѣсу выросъ, па рукахъ носять — а все плачетъ (или: а возьмешь па колѣна, горько плачетъ).
- Въ лѣсу срубленъ, въ Ригѣ купленъ, па рукахъ жалобно баюкаетъ.

- Въ лѣсу родился, въ лѣсу выросъ — на отцовскихъ рукахъ горько плачетъ.
- Въ замкѣ купленъ, домой привнесенъ, положи на колѣна — горько заплачетъ.
- Когда возьмешь въ руки — плачетъ; когда положишь прочь — молчитъ¹.

Въ пѣсняхъ также упоминается о жалобномъ звуке куаклесь, напр.:

Жалобно куаклесь звучало,
Еще жалобнѣе свирѣло²...

По словамъ другой пѣсни, утопаетъ въ морѣ дѣвушка, тѣло ея выбрасывается на берегъ, на этомъ мѣстѣ вырастаетъ дерево о девяти сухахъ. Изъ девятаго суга младцы (или братья утонувшей) дѣлаютъ гусли (куаклесь); играя на гусляхъ, младцы (или братья) говорятъ:

Жалобно звучатъ эти гусли,
Точно суженая однокая³.

Или:

Трогательные звуки издаются эти гусли...
Такъ плачетъ паша младшая сестрица,
Странствуя по чужой сторонѣ⁴.

Латышскія гусли первѣдко называются народомъ золотыми, вѣроятно вслѣдствіе металлическихъ (мѣдныхъ, какъ бы золотыхъ) ихъ струнъ (мы видѣли что и на русскихъ гусляхъ струны обыкновенно называются «золотыми» или «золочеными»), напр.:

- Воронъ сидитъ на горѣ,
Играя па золотыхъ куаклесь.

1) Бризвемніакъ: Матеріалы по этнографії латышскаго племени, въ Извѣстіяхъ Имп. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографії, состоящаго при Моск. Университетѣ. Т. XL. Труды этнограф. Отдѣла. Кн. VI. 1881 г. Стр. 68.

2) Изъ латышской пѣсни, записанной и обязательно сообщенной мнѣ А. Э. Вольтеромъ.

3) Бризвемніакъ: Нар. пѣс. Лат. 181 (№ 938).

4) Спорогист: Памятники латышского народного творчества. 1868. Стр. 28.

- Сидить воронъ на дубѣ,
Золоты куаклесь у него въ когтяхъ¹.
- Воронъ сидить на дубу,
Играя на золотыхъ гусляхъ (куклес)².
- Я подымусь на небо по вѣткамъ вербы, играя на золо-
тыхъ гусляхъ (kukles)³.

Куаклесь у Латышей служили не только для издаванія жа-
лобныхъ звуковъ, но и сопровождали пляску. На это намекаетъ,
между прочимъ, слѣдующая фраза изъ только что упомянутаго
заговора отъ флюса:

Играй ангель на гусляхъ (kukles), чтобы Марія (Матерь Божья)
пошла плясать.

Нѣкоторая связь игры на куаклесь съ танцами прогляды-
вается и въ словахъ слѣдующей пѣсни:

Гуселышки (kukleitis) звучать
На берегу рѣчки;
Мои братья сами
Игрецы (гусляры, kuklatoji),
Я сама сестрицу
Танцевать вѣха⁴.

Въ то же время куаклесь (какъ и русскія гусли) служили
вѣроятно орудіемъ для вѣщихъ пѣвцовъ, кудесниковъ и чаро-
дѣевъ; на это намекаетъ напр. то обстоятельство, что рассматриваемый
инструментъ встрѣчается въ когтяхъ ворона, вѣщей
птицы, который отвѣчаетъ на предлагаемые ему людьми во-
просы (см. только что приведенные пѣсни о воронѣ, играющемъ

1) Бывшемніакъ: Нар. пѣс. Лат. 66 (№ 285), 67 (№ 287).—И въ русскихъ
пѣсняхъ гусли иногда называются золотыми, напр.:

Поизволила душа Дуняша...
Въ золоты гуселышки играть.

(Терещенко: Быть русск. нар. II, 330.)

Що же такъ красно защебетали (коядовщики)...
Якъ златій гусли, якъ срѣбні струни.

(Головацкій: Нар. пѣс. III. II, 556.)

2) Спрогисъ: Пам. лат. нар. творч. 106.

3) Бывшемніакъ: Матер. по этногр. лат. плем. 219 (Изъ заговора отъ
флюса).

4) Сообщено мнѣ Э. А. Вольтеромъ.

на золотыхъ куаклэсъ); находимъ его и въ рукахъ Чортовой матери, напр.:

Я видѣлъ Чортову мать,
Сидя на яблонѣ, она играла на куаклэсъ¹.

Далѣе, изъ народныхъ выражений о куаклесъ, видимъ, что инструментъ этотъ строился изъ дерева (ср. выше загадки: «въ лѣсу срубленъ», «въ лѣсу родился», и пѣсни, гдѣ говорится объ изготовлѣніи инструмента изъ древеснаго суга). На струнахъ куаклесъ играютъ пальцами (въ упомянутой только что пѣснѣ: «у нея [Чортовой матери] пять пальцевъ, пять ногтей», т.-е. она играетъ пятью пальцами или ногтями). На куаклесъ играютъ или сидя, держа инструментъ на колѣнахъ (см. выше въ пѣсняхъ: воронъ [играющій] «сидитъ на дубѣ», Чортова мать играетъ «сидя на яблонѣ», и въ загадкахъ: «положи [куаклесъ] на колѣна — горько заплачетъ») или па ходу, причемъ вѣроятно, какъ у прусско-литовскихъ канклесъ, къ инструменту прикреплялся снурокъ, надѣвавшійся на шею играющаго (ср. выше въ загадкахъ: «на рукахъ носятъ — а все плачетъ», или въ заговорѣ: я «подымусь [т.-е. буду восходить] на небо по вѣткамъ вербы, играя на гусляхъ»). Въ одной изъ латышскихъ пѣсень прямо говорится, что молодцы играютъ на ходу, въ полѣ:

Оттуда пдутъ молодцы, играл на гусляхъ (куаклэсъ),
Черезъ пасѣку, заросшую клеверомъ².

Фактъ близкаго сходства, даже почти тождества первобытныхъ струнныхъ инструментовъ нѣсколькихъ народовъ, заселяющихъ сѣверо-восточную часть Европы, а именно гуслей Русскихъ, кантели Финновъ, каннели Эстовъ, канклесъ Литовцевъ и куаклесъ Латышей, невольно наводитъ на предположеніе, что инструментъ данного типа первоначально вошелъ въ употребление въ средѣ одного котораго нибудь изъ названныхъ народовъ, а затѣмъ уже отъ него заимствованъ прочими, соседними съ

1) Бревземніаксъ: Нар. пѣс. Лат. 46 (№ 157).

2) Спрогисъ: Пам. лат. нар. творч. 196 (№ 6).

нимъ народами. Это предположеніе находитъ себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе и въ извѣстномъ взаимномъ родствѣ приведенныхъ названій инструмента: куаклесъ производится отъ канклесъ, послѣднее близко роднится съ кантеле (или сокращеннымъ каннель), а кантеле въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, близко родственно древне-славянскому гжель, гжсли.

Литовское *kankles* (*kanklys* или *kunkles*), по Курманшу, значить литовская арфа; *kanklauti* = играть на арфѣ; *kanklinikas* = тотъ, кто занимается арфой, т.-е. строить ее или играетъ на ней. Достойно вниманія, что *kankles* (а тѣль болѣе и производное отъ него *kukles* Латышей) изъ литовского языка не объяснимо. Существуетъ только созвучіе случайное въ звукоиздражательномъ *kanklas* = колокольчикъ, водяной пузырь, лопающійся съ трескомъ. Въ старинныхъ книгахъ литовскихъ XVI столѣтія (раньше этого времени не существуетъ литовскихъ письменныхъ памятниковъ) слово *kankles* пока не отыскано¹, за исключеніемъ, впрочемъ, одного мѣста: писатель второй половины XVI вѣка, переводчикъ евангелия и псалмовъ на литовскій языкъ, Bretken, на послѣднемъ листѣ своего перевода псалмовъ помѣстилъ название современныхъ ему литовскихъ музыкальныхъ инструментовъ: «*Nomina instrumentorum musicorum quoque usus in Lituania*». Въ числѣ поименованныхъ инструментовъ встрѣчается «*kankles* — *kewersche* (= kurische) Harfe»². Замѣчательно, что и въ числѣ старинныхъ прусско-литовскихъ словъ, собранныхъ Пирсономъ, не встрѣчаемъ ни одного, которое бы сближалось съ *kankles*³. Послѣдняя обстоятельства говорятъ не въ пользу особенно большой древности данного инструмента, или по крайней мѣрѣ даннаго названія инструмента, у Литовцевъ. Впрочемъ, по высказанному мнѣ замѣчанію пастора латышской

1) Все это сообщено мнѣ Э. А. Вольтеромъ.

2) Bezzelenberger: Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und des XVII Jahrhunderts. 1877. S. 356.

3) См. Pierson: Altpreussischer Wörterschatz. 1875.—Ничего подобного не находимъ и въ нѣмецко-прусскомъ словарѣ начала XV вѣка, изданномъ Нессельманомъ (Nesselmann: Ein deutsch - preussisches Vocabularium aus dem Anfange des XV Jahrh. въ Altpreussische Monatsschrift. Bd. V. 1868).

церкви въ С.-Петербургѣ, г. Сандерса, иѣкоторая древность литовского слова *kankles* доказывается тѣмъ, что въ латышскомъ языкѣ оно перешло въ *kükles*, а подобный переходъ ап въ ѹ свойственъ лишь стариннымъ латовскимъ, а не иноземнымъ словамъ, обыкновенно удерживающимъ ап. Во всякомъ случаѣ изъ приведенного только что свидѣтельства Бреткена, жившаго во второй половинѣ XVI столѣтія, видно, что въ его время данный инструментъ уже былъ въ употреблениіи въ Литвѣ.

Не менѣе достойно вниманія, что и финское *kantele* (или *kannel*) не объясняется естественно изъ финского языка. Докторъ Гуртъ, знатокъ финского языка, находитъ, что слово *kantele* можетъ быть сближаемо съ *kantaa* (финск.), *kanda* (эст.) = нести (*tragen*), кромѣ того — съ *kansi* (финск., отъ корня *kante*), *kaaz'* (эст.) = крышка (*Deckel*)¹. Но какая же тѣсная, естественная связь можетъ быть признаваема между словами: «носить» и «крышка», съ одной стороны, и гуслеобразнымъ инструментомъ — съ другой? Еще менѣе правдоподобнымъ оказывается высказанное будто бы нѣкогда академикомъ Шифнеромъ мнѣніе, что *kant-ele* могло бы быть выводимо изъ *Gans* (уменьш.: *Gänslein*), вслѣдствіе будто бы гусеобразной(?) формы этого инструмента, финское название которого могло бы, слѣдовательно, быть относимо къ скандинаво-исландскому источнику. Замѣчу, что мысль эта въ основаніи не новая. Еще въ 1788 г. анонимный нѣмецкій авторъ статьи о музыкальныхъ инструментахъ Славянъ, имѣя въ виду подъ именемъ гуслей (*Hausle*, *Husly*) смычковый инструментъ западно-славянскій, писалъ слѣдующее курьозное разсужденіе: «Коренное слово, изъ которого произошло название *Hausle* или *Husly*, — *Hus*, гусь, такъ какъ это музыкальное орудіе, въ своемъ грубомъ первоначальномъ видѣ, подражало гоготанію гусей... Оно состояло изъ грудной кости жаренаго гуся, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Богеміи называется *Nirf-auf*. Надъ этой грудной костью они натягивали нѣсколько струнъ и пиликали на нихъ смычкомъ, что конечно производило не очень

1) Сообщено мнѣ д-ромъ Гуртъ.

пріятный тонъ. У Лужицкихъ Вендовъ этотъ инструментъ встрѣчается преимущественно еще въ такой первобытной формѣ. Они привязываютъ гусиную кость къ куску дерева и натягиваютъ надъ нею три струны (d, a, e), которые настраиваются воткнутыми снизу колками¹. Все это разсужденіе о происхожденіи слова «гусли» отъ «гусь» распадается, если принять во вниманіе, что данное общеславянское название музыкального инструмента встрѣчается въ памятникахъ уже XI (предположительно и X) вѣка², а следовательно несомнѣнно существовало въ языкѣ еще раньше, т.-е. въ такое время, когда смычковыхъ инструментовъ, а следовательно и гудка, сооруженного изъ гусиной кости, Славяне еще не знали. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о происхожденіи слова «kantele» изъ «Gans», такъ какъ этотъ инструментъ не только не строится изъ гусиныхъ костей (какъ вышеупомянутыя западнославянскія гусли, введенія въ заблужденіе описывавшаго ихъ автора), но и ровно ничего гусеобразнаго собою не представляеть.

Въ противоположность литовскимъ канклесь и финской канtele, обще-славянское название музыкального инструмента — гжсли (русск. гусли) — вполнѣ естественно объясняется изъ славянского языка, а именно изъ глагола гжсти (гудѣть), употребляющагося, какъ замѣчено уже раньше (стр. 3—5), преимущественно по отношенію къ звукамъ струнъ. Отсюда гудящій предметъ, т.-е. струна, получилъ название гжслъ, а струнный инструментъ, какъ совокупность струнъ — гжсли (ср. выше, стр. 2). Это обстоятельство получаетъ въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе и свидѣтельствуетъ въ пользу первенства, передъ прочими, славянскаго наименованія инструмента разматриваемаго типа — «гжсли».

Я уже выше обратилъ вниманіе на сходство, почти тождество формы канtele (каннель), канклесь (куаклесь) и гуслей, а равно и на близкое родство всѣхъ этихъ названій. Это невольно застав-

1) Etwas über die Instrumente der Slavischen Völker, besonders der Böhmen, въ Materialien zur alten und neuen Statistik von Böhmen. Heft VII, 1788. S. 98.

2) Гжслъ, cithara, встрѣчается уже въ изданиемъ Копитаромъ, относимомъ къ X (или XI) вѣку памятникѣ: «Glagolita Clozianus». См. у Кихаѣ: Op. i pov. I, 59.

зяетъ насъ отыскивать для всѣхъ приведенныхъ формъ и названийъ одинъ общій источникъ, а таковыиъ, послѣ всего вышеприведеннаго, являются старославянскія гжсли, имя которыхъ естественно производится изъ славянскаго же глагола гжсти. Славянскія гжсли, при первомъ же соприкосновеніи славянскаго племени съ финскимъ, относительно менѣе культурнымъ, легко могли быть заимствованы Финнами, именно Финнами западными, въ старицу спускавшимися гораздо далѣе на югъ, чѣмъ въ настоящее время (у восточныхъ финскихъ племенъ мы инструментовъ, сходныхъ съ первобытными гуслями, кантеле, канклесъ, не встречаемъ). Должно же было это произойти въ тѣ отдаленные времена, когда Финны и Эсты еще составляли одну неразъединенную народную массу, т.-е. приблизительно около 1000 лѣтъ назадъ, если не ранье, такъ какъ данный инструментъ долженъ былъ привиться, войти въ обиходъ финскаго народа и укорениться въ немъ ранье его разъединенія на собственно-Финновъ и Эстовъ. Мы видѣли выше, что въ славянскихъ памятникахъ XI (и даже X) вѣка уже упоминаются гжсли, какъ обычное название музыкального орудія, следовательно самый инструментъ или по крайней мѣрѣ данное название струннаго инструмента у Славянъ еще гораздо древнѣе. Вспомнимъ свидѣтельства древнихъ писателей о славянскихъ гусляхъ, снабженныхъ несколькими струнами (Ѳеофилакта Симокатскаго [VII в.], Ибнъ-Даста [X в.], ал-Бекри [XI в.], авторовъ Слова о полку Игоревѣ [ХII в.], Слова о Задонщинѣ [XIV в.], ср. стр. 14, 20—21), также свидѣтельства русскихъ былинъ и пѣсень, подтверждающихъ, что старинныя русскія гусли были инструментъ совершенно одного типа съ финской кантеле. Предположеніе о заимствованіи рассматриваемаго инструмента Финнами у Славянъ подтверждается и финскимъ названіемъ его, необъясняемымъ удовлетворительно изъ финскаго языка, но естественно могущимъ быть произведеннымъ изъ славянскаго «гжсли»: начальное *i* непремѣнно должно было у Финновъ превратиться въ *k*, такъ какъ финскій языкъ начального *g* не знаетъ; *ж* (выговар.: ай, съ носовымъ н) должно было перейти въ *an*; наконецъ, славянское съ легко могло у Финновъ

превратиться въ *t* (ср. выше: *kansī* отъ *kante*); такимъ образомъ изъ славянского

ГЖСЛЬ ИЛИ ГЖСЛИ

легко и естественно могло произойти финское
kantele,

а отсюда уже сокращенная форма *kannel*, употребительная рядомъ съ *kantele* у Финновъ и исключительно употребительная у Эстовъ.

Естественно было бы искать такого же происхожденія изъ гжслей и литовско-латышскихъ канклесъ — куаклесь, припадлежащихъ къ совершенно тому же типу инструментовъ. Но здѣсь затрудненіемъ служить начальное *k* въ литовскомъ (и латышскомъ) названіи: если бы послѣднее произошло изъ славянского гжсли, то и не могло бы, по законамъ языка, превратиться въ *k*. О непосредственномъ заимствованіи Литовцами имени разсмотриваемаго инструмента отъ Славянъ, съдовательно, не можетъ быть рѣчи; но не невозможнымъ оказывается посредственное заимствованіе, а посредствующимъ звеномъ могло бы служить финское название *kantele*, изъ которого легко могло бы произойти литовское:

kankles,

а отсюда и латышское *kūkles*. Въ пользу такого перехода славянского гжсли черезъ посредство финского народа къ Литовцамъ говоритъ: 1) невозможность производства слова *kankles* изъ литовского языка, а съдовательно необходимость признанія этого слова иноземнымъ; 2) относительная новизна этого слова, почти не встрѣчаемаго въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ литовскихъ, восходящихъ лишь къ XVI вѣку, и совершенное отсутствие въ прусско-литовскомъ языкѣ старинныхъ словъ, которыхъ бы сближались съ названіемъ *kankles*. Доннеръ, основываясь на большой распространенности между Финнами слова *kantele* (фин. *kantele*, венг. *kandel*, эст. *kannel*, лив. *kandla*, лапл. *kadelas*), также высказывается въ пользу финского происхожденія литовского *kankles*, заимствованного, по его мнѣнію, Литовцами у

Финновъ, «какъ и многія другія слова»¹. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на преимущественное употребленіе этого слова у Литовцевъ, какъ и у Славянъ («гусли»), во множественномъ числѣ (sing. kankle, plur. kankles). Не имѣя въ основаніи славянского древняго слова гжсли, мы конечно охотнѣе сдѣлали бы предположеніе о заимствованіи не Литовцами у Финновъ, а наоборотъ—послѣдними у первыхъ даннаго инструмента и его названія, такъ какъ извѣстно большое вліяніе, вообще оказанное литовскими языками на финскій; но принимая во вниманіе, что у Финновъ kantele — обычное музыкальное орудіе Вейнемейнена, въ древнѣйшихъ эпическихъ ихъ пѣсняхъ («рунахъ»); что, какъ мы только что видѣли, древнее финское название чрезвычайно распространено между разными западно-финскими народами; что и славянское слово гжсли, естественно переходящее въ kantele, было въ употребленіи уже въ древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ, и что съ этою древностью не могутъ спорить литовскія, сравнительно молодыя, kankles, склоняемся въ пользу предположенія о заимствованіи этого инструмента Литовцами у Финновъ, въ свою очередь перенявшими его отъ сѣверныхъ Славянъ.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, однако, чтобы сѣверные Славяне были сами изобрѣтателями гуслей. Мы видѣли выше, что къ числу наиболѣе употребительныхъ эпитетовъ гуслей въ пѣсняхъ русскаго народа принадлежитъ слово: «яворовыя», т.-е. сдѣланныя изъ явора (*platanus*). Яворъ — дерево, растущее въ южныхъ широтахъ; сдѣловательно, хотя первобытнѣйшая форма гуслей сохранилась наиболѣе долго у Великоруссовъ, т.-е. Славянъ сѣверо-восточныхъ, но принесены были они ими на сѣверо-востокъ (гдѣ и заимствованы были Финнами) съ юга; на югѣ же гусли вѣроятно Славянами заимствованы изъ Византіи. Миниатюра упомянутаго выше славянскаго псалтиря XIII—XIV вѣка, исполненная по греческому образцу, представляетъ два инструмента (см. выше фиг. 1 и 2), весьма сходные съ первобытными

1) Donner: Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen, въ Techmer's Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. I, 1884. S. 269.

русскими гуслями и очевидно издавна употреблявшимися въ Византии, вмѣстѣ съ прочими тутъ же изображенными старинными струнными, духовыми и ударными музыкальными орудіями. Византія же пользовалась инструментами восточными, азіатскими. Изъ того же источника, т.-е. изъ сокровищницы далекаго востока, чрезъ посредство Мавровъ (а позже вслѣдствіе установившихся во времена крестовыхъ походовъ непосредственныхъ сношеній между западной Европой и Азіей), черпали разные предметы культуры, въ томъ числѣ и музыкальные инструменты, и западно-европейскіе народы; у послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, уже на памятникахъ XI вѣка встречаются изображенія струнныхъ инструментовъ, по типу своему сближающихся съ византійско-русскими гуслями или «лежачей арфой», вѣроятно заимствованныхъ западной Европой съ востока.

в) Экземпляръ первобытныхъ русскихъ гуслей музея С.-Петербургской консерваторіи.

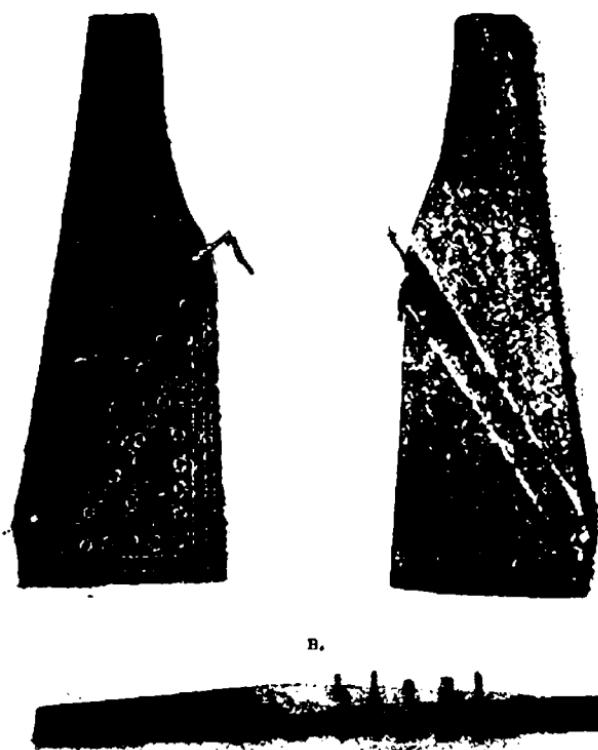
Вскорѣ послѣ того, какъ все вышеизложенное было мною написано и отчасти сообщено аудиторіи на лекціяхъ моихъ, читанныхъ въ С.-Петербургской консерваторіи въ началѣ 1889 года, въ музей консерваторіи поступило драгоценное пожертвованіе Петра Григорьевича Васильева, — экземпляръ дѣйствительныхъ русскихъ первобытныхъ гуслей, приобрѣтенный жертвователемъ у крестьянина С.-Петербургской губерніи, Лужского уѣзда, 2-го стана Яблонецкой волости, деревни Дѣвой Горки, Трофима Ананьевы, по прозвищу «Скачѣкъ» (прозвище это онъ получилъ за свою необыкновенную способность много и быстро ходить). Всѣ приводимыя здѣсь свѣдѣнія о Трофимѣ и его гусляхъ, о строѣ послѣднихъ, о способѣ игры на нихъ, и т. д., обязательно доставлены мнѣ г. Васильевымъ, въ отвѣтъ на поставленные ему мною вопросы, которые я просилъ предложить старому гусляру.

Трофиму Ананьеву, по его словамъ, въ прошедшемъ году минуло уже 95 лѣтъ; онъ научился играть на гусляхъ у своего покойнаго дяди, Герасима Михѣева, и полагаетъ, что приобрѣтенымъ у него г. Васильевымъ и нынѣ хранящимся въ музей консерва-

торіи гуслямъ болѣе 150 лѣтъ; инструментъ этотъ долженъ, слѣдовательно, быть отнесенъ къ срединѣ или даже къ первой половинѣ XVIII столѣтія. Внѣшній видъ рассматриваемыхъ гуслей изображенъ па фиг. 13 (а, б, в). Онѣ состоять изъ доски съ

а.

б.

Фиг. 13.

Семи-струнныя русскія первобытныя гусли средины XVIII столѣтія музея С.-Петербургской консерваторіи (приблизительно $\frac{1}{11}$ натуральной величины): а—сверху (со стороны голосной доски), б—снизу (со стороны голосного ящика), в—сбоку (причёмъ голосной ящикъ обращенъ кверху). Широкій конецъ, книзу отъ ряда колковъ, украшенный кружечками, составляетъ крыло инструмента, т.-е. продолженіе голосной доски вѣтъ голосного ящика; послѣдній же занимаетъ часть инструмента, лежащую кверху отъ ряда колковъ. Ни струнъ, ни попечного жѣлезного пруттика для прикрѣплѣнія послѣднихъ у головки (узкаго конца) гуслей, на данномъ экземплярѣ нѣтъ. Колковъ сохранилось только пять.

прикрѣпленнымъ къ ней снизу, на пространствѣ, занятомъ струнами, голоснымъ ящикомъ. Длина доски 80 сантиметровъ, ши-

рина ея у головки — 10 сант., на противоположномъ (широкомъ) концѣ — 28 сант., а толщина голоснаго ящика — $5\frac{1}{2}$ сант. Струны числомъ 7 (по словамъ Трофима, могло ихъ быть и 8), какъ на всѣхъ инструментахъ рассматриваемаго типа, прикреплены однимъ концомъ наглухо у узкаго конца или головки, къ желѣзному поперечному пруту, продернутому черезъ бока головки, а другимъ — къ подвижнымъ вращающимся колкамъ, расположеннымъ въ рядъ, пересѣкающій наискось поверхность инструмента. Голосная доска снабжена нѣсколькими, изображенными въ видѣ черныхъ кружковъ, голосниками. По другую сторону ряда колковъ — доска, уже безъ ящика съ нижней стороны, продолжается въ довольно широкое крыло. Кружки и зигзаги на этомъ крылѣ служатъ для его украшения. Трофимовы гусли, по своему очертанію, представляютъ сходство съ каннелью псковскихъ Эстовъ-полувѣрцевъ (см. выше, фиг. 8) и съ литовскими (латышскими) канклесь (куаклесь), изображенными на фиг. 11. На одномъ изъ краевъ гуслей находится отверстіе,透过 которое продѣта веревочка, служившая для вѣшанія инструмента на гвоздь (ср. выше стр. 12, 50), какъ показано на рисункѣ. Струнъ на описываемыхъ гусляхъ не сохранилось.

Для возстановленія строя инструмента, г. Васильевъ заказалъ Трофиму новыя гусли, которыя и были изготовлены имъ въ прошедшее лѣто. Новый экземпляръ гуслей, нынѣ также пожертвованный г. Васильевымъ музею консерваторіи, предварительно переданъ былъ имъ для изслѣдованія на мѣстѣ, въ присутствії Трофима, профессору С.-Петербургской консерваторіи Г. А. Мареничу, который доставилъ о нихъ г. Васильеву довольно подробный отзывъ, впослѣдствіи подтвержденный имъ и мнѣ лично и здѣсь воспроизведенный. Данныя гусли имѣютъ 7 металлическихъ (изъ тонкой мѣдной проволоки) струнъ одинакой толщины. Страй и объемъ музыкальной скалы ихъ слѣдующій:

Струны: 1 2 3 4 5 6 7

Гусли держатся играющимъ наискось на колѣнахъ, привчемъ край длиннѣйшей стороны инструмента упирается на колѣна;

крыло его оказывается въ такомъ случаѣ обращеннымъ къ лѣвой рукаѣ играющаго, а головка — къ правой; корпусъ же инструмента покоится плашмя на животѣ играющаго. Ладовъ нѣть; но играющій ставитъ посрединѣ инструмента три пальца лѣвой руки, вертикально, между струнами: безыменный палецъ — между струнами 2-й и 3-й (fa — sol), средній — между 4-й и 5-й (la — si) и указательный — между 6-й и 7-й (do — re). Пальцы эти, касаясь лѣвымъ своимъ бокомъ струнъ fa, la и do, заглушаютъ ихъ и даютъ свободно звучать прочимъ струнамъ: mi-bémol, sol, si и ré; передвигая немного тѣ же пальцы въ другую сторону, т.-е. касаясь правымъ ихъ бокомъ струнъ sol, si и ré, играющій заглушаетъ эти тоны, а свободно звучать тогда прочія струны: mi-bémol, fa, la и do. Способъ игры Трофима довольно оригинальный: сложивъ одинъ па другой пальцы правой руки, большой, указательный и средній, онъ водить ими, какъ плектромъ, по струнамъ взадъ и впередъ у самой головки инструмента, бряцая по струнамъ ногтями (впрочемъ иногда онъ ударяетъ по струнамъ и мягкой стороной пальцевъ) и издавая постоянно, смотря по положенію пальцевъ лѣвой руки, одинъ изъ двухъ аккордовъ: fa-la-do или sol-si-re, причемъ нижней струны (mi-bémol — «подголоска», по выраженію Трофима) онъ касается не всегда; но тонъ этотъ не перестаетъ во все время игры звучать, какъ педаль, и, смягчая рѣзкую, на нашъ слухъ, послѣдовательность чистыхъ квинтъ и сообщая ей своеобразную гармоническую неопредѣленность, придаетъ извѣстную прелестъ данной послѣдовательности. Надо имѣть еще въ виду, что Трофимъ играетъ свои аккорды очень нѣжно. Игра его, положенная на ноты, имѣеть, приблизительно, такой видъ:

Dolcissimo.

и т. д.¹

1) Я уже сказала, что mi-bémol (подголосокъ) хотя и не ударяется при каждомъ аккордѣ, тѣмъ не менѣе постоянно гудить, какъ педаль; вслѣдствіе этого г. Мареничъ, для выраженія производимаго этой нотой впечатлѣнія, изобразилъ ее въ примѣрѣ въ видѣ непрерывной педали.

Итакъ игра выходитъ у него не мелодическая (онъ не перебираетъ пальцами отдельныхъ струнъ), а аккордная, по преимуществу ритмическая. Отсюда истекаетъ чрезвычайная монотонность Трофимовой музыки, происходящая вѣроятно и оттого, что онъ уже давно пересталъ упражняться на гусяхъ и, за давностью лѣтъ, можетъ быть занялся прочіе приемы игры; взявшись же вновь за инструментъ послѣ многолѣтней паузы, лишь вслѣдствіе настоятельной просьбы г. Васильева, онъ ограничился въ данномъ случаѣ однимъ только бренчаніемъ на двухъ аккордахъ, съ прибавленіемъ къ нимъ диссонирующего подголоска (*mi-bémol*) нижней струны. Въ настоящее время этимъ приемомъ игры исчерпывается все искусство Трофима. Забросилъ же онъ игру на своихъ гусяхъ вслѣдствіе насмѣшекъ молодежи надъ старицкой гусельной музыкой, вытесненной современной игрой на гармоникѣ.

Практиковавшаяся Трофимомъ игра на гусяхъ представляетъ соединеніе многихъ чертъ и приемовъ, отмѣченныхъ выше со словъ разныхъ авторовъ, по отношенію къ гусямъ, кантели, канклесъ. Такъ напр. Вейнемейнеръ (ср. выше, стр. 43) бралъ гусли на колѣна и тамъ ставилъ ихъ наискосъ,—очевидно такъ, какъ то дѣлали и Трофимъ. По словамъ Калевалы,

По струнамъ ногтей десятокъ
Всѣ пять пальцевъ пробѣгаютъ.

Упоминаніе о ногтяхъ, быть можетъ, намекаетъ на удареніе струнъ ногтями, какъ игралъ и Трофимъ, причемъ только послѣдній не перебиралъ пятью пальцами струнъ, какъ Вейнемейнеръ. Впрочемъ мы видѣли, что древніе русскіе гусяры, подобно Вейнемейнеру, пускали десять перстовъ на струны, «щокаживали» по струнамъ (ср. выше, стр. 14), словомъ перебирали струны, а не только бренчали аккорды, какъ Трофимъ. Намекъ на игру на струнахъ ногтями встрѣчается и въ латышскихъ пѣсняхъ: о Чортовой матери, сидящей на яблонѣ и играющей на куаклесь (см. выше, стр. 61), говорится въ пѣснѣ, вѣроятно не безъ причины:

У нея пять пальцевъ, чѣть ногтей.

Игра ногтями, т.-е. удареніе струнъ концами пальцевъ сто-

роной ногтей, быть можетъ перемежавшаяся съ игрой мягкими концами пальцевъ, вѣроятно практиковалась ради большей звонкости, большей остроты звука: ноготь игралъ въ такомъ случаѣ какъ бы роль пlectра или палочки, посредствомъ которой, по свидѣтельству Шлегеля (см. выше, стр. 48), играли въ старину на струнахъ своей каннели Эсты.

Далѣе, какъ на финской кантели, такъ и на русскихъ гусяяхъ (Трофимовыхъ, также на описанныхъ Фетисомъ, ср. выше, стр. 36), струны имѣли постоянную высоту, не подвергаясь повышенію посредствомъ нажима пальцами. Трофимъ игралъ аккорды. Аккорды исполнялись и на канклесъ прусскими Литовцами (стр. 54), а равно и русскими игрецами на первобытныхъ пяти-струнныхъ гусяяхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ то видно изъ приведенного выше (стр. 38), записанного Боальдѣ примѣра сопровожденія на гусяхъ мелодіи пѣсни аккордами.

Трофимъ Ананьевъ былъ гусярь-любитель, а не по ремеслу; онъ никогда не игралъ въ собраніяхъ, публично, а всегда только у себя дома; притомъ, сколько можно было понять изъ его словъ, онъ всегда импровизовалъ: «когда взгрустнется, скажешь бывало:

«Эхъ, кто не былъ за Дунаемъ,
Тотъ горюшка не знаетъ!»

и начнешь звонить, что на душѣ есть.., а слезы ручьемъ текутъ». Это подлинныя слова его. Двустишіе: «Эхъ, кто не былъ за Дунаемъ», и т. д., говорилось имъ скороговоркой, не подъ музыку. Надо имѣть весьма воспріимчивую къ музыкальнымъ звукамъ натуру, чтобы проливать слезы отъ игры, подобной Трофимовой. Впрочемъ, извѣстно, что народы первобытные нерѣдко поютъ пѣсни, составленныя всего изъ 2—3 тоновъ, и находять въ этомъ вполнѣ художественное наслажденіе¹. Итакъ Трофиму гусли служили лишь для изліянія, въ чрезвычайно однообразныхъ звукахъ, грусти; инструментъ имѣлъ въ глазахъ его характеръ жалобный, каковой въ большей части приведенныхъ выше (стр. 58—59)

1) Ср. мою книгу: Древн. индо-кит. гамма въ Азіи и Евр., 27—28.

латышскихъ загадкахъ и пѣсняхъ приписывается и латышскимъ народомъ своимъ куаклесь. Такая ограниченность взгляда на инструментъ выражается и въ томъ, что Трофимъ никогда не игралъ на гусляхъ ни сопровожденія къ пѣснямъ (или былинамъ), ни плясовой музыки. Въ этомъ проявляется его односторонность какъ гусляра, такъ какъ въ текстахъ былинъ и старинныхъ народныхъ пѣсень мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства тому, что звуками гуслей въ старину сопровождались и пѣсни и пляски. Трофимъ, впрочемъ, говоритъ, что на гусляхъ можно играть «дьякскія», т.-е. духовныя пѣсни. Самъ же онъ таковыхъ сыграть не съумѣлъ.

На предложенные Трофиму вопросы, не знаетъ ли онъ, какою вида были гусли въ глубокую старину, какъ и при какихъ обстоятельствахъ на нихъ играли, не знаетъ ли онъ чегонибудь о псалтире, о цимбалахъ (инструментахъ, родственныхъ гуслямъ, см. ниже), онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, и могъ дать свѣдѣнія только о своей собственной игрѣ и своего дяди. Онъ прибавилъ, что ему неизвѣстно также, существуютъ ли въ настоящее время у кого либо гусли, подобныя его собственнымъ, но помнить, что лѣтъ пятьдесятъ назадъ ему говорили, что какой-то гусляръ, также крестьянинъ и русскій (имени его не могъ припомнить, деревни также), возвращался домой съ гуслями и былъ растрезанъ въ лѣсу хищными звѣрями; послѣ случайно нашли его шапку и обломки гуслей. Въ Лудоньской волости, въ деревнѣ Веленъ, онъ видѣлъ гусли у колониста-латыша; но тѣ гусли короче, струны на нихъ желѣзныя и ихъ много. Онъ очевидно видѣлъ многострунныя куаклесь такой формы, какая изображена раньше на Фиг. 12; на экземплярахъ латышскихъ (литовскихъ) куаклесь музея Имп. Русск. Географического Общества наибольшее число струнъ достигаетъ двѣнадцати, но быть можетъ, что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще увеличивалось: мы видѣли выше (стр. 46), что на позднѣйшей финской каптеле, вместо первоначальной, такъ сказать, классической цифры струнъ — 5, число ихъ доходитъ до 16.

Сопоставляя все вышепизложенное, приходимъ къ предполо-

женію, что первобытнѣйшая форма гуслей, съ относительно малымъ числомъ струнъ, вѣроятно заимствована Славянами изъ Византіи. У Славянъ заимствовали ее Финны (западные), отъ которыхъ, въ свою очередь, переняли ее Литовцы и Латышы. Наиболѣе первобытную форму представляютъ вѣроятно пяти-струнныя гусли, изображеніе которыхъ находимъ у Гютри (см. выше, фиг. 3), — гусли, наиболѣе близко подходящія, по виѣшнему виду, къ древнѣйшей пяти-струнной кантеле Финновъ. Позднѣйшая многострунная кантеле, а равно и изображенія выше (фиг. 9) прусско-литовскія, также многострунные русско-литовскія канклесъ, и латышскія куаклесъ и даже каннель псковскихъ Эстовъ-полувѣрцевъ представляютъ уже болѣе или менѣе усовершенствованія формы, какъ по увеличенному противъ 5 количеству струнъ, такъ и по развитію края доски, лежащаго по ту сторону ряда колковъ, виѣ струнъ и голоснаго ящика, въ форму болѣе или менѣе широкаго крыла. Такую, отчасти уже усовершенствованную форму, не смотря на сохраненную въ общемъ грубость и первобытность отдѣлки инструмента, представляютъ и семиструнныя, снабженныя только что названнымъ крыломъ, гусли Трофима Ананьевы, которыя, весьма сходствуя съ каннелью со сѣдихъ Эстовъ-полувѣрцевъ, быть можетъ, заимствовали свою болѣе развитую форму уже отъ Эстовъ. Если это предположеніе вѣрно, то судьба первобытныхъ гуслей выразилась бы въ слѣдующемъ странствованії: изъ Византіи къ Славянамъ (гѣсли), отсюда къ Финнамъ и Эстамъ (*kantele, kannel*), а отсюда къ Литовцамъ и Латышамъ (*kankles, kükles*) и, быть можетъ, черезъ посредство Эстовъ-полувѣрцевъ — обратно съ Русскимъ, уже почти забывшимъ свой первоначальный инструментъ (гусли); послѣдній обратный переходъ можетъ относиться именно къ Трофимовымъ (и сходнымъ съ ними, бывшимъ въ употребленіи въ мѣстахъ, граничащихъ съ жилищами Эстовъ) гуслямъ. Во всякомъ случаѣ нынѣ гусли въ рукахъ русского народа представляютъ весьма рѣдкое, исключительное явленіе¹.

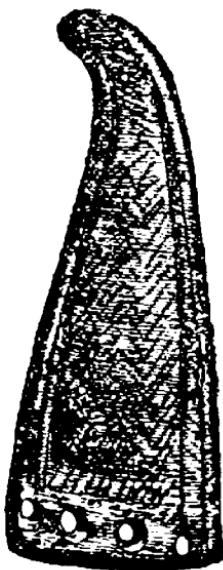
1) Интересно, что между сокровищами, выкопанными Шлеманомъ изъ открытыхъ имъ развалинъ Трои (Schliemann: Ilios Stadt und Land der Tro-

г) Psalterion.

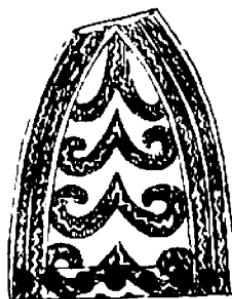
Въ западной Европѣ издавна извѣстны были струнные инструменты, носившіе название Psalterion или Psalterium, заимствованные изъ греко-римскаго міра, въ свою очередь получившаго

janer. 1881. S. 472—473) находится два предмета (фиг. 14 а и б), принятые Шлиманомъ за обломки музыкальныхъ инструментовъ, называемыхъ имъ «клирами».

а.

б.

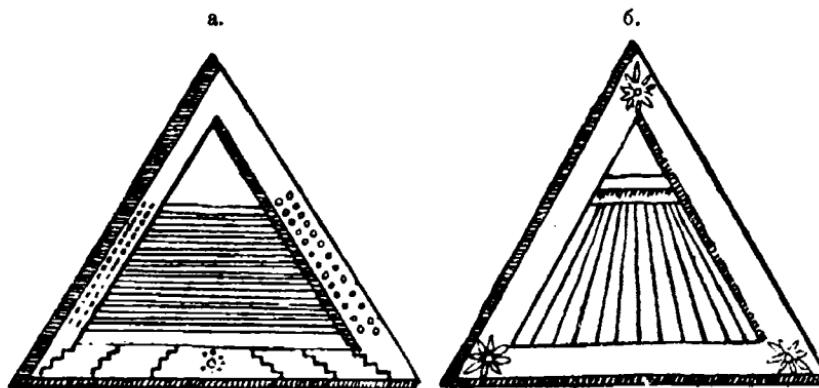

Фиг. 14.

Два предмета изъ слоновой кости (объясняемые какъ обломки моделей четырехструнного (а) и семи-струнного (б) гуслеобразныхъ музыкальныхъ инструментовъ), вырыты изъ земли на мѣстѣ развалинъ Трои, на глубинѣ: а—26 и б—23 фут.

модели или миниатюрныя воспроизведенія таковыхъ. Во всякомъ случаѣ, если бы объясненіе Шлимана оправдалось, то мы имѣли бы доказательство тому, что типъ инструментовъ, подобный рассматриваемому нами типу гуслей — кантели — канклесъ, извѣстенъ былъ уже въ древнія времена въ Малой Азіи. Въ ряду только что поименованныхъ станцій на пути странствованія гуслей сдѣлывало бы, въ такомъ случаѣ, прибавить еще одно предшествующее звено — Малую Азію. Но и Малая Азія едва ли была мѣстомъ изобрѣтенія типа гуслевидныхъ инструментовъ, который, какъ мы увидимъ ниже, извѣстенъ былъ уже въ древнѣйшемъ, ассирийско-аввилонскомъ мірѣ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ разными другими предметами культуры, отсюда проникъ въ Малую Азію и далѣе — въ Европу.—Шлиманъ называлъ описанныя модели инструментовъ «клирами»: это ошибка, такъ какъ греческая лира имѣла совершенно иную форму.

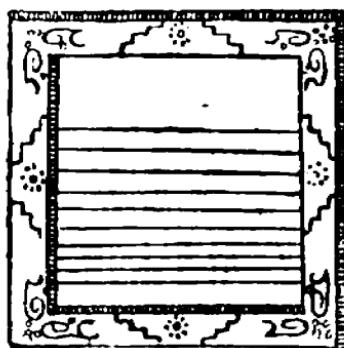
ихъ несомнѣнно съ востока. Наиболѣе употребительны были двѣ формы этого инструмента: треугольная и квадратная, а изъ нихъ первая вѣроятно древнѣйшая. По свидѣтельству св. Иеронима (IV в.), *Psalterium* имѣлъ форму греческой буквы дельты Δ ¹, т.-е. форму треугольную. Преторіусъ² приводить изображенія псалтирей, заимствованныя имъ изъ старого сочиненія (*Musica*), изданного въ нѣмецкомъ переводе Севастьяномъ Вирдунгомъ въ 1511 году. Авторъ этой книги утверждаетъ, что еще въ его время

Фиг. 15.

Средневѣковые треугольные псалтири: тринадцати-струнный (а) и одинадцатиструнный (б), хотя у Преторіуса послѣдній названъ десяти струннымъ (*Ps. decachordum*).

были въ употребленіи такие инструменты; притомъ ему встрѣчались лишь треугольные псалтири. Судя по рисункамъ, псалтири представляли треугольную или четырехугольную рамку, въ которой натянуты были струны, или параллельно одной (или двумъ) изъ сторонъ рамки (фиг. 15 а, 16) или вѣрообразно (фиг. 15 б).

Фиг. 16.

Средневѣковой квадратный десяти-струнnyй псалтири.

1) См. у Walther: *Musicalisches Lexicon*. 1732. II, 501: «*Psalterium*».

2) Praetorius: *Syntagma musicum*. 1614. II, Col. XXXII, Fig. 2, 3, 4.

Фиг. 17.

Юноша, играющій на одиннадцати-струнномъ псалтире, изъ рукописи IX или X вѣка (въ Штутгартѣ)

Фиг. 18.

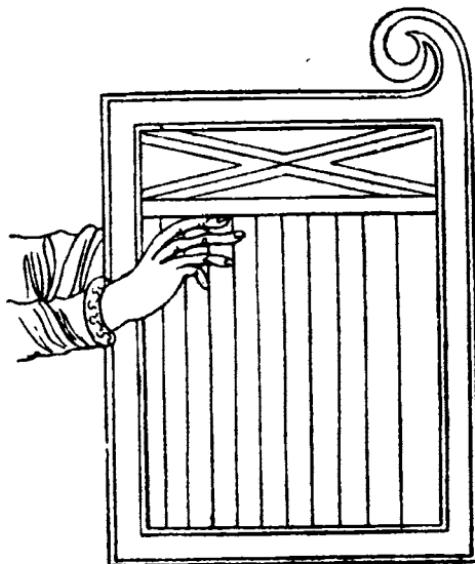
Игрецъ на десяти-струнномъ псалтире особенной формы съ большимъ отрогомъ, покоящимся на плечѣ играющаго, изъ рукописи IX вѣка (въ Парижѣ).

Изъ словъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей, сравнивавшихъ псалтирь съ древней киаорой, заключаемъ, что въ старину псалтирь отличался отъ киаоры тѣмъ, что имѣлъ голосной ящикъ вверху, между тѣмъ какъ у киаоры онъ былъ внизу. Такъ св. Иоаннъ Златоустъ (IV в.) говоритъ, что псалтирь издаєтъ звукъ изъ верхней своей части (*cujus sonus altrinsecus e superiore parte redditur*); св. Августинъ (IV—V в.) утверждаетъ, что названный инструментъ имѣетъ голосной ящикъ вверху (*psalterium habuisse superiore in parte sonorum lignum*), и противупоставляетъ его киаорѣ въ только что указанномъ смыслѣ¹; Беда (VIII в.) говоритъ тоже самое (*sciendum quod psalterio musicō*

1) Walther: Mus. Lex.: «Psalterium».

instrumento cithara est contrarium, quae concavitatem [т.-е. выдолбъ, вогнутость, словомъ — голосной ящикъ] quam psalterium habet superius, inferius habet)¹. Слова эти, довольно темные для насъ, принужденныхъ довольствоваться лишь старинными изображеніями соотвѣтствующихъ инструментовъ, становятся до извѣстной степени понятными, если бросимъ взглѣдъ на нѣкоторые изъ приведенныхъ ниже старинныхъ рисунковъ струнныхъ инструментовъ западно-европейскихъ, сохранившихся въ рукопи-сахъ, начиная съ IX вѣка.

Изображенія эти показываютъ, что въ то время играющій держалъ инструментъ свой вертикально, упирая его на колѣна (фиг. 17, 18) или на какуюнибудь стоявшую передъ нимъ подставку (фиг. 19). Одною рукой онъ придерживалъ инструментъ, а другою — перебиралъ струны². Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно при указанномъ положеніи инструмента въ рукахъ играющаго, голосной ящикъ дѣйствительно какъ будто приходился вверху, соотвѣтственно вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, напр.: въ фиг. 15а, б и 16 свободная оть струнъ вершина треугольной или четырехугольной рамки

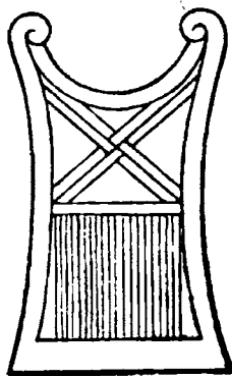

Фиг. 19.

Псалтиръ въ рукахъ Давида, изъ рукописи IX вѣка (въ Анжерѣ). На картинкѣ надпись: «Hic est David filius Iesse tenens psalterium in manib(us) suis. Hec est forma psalterii» (Это Давидъ сынъ Иессеевъ, держащій псалтиръ въ рукахъ своихъ. Таковъ видъ псалтиря).

1) См. у Fétis: Hist. gén. de la mus. IV, 421 (1).

2) Reissmann: Illustrirte Geschichte der deutschen Musik. 1881. S. 47.— Coussenmaker въ Ann. arch. de Didron. III, 77, 84, 85.

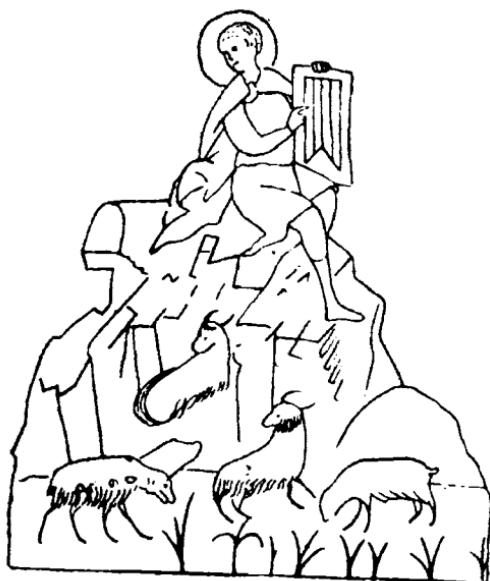
Фиг. 20.

Двадцати-струнныи псалтириъ, изъ рукописи IX вѣка (въ Булонѣ): «psalterium in modo clypei» (псалтири въ видѣ щита).

Фиг. 21.

Давидъ — пастырь, играющій на девятиструнномъ квадратномъ псалтириѣ, изъ греческаго рукописнаго псалтирия IX вѣка.

Фиг. 22.

Давидъ — пастырь, играющій на трехструнномъ четырехугольномъ псалтириѣ, изъ рукописнаго славянскаго псалтиря 1397 года.

выступаетъ какъ бы въ роли голоснаго ящика (хотя собственно таковыимъ служила вѣроятно вся рамка), тоже и въ фиг. 17 и 19; въ фиг. 18, быть можетъ, роль голоснаго ящика исполняла верхняя полоса инструмента, продолжаясь въ широкій отрогъ, который покоятся на плечѣ игрока; фиг. 20 объясняется въ соотвѣтствующей рукописи, какъ псалтири въ видѣ щита¹: верхній ко-

1) Coussenmaker въ Ann. arch. de Didron. III, 85.

непъ щита, быть можетъ, представлялъ собою голосной ящикъ (ср. родственную форму этого инструмента, фиг. 19).

Къ квадратнымъ (или четырехугольнымъ вообще) псалтиямъ принадлежать и слѣдующіе два псалтирия (девяти- и трехструнныій) въ рукахъ Давида, изображенного въ качествѣ пастыря, въ обоихъ случаяхъ сидящаго на возвышеніи, между тѣмъ какъ кругомъ его пасутся стада (фиг. 21, 22). Первое изъ этихъ изображеній заимствовано изъ греческаго рукописнаго псалтиря IX вѣка¹, второе—изъ славянскаго рукописнаго псалтиря конца XIV вѣка². Къ той же категоріи относится и большихъ размѣровъ четырехугольный псалтирь, находящійся въ рукахъ одного изъ музыкантовъ на древней фрескѣ Киево-Софійскаго собора (фиг. 23), произведенія византійскихъ художниковъ XI вѣка (1037)³.

Замѣтимъ, что въ западно-европейскихъ манускриптахъ IX по XI в. царь Давидъ обыкновенно изображается играющимъ на квадратномъ псалтире. Это, по замѣчанію Куссемакера, свидѣтельствуетъ въ пользу существовавшаго въ то время взгляда на псалтирь, какъ на орудіе наиболѣе благородное и наиболѣе приличное для прославленія Бога. Съ XII же столѣтія псалтирь въ рукахъ Давида обыкновенно замѣщается арфой⁴.

Въ то время какъ все до сихъ поръ приведенные псалтири представляли треугольныя или четырехугольныя рамки съ натянутыми на нихъ струнами, мы съ XI вѣка начинаемъ встрѣчать на западѣ Европы и специально гуслевидные инструменты, т.-е. состоящіе изъ плоскаго голоснаго ящика и голосной доски, надъ которой и параллельно плоскости которой протягиваются струны.

1) Кондаковъ: Миніатюры греческой рукописи псалтири IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ. 1878 г. Послѣдняя таблица.

2) Весьма драгоценный, по множеству украшающихъ его миніатюръ, экземпляръ этой рукописи составляетъ принадлежность музея Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

3) Закревскій: Описаніе Киева. 1868 г. Листъ XII.—Ср. Кондаковъ: О фрескахъ лѣстницъ Киево-Софійскаго Собора, въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Т. III, вып. III и IV, 1888 г.

4) Cousssemaker въ Ann. arch. de Didron. III, 85.

Фиг. 23.

Музыканты, плясуны и потешники съ древней (XI в.) фрески (византійского письма) Кіево-Софійского собора. Въ срединѣ группы, на первомъ планѣ, игрецъ на большомъ семи-струнномъ псалтире.

а.

б.

Фиг. 24.

Музыканты, играющие на псалтиряхъ полуокругломъ (семи?)-струнномъ и треугольномъ (пяти?)-струнномъ съ закругленными углами, изванные, въ числѣ прочихъ музыкантовъ, на капители колонны аббатства св. Георгія въ Башервилль (XII вѣка).

Таковъ напр. инструментъ, находящійся въ рукахъ одного изъ музыкантовъ, украшающихъ капитель колонны аббатства св. Георгія въ Башервилль (Bocher-ville) въ Нормандіи (фиг. 24б). Памятникъ этотъ относится къ XII вѣку¹: Музыкантъ б. играетъ на треугольномъ, съ закругленными углами, псалтире. Число струнъ вѣроятно — 5, судя по количеству выступающихъ на верхней (при данномъ положеніи) сторонѣ треугольника колковъ. Голосной ящикъ очевидно лежитъ подъ самыми струнами, на что указываютъ голосники въ декѣ

1) Тамъ же: VI, 815.

инструмента¹. Сосѣдняя фигура (а) держитъ особаго рода псалти-ревидный же инструментъ полукруглаго очертанія. Основаніемъ полукруга служить голосной ящикъ съ нѣсколькими голосниками.

Весьма интересный экземпляръ доскообразнаго треугольнаго псалтиря находимъ въ рукахъ жонглера, изображенаго въ рукописи XI вѣка (фиг. 25)². На этомъ оригинальномъ изображеніи видимъ жонглера, одной рукой держащаго рожокъ, на которомъ онъ играетъ, а въ другой— треугольный псалтирь, по общему устройству своему, приближающійся, на сколько позволяетъ судить несовершенный рисунокъ, къ русскимъ первобытнымъ гуслямъ, къ кантели, канклесъ и тому подобнымъ, разсмотрѣннымъ выше, инструментамъ даннаго типа.

Всѣ только что приведенныя псалтири во время игры держались вертикально, нерѣдко упираясь однимъ краемъ въ грудь играющаго, причемъ они или ставились на колѣна

Фиг. 25.

Жонглеръ съ рожкомъ и треугольнымъ плоскимъ, доскообразнымъ псалтиремъ въ рукахъ, изъ рукописи XI вѣка (въ Парижѣ).

1) Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и инструментъ, изображеный на фиг. 18: вслѣдствіе несовершенства рисунка, трудно съ точностью опредѣлить, натянуты ли въ немъ струны въ четырехугольной сквозной рамкѣ, или надъ четырехугольной голосной доской.

2) Тамъ же: III, 86.

или на подставку, или же плашмя прислонялись ко груди играющего (фиг. 24). Въ послѣднемъ случаѣ инструменты эти (фиг. 24б) сближаются съ изображенными выше (фиг. 1) инструментомъ гусляра на миниатюрѣ славянского псалтиря XIII—XIV вѣка.

Квадратные псалтири, по замѣчанію Куссемакера, въ западной Европѣ вовсе вышли изъ употребленія къ концу XI вѣка, а треугольные—съ XII вѣка получили название рота (Rota), вошедшее впрочемъ въ употребленіе уже въ IX вѣкѣ¹. Такимъ образомъ и самое название Psalterion на время, по крайней мѣрѣ, было оставлено. Но вслѣдъ затѣмъ начинается знаменательное время крестовыхъ походовъ (XII и XIII в.), имѣвшихъ столь сильное вліяніе на соціальные отношенія въ Европѣ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на музыку и музыкальные инструменты европейскихъ народовъ. Въ особенности сильно было вліяніе послѣднихъ крестовыхъ походовъ. Пораженные богатствомъ и пышностью обычаевъ мусульманъ—говорить Куссемакеръ—крестоносцы вступали съ ними въ сношенія. Послѣднія расширялись и сдѣлались обычными между востокомъ и западомъ. Именно въ этотъ послѣдній періодъ труверы и менестрели, сопутствовавшіе крестоносцамъ, одни—въ качествѣ свиты знатныхъ рыцарей, другіе—увлеченные любовью къ странствованію и приключеніямъ, познакомились съ инструментами восточныхъ народовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и арабскій *santir* или *risantir*, и нынѣ еще употребительный въ Египтѣ. Это инструментъ струнный, состоящій изъ плоскаго деревяннаго ящика въ формѣ треугольника съ усѣченной вершиной. Металлическія струны прикрепляются къ колкамъ, воткнутымъ вдоль лѣваго бока инструмента. По струнамъ играющій бьетъ маленькими деревянными палочками съ насаженнымъ на концѣ каблучкомъ, иногда сдѣланнымъ изъ слоновой кости, иногда роговымъ; ударяютъ по струнамъ одною только выпуклою его стороныю. Описанный инструментъ, будучи заимствованъ европейскими музыкантами, получилъ въ Европѣ сходное съ оригинальнымъ—*santir*, *pisantir*—название *Psalterium* (съ много-

1) Тамъ же: IX, 829—830.

численными варіантами: psalteire, psaltère, psaltri, salterion, salteire, saltère), — название вновь возродившееся, следовательно, въ Европѣ, но при другихъ, чѣмъ прежде, обстоятельствахъ. Арабскій же santir сводится, по мнѣнію некоторыхъ ученыхъ, къ древнѣйшему источнику, а именно къ библейскому инструменту phsanterin или psanterin, упоминаемому прор. Данииломъ (III, 5, 10, 15) въ числѣ музыкальныхъ орудій вавилонскихъ. Между музыкальными инструментами, изображенными на ассирийскихъ памятникахъ, встречается одинъ, вѣроятно послужившій прототипомъ для позднѣйшаго арабскаго pisantir. Инструментъ этотъ вмѣстѣ съ играющими на немъ музыкантами представленъ на фигурѣ 26.

Фетисъ, давая мѣсто этому рисунку въ своей Всеобщей исторіи музыки, замѣчаетъ, что художникъ несомнѣнно изобразилъ дашний инструментъ на память и не имѣя достаточно яснаго о немъ представлениа, такъ какъ изогнутость, приданная имъ струнамъ, лишила бы ихъ звучности¹. Вѣроятно струны расположены были въ горизонтальной плоскости надъ голоснымъ ящикомъ, выпуклою стороною своею обращеннымъ внизъ. Углы, образуемые струнами, вѣроятно соотвѣтствовали мѣсту прикрепленія ихъ къ

Фиг. 26.

Музыканть, ударяющій палочкой по струнамъ гуслеобразнаго инструмента, съ ассирийскаго барельефа въ Куонджекѣ.

1) Fétis: Hist. gén. de la mus. I, 335. Ср. 325.

колкамъ и перегибу, затѣмъ, внизъ свободныхъ концовъ струнъ. У другихъ (арфообразныхъ) инструментовъ, изображенныхъ на томъ же памятникѣ, концы струнъ, украшенные такими же привѣсками (а, а, а...) какія представляетъ данный рисунокъ, дѣйствительно висятъ свободно ниже рамки инструмента. Европейской средневѣковой псалтире представляеть нерѣдко форму, близко сходную съ только что описанной формой арабского сантира, съ тою лишь разницею, что по струнамъ его не ударяли палочками или молоточками, а играли на нихъ обыкновенно непосредственно пальцаами, рѣже рвали струны перышками или палочками. Привожу примѣры изображенія псалтирей въ формѣ трапеций, изъ рукописей XIII и XIV вѣковъ (фиг. 27, 28, 29). Фигура 27 заимствована

Фиг. 27.

Игрецъ на трапециевидномъ псалтире — изъ пѣсенника (*Chansonnier*) XIII вѣка парижской национальной библиотеки.

Фиг. 28.

Женщина, играющая палочками на трапециевидномъ (четырнадцати (?) -струнномъ) псалтире, изъ чешской рукописной Велеславовой библіи XIII—XIV вѣка. Картинка изображаетъ сестру Ааронову съ подругами, играющими и поющимъ. Голосная доска псалтиря снабжена тремя круглыми голосниками.

изъ пѣсенника (*Chansonnier*) XIII вѣка¹, фиг. 28 и 29 — изъ миниатюръ чешской рукописной библіи конца XIII или начала XIV вѣка².

1) *Lavoix fils: Histoire de la musique.* P. 107.

2) *Památky archaeologické a městopevné.* Dil. X, ročn. I, 1874. Tab. 23.—*Pamatky. Listy pro archaeologii a historii.* Nove člady roč. I, Seč. 3 (1871). Tab. 6.—

Въ первомъ случаѣ (фиг. 27) инструментъ однимъ краемъ упирается о колѣна, а другимъ—о грудь играющаго. Во второмъ (фиг. 28) онъ также упирается въ грудь играющей на немъ женщины, которая подѣргиваетъ струны не пальцами, а игральными палочками. Третій (фиг. 29) инструментъ представленъ въ моментъ его настраиванія. Данная фигура изображаетъ Іувала, «отца всѣхъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли» (Быт. IV, 21). Во второмъ и третьемъ изъ только что названныхъ инструментовъ,— бока представляютъ частью вогнутое, частью волнистое очертаніе. Замѣчу, что у Чеховъ псалтири получали иногда совершенно своеобразную форму, какъ по очертанію (полувальному, или угловато-овальному), такъ и по необыкновенному расположению струнъ: таковы напр. слѣдующіе псалтири съ вѣрообразно расходящимися струнами, встрѣчающіеся въ рукахъ играющихъ въ чешскихъ миниатюрахъ XIII и XIV столѣтій¹ (фиг. 30 и 31).

Фиг. 29.

Іувалъ, настраивающій двадцатиструнный псалтиры, изъ той же чешской бібліи. Волнистая линія контура голосной доски и отверстіе (голосникъ) въ послѣдней показываютъ, что данный инструментъ дѣятельно псалтиры, а не арфа, за которую можно было бы принять его съ первого взгляда, по общему арфообразному его виду.

Сходные съ фиг. 29 инструменты, арфообразные, съ голосной доской, параллельной плоскости, въ которой натянуты струны, известны были и въ западной Европѣ, какъ видно изъ некоторыхъ миниатюръ въ рукописяхъ XIV вѣка. См. у Coussenmaker, въ Ann. arch. de Didron VII, 249, 250. Авторъ называетъ эти инструменты ротами (rotes).

1) Rašátky archaeol. a místop. Dil. IV (1860). Obr. 5, Fig. 9; Dil. X, госп. 1 (1874). Tab. 23.

Фиг. 30.

Женщина, играющая на псалтире съ вѣрообразно расположеными струнами, изъ выше приведеной (фиг. 28) картины чешской Велеславовой библіи. Въ срединѣ голосной доски — круглый голосникъ.

Фиг. 31.

Ангелъ, играющій на псалтире съ вѣрообразно расположеными струнами, изъ чешскаго *Passionale* 1312 года. Въ срединѣ голосной доски — голосникъ.

Возвращаюсь къ псалтирямъ болѣе правильнаго очертанія. Вотъ (фиг. 32—36) цѣлая серія изображеній средневѣковыхъ западно-европейскихъ псалтирей, представляющихъ развитіе первоначальной треугольной или точнѣе — трапециевидной формы.

Фиг. 32 представляетъ только корпушъ инструмента съ колками, выступающими на одной изъ его сторонъ, но безъ струнъ. Голосная доска инструмента снабжена нѣсколькими голосниками. Въ фиг. 33 и 34 псалтири изображенъ въ рукахъ играющихъ, которые стоять и, держа инструментъ вертикально, прислоненнымъ ко груди, подпираютъ его обѣими руками. Въ первомъ случаѣ играющій перебираетъ, подёргиваетъ струны пальцами, во второмъ — маленькими палочками или перышками. Въ фиг. 35 псалтири опять въ вертикальномъ положеніи поконится на колѣнахъ играющей на немъ пальцами, сидящей Венеры. Наконецъ въ послѣдней картинкѣ (фиг. 36), принадлежащей XIV вѣку, изображенъ Младенецъ Іисусъ, играющій пальцами же на псалтире,

Фиг. 32.

Пятнадцати(?)-струнный псалтиль въ рукахъ фигуры, изваянной на большихъ дверяхъ Амьенскаго собора, XIII вѣка¹.

Фиг. 33.

Игрецъ на четырнадцати-струнномъ псалтире, изъ рукописи XIV вѣка (въ Брюсселе). Инструментъ поддерживается руками играющаго.

Фиг. 34.

Ангелъ, играющій палочками или перышками на многострунномъ псалтире, съ живописи Гемлинга (XV вѣка) на ракѣ св. Урсулы въ Bruges.

1) О числѣ струнъ, не изображенныхъ на инструментѣ, судимъ по количеству отмѣченныхъ колковъ. Во время игры инструментъ держался въ обратномъ положеніи, т.-е. узкимъ концомъ внизъ, а широкимъ — вверхъ.

Фиг. 36.

Венера, играющая, сидя, на многострунномъ псалтире, покоящемся узкииъ основаниемъ своимъ на колѣвнахъ играющей, изъ рукописи XIV вѣка.

который лежитъ передъ нимъ горизонтально¹. Струны псалтирий, по свидѣтельству Герсона (Gerson: Opega omnia. T. III, р. 627), были серебренныя или состояли изъ смѣси золота съ серебромъ. Онѣ издавали острые звуки и требовали мягкой игры. Число струнъ на псалтиряхъ не было точно опредѣлено и подвергалось большими колебаніямъ. Въ то время какъ древнѣйшіе псалтири имѣли 6, 10, 12, 15 струнъ, уже въ XIII вѣкѣ число послѣднихъ достигало иногда до 32, а въ XVI столѣтіи даже до 76, или вѣрнѣе до 38 паръ струнъ (такъ какъ въ данномъ случаѣ онѣ настраивались попарно)². Прѣторіусъ приводитъ слѣдующее изображеніе псалтире-образнаго трапеціевиднаго

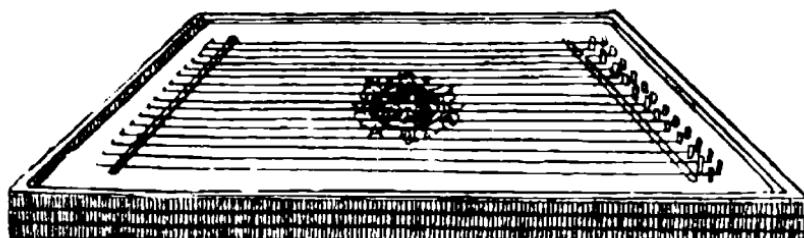
1) Всѣ эти изображенія взяты изъ неоднократно уже названной мною статьи Куссемакера, въ Ann. arch. de Dideron. III, 269; IX, 390—394.

2) Fétis: Hist. gén. de la mus. V, 154.

Фиг. 36.

Младенецъ. Иисусъ среди толпы ангеловъ-музыкантовъ играсть на псалтире, лежащемъ передъ Нимъ, горизонтально, изъ миниатюры XIV вѣка (въ Парижѣ).

Фиг. 37.

Трапециевидный струнный инструментъ, характеризуемый Прэторіусомъ такъ: «родъ цимбала, но играется пальцами» (Eine Art eines Hackebrets, wird aber mit Fingern gegriffen).

инструмента (фиг. 37), сближаемаго имъ съ цимбалами (ср. ниже, «Прибавленіе»), не давая ему, однако, специального названія¹. Еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія въ Америкѣ былъ въ употребленіи очевидно именно этотъ инструментъ, сохранившій старинное название *Psalterion* или *Salterion* и состоявшій изъ трапециевиднаго (вышиною въ 4 дюйма) ящика съ голосной доской и протянутыми въ немъ металлическими струнами, въ объемѣ трехъ октавъ. Инструментъ лежалъ горизонтально передъ игрокомъ, ударявшимъ по струнамъ пальцами².

д) Гусли-псалтиль.

Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ 1630-хъ годахъ и составившій подробное описание своего путешествія въ Москвию, сообщаєть нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о замѣчанныхъ имъ на пути музыкальныхъ увеселеніяхъ русского народа. На боярскихъ свадьбахъ русскихъ, по его словамъ, играла разная музыка, между прочимъ — на инструментѣ, называемомъ псалтиль (*Psaltir*)³. Иноzemное название инструмента указываетъ на заимствованіе его извнѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что упоминаемый Oleariemъ псалтиль русскихъ музыкантовъ, слышанный имъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, но конечно вошедшій въ Россіи въ употребленіе гораздо раньше этого времени, былъ одинъ изъ видовъ заимствованнаго съ востока трапециевиднаго, съ закругленными сторонами, *Psalterium*'а. Это доказывается и даннымъ Oleariemъ изображеніемъ музыканта, играющаго на такомъ инструментѣ. Должно замѣтить, что въ Россіи получила наибольшее распространеніе, такъ сказать, полное право гражданства, именно указанная трапециевидная форма псалтиря, съ закругленными обыкновенно кнаружи сторонами, вслѣдствіе

1) Praetorius: *Synt. mus.* II, Col. XXXVI, Fig. 1.

2) Schilling: *Encyclopädie der gesammten musikalischen Wissenschaft*. 1836. V, 566—567: «Psalter».

3) Olearius: *Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung*. 1656. S. 215.

чего инструментъ нерѣдко получалъ полукруглое очертаніе (иногда, впрочемъ, встрѣчаются изображенія треугольныхъ псалтирей съ прямymi или слегка вогнутыми боками). Сказанное подтверждается имѣющимися описаніями и изображеніями русскаго музикального инструмента — псалтиря изъ XIV, XVI, XVII и XVIII столѣтій, а равно и сохранившимися экземплярами его изъ XIX вѣка. Я указывалъ уже раньше на то, что слово гусли нерѣдко выражало собою вообще струнныe инструменты; тѣмъ легче могло оно, даже въ смыслѣ болѣе специального названія, быть даваемо и близко-родственному древнерусскому гуслямъ псалтирю.

Гусли-псалтирь треугольной формы изображаются на русскихъ миніатюрахъ уже XIV вѣка, въ рукахъ, или точнѣе на груди или на животѣ, играющихъ на нихъ пальцами царя Давида

Фиг. 38.

Заглавная буква Д,—миніатюра изъ рукописнаго псалтиря XIV вѣка, изображающая игреца на треугольныхъ гусяхъ-псалтире.

Фиг. 39.

Заглавная буква Т,—миніатюра изъ того же псалтиря, какъ и фиг. 38, также изображающая игреца на треугольныхъ гусяхъ-псалтире.

или другихъ лицъ. Таковы напр. слѣдующіе рисунки, заимствованые изъ рукописнаго псалтиря XIV столѣтія (фиг. 38, 39) и

Фиг. 40.

Заглавная буква Д,—миниатюра изъ служебника XIV вѣка, изображающая игреца на трапециевидныхъ съ закругленными углами, почти полукруглыхъ гусляхъ-псалтиреѣ.

изъ служебника того же вѣка (фиг. 40). Первая и третья изъ этихъ фигуръ изображаютъ заглавную букву Д, а вторая — заглавную же букву Т¹.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такой же формы «гусли» были въ употреблении въ Россіи и въ XV вѣкѣ, такъ какъ форма эта повторяется и въ рисункахъ XVI столѣтія. Таковы напр. слѣдующія изображенія (фиг. 41 и 42). Эти две картины Новгородской работы заимствованы изъ Макарьевской Четыи-Минеи за августъ (въ Сунодальной библіотекѣ № 997), писанной по повелѣнію прео-

священнаго архіепископа Новгородскаго и Псковскаго, Макарія, въ 1542 году. Надъ первой изъ нихъ (фиг. 41) помѣщена надпись слѣдующаго содержанія: «Царь Давидъ пасяще овцы и играша въ гусли егда бѣ младъ у отца своего Іесѣя». Вторая (фиг. 42) изображаетъ царя Давида, сидящаго съ гуслями въ рукахъ на престолѣ, окруженнаго толпою поющихъ и играющихъ на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ². Въ русскомъ азбуковнике XVI столѣтія находимъ слѣдующее опредѣленіе: «Псалтирь во Евреяхъ бѣ сотворенъ сосудъ деревянъ, на немъ же бяху десять струнъ и нарицашеся той сосудъ по гречески псалтирь,

1) Прохоровъ: Русск. древн. Кн. VI, стр. 59—61 (ср. относящіяся сюда рисунки).

2) Буслаевъ: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства 1861 г. II, стр. 325 (ср. рис. 1 и 2 сюда относящіяся).

а по славенски
пѣснєвецъ». Въ Словарѣ Берынды (1627 г.) псалтирь переводится между прочимъ словами: пѣсница, арфа¹.

Изображенія гуслей-псалтиря на русскихъ миниатюрахъ XIV вѣка доказываютъ, что данный видъ гуслей былъ въ это время уже въ употребленіи въ Россіи. Вероятно, не только о первобытныхъ до-
скообразныхъ гусляхъ, но и о такихъ гусляхъ-

Фиг. 41.

Давидъ-пастырь, окруженный стадомъ, играетъ пальцами на полукруглыхъ одиннадцатиструнныхъ гусляхъ-псалтире, покоящихся у него на колѣнахъ,—миниатюра изъ Макарьевской Четы-Минвеи 1542 г.

псалтиряхъ говорится въ духовныхъ поученіяхъ и соборныхъ постановленіяхъ, по крайней мѣрѣ начиная съ XIV вѣка, напр. въ посланіи игумена Памфилы (1505 г.), порицавшаго «струнное гуденіе»², т.-е. гусельную игру; въ поученіи митрополита Даниила (1522—1539), осуждавшаго лицъ духовнаго званія, играющихъ «въ гусли, въ домры»³, и т. д.; въ Стоглавѣ (1551), пори-

1) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. II. v, 86, 180.

2) Дополненіе къ Актамъ историческимъ, изд. Археогр. Комисс. 1846—1875. I, 18.

3) Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Григорьевъ Кушелевъ-Безбородко. IV (1862 г.). Стр. 201.

Фиг. 42.

Царь - Давидъ, воссѣдающій на престолѣ, окруженный хорами пѣвцовъ и музыкантовъ, здѣсь не изображенныхъ, держитъ на колѣнахъ полукруглымъ одиннадцати-струнныя гусли-псалтирь, на которыхъ играетъ пальцами,—миниатюра изъ того же памятника, какъ фиг. 41.

цающемъ «гусли и смыки и сопѣли и всякое гуденіе»; также въ стащинныхъ русскихъ повѣстяхъ, притчахъ, сказкахъ, и т. п.; напр. въ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи читаемъ: «нача (Девгеній) веселитися во всю нощь, и повелѣша людемъ своимъ въ тинпаны и въ набаты бити, и въ сурны играть, сіи рѣчь трубить и въ гусли играть»; старый мужъ, сватаясь къ дѣвицѣ, по словамъ стащинной притчи, обращается къ дѣвицѣ со слѣдующею рѣчью: «і соторю тебѣ пиръ велики і на пиру велю всякую потѣху іграти гусельникомъ и трубникомъ и пляску»; въ сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ (изъ сборника рукописей Буслаева) читаемъ: «нача (Иванъ) въ гусли играть преславны ігры»¹, и т. п.

Обращаюсь къ изображенію псалтиря XVII вѣка. Гусельники, игравшіе при дворѣ царя Михаила Федоровича², претерпѣвали,

1) Тамъ же: II (1860), 319, 387, 453.

2) Изъ именъ гусельниковъ, потѣшившихъ своей игрой царя Михаила Федоровича, сохранились слѣдующія: Уѣзда, Богданка Власьевъ (1626 г.),

какъ замѣчено мною было уже раныше, довольно опасную конкуренцію въ лицѣ подвизавшихся на одномъ съ ними поприщѣ органниковъ, клавикордниковъ, цимбальниковъ, скрипичниковъ, а потому иѣть сомнѣнія, что они запасались инструментами болѣе усовершенствованными, а именно псалтире-образными, многострунными гусями. Такой формы гусли (*Psaltir*, по свидѣтельству Олеарія) мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII вѣка въ рукахъ русскихъ гусларовъ на свадьбахъ, а также при кукольной комедіи, у уличныхъ музыкантовъ, какъ видно изъ рисунка (фиг. 43), заим-

Фиг. 43.

Народныя сельскія увеселенія первой половины XVII вѣка, изъ описанія путешествія въ Москвию Олеарія. На первомъ планѣ представлениe кукольной комедіи. Направо два музыканта, играющіе одинъ на псалтире, другой — на гудкѣ. Налево — игры молодежи. На заднемъ планѣ — представлениe медвѣжьей комедіи¹.

Любимъ Ивановъ (1629 г.). См. у Забѣлина: Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. 1872 г. Стр. 441.

1) Подробное описание кукольной и медвѣжьей комедій см. Скоморохи. 106 и сл., 118 и сл.

ствованного у Олеарія¹. Инструментъ, называемый «псалтиръ» (Psalter), по описанію Олеарія, почти имѣеть видъ цимбаловъ (Hackebret). Его держать на колѣахъ и играютъ на немъ пальцами, какъ на арфѣ². Слова эти вполнѣ поясняются даннымъ рисункомъ.

Въ царствованіе царей Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ гусли (и другія музыкальныя орудія), какъ въ рукахъ скомороховъ, такъ и въ домахъ москвичей, богатыхъ и бѣдныхъ, встрѣчаемъ ихъ и среди крестьянъ,—у послѣднихъ вѣроятно въ простѣйшей, первобытной ихъ формѣ. При обоихъ названныхъ царяхъ, въ особенности же при Алексѣѣ Михайловичѣ, начавшееся еще въ XV вѣкѣ преслѣдованіе скомороховъ, главнѣйшихъ представителей инструментальной игры, достигаетъ высшаго предѣла: воздвигается усиленное, энергическое гоненіе противъ скомороховъ и ихъ музыки, а также противъ музыкальныхъ инструментовъ вообще. По свидѣтельству Олеарія, патріархъ (Іоасафъ) повелѣлъ не только запретить игру кабачкимъ музыкантамъ (скоморохамъ) и разбивать и уничтожать ихъ инструменты, гдѣ таковые попадутся, но и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты и сжечь ихъ на Москвѣ рѣкѣ. Распоряженіе это, однако, не распространялось на дома Нѣмцевъ, а также на палаты боярина Никиты Ивановича Романова, которому патріархъ многаго приказывалъ не осмѣливаться и который имѣлъ у себя разные музыкальные инструменты³. Въ царской грамотѣ (1648 г.) приказывалось, чтобы «скомороховъ съ м(д)омрами и съ гусли и съ во-
лынками и со всякими игры... въ домъ къ себѣ не призывали», и далѣе въ той же грамотѣ читаемъ: «А гдѣ объявлятся домры и сурны и гудки и гусли и хари (= маски) и всякие гудебные бѣсовскіе сосуды, и тыбъ тѣ бѣсовскіе велѣлъ вынимать и, изло-

1) Olcarius: Verm. Mosc. und Pers. Reisebeschr. 193.

2) Тамъ же: 215.

3) Тамъ же: 302.

иавъ тѣ бѣсовскіе игры, велѣль жечь»¹. Въ 1657 году ростовскій митрополитъ Іона особою «памятю» предписывалъ, чтобы скомороховъ не было «и въ гусли бѣ и въ домры и въ сурны и въ волынки... не играли, а буде... учнутъ... скомрахи въ гусли и домры... играть,... и темъ скомрахомъ... быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощады и во отлученіи отъ церкви»². Въ Наказѣ монастырскимъ прикащикамъ (XVII в.) предписывалось крестьянамъ, подъ угрозою пени, чтобы они (крестьяне) «въ сопѣля и въ гусли, и въ гудки и въ домры... не играли и въ домѣхъ у себя не держали»³. Изъ этихъ свидѣтельствъ усматриваемъ, что гусли, въ числѣ прочихъ музыкальныхъ инструментовъ, въ данную пору (въ XVII в.) были распространены какъ между скоморохами, такъ и въ средѣ народа, и пользовались немалымъ расположениемъ послѣдняго. Власти вторгались въ дома мирныхъ гражданъ и вырывали изъ ихъ рукъ и уничтожали находимыя тамъ музыкальные орудія. Но послѣдняя мѣра могла имѣть только временное значеніе: при ослабленіи преслѣдований несомнѣнно заводились новые инструменты, взамѣнъ уничтоженныхъ. Доказательствомъ тому служатъ многочисленныя свидѣтельства писателей XVIII вѣка, неоднократно упоминающіхъ о русскихъ гусяхъ, которыя у иноземныхъ авторовъ получаются обыкновенно название арфы или точнѣе: лежачей арфы, горизонтальной арфы, также встрѣчающіяся изображенія псалтиревидныхъ гуслей на народныхъ картинкахъ, въ родѣ нижеслѣдующей (фиг. 44). Подъ этой картинкой, изображающей обезьяну въ роли учителя музыки, помѣщена надпись, неудобовоспроизведи- мая въ полномъ ея составѣ. Надпись начинается такъ: «Котъ вступилъ внауку: взялъ іноту вруку. а кошка за гусли села», и т. д.⁴ Инструментъ, на которомъ лапками играетъ кошка, есть трапе-

1) Ивановъ: Описаніе государственного архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. 296 и сл.

2) Акты собранные и изданные археографическою экспедиціею. 1838 г. IV, № 98.

3) Акты юридические, изд. археографическою комиссіею. 1838 г. № 334.

4) Ровинскій: Русскія народныя картинки. Атласъ: № 267.

цевидная горизонтальная арфа, или гусли-псалтиль, совпадающая по виду съ вышеупомянутымъ цимбаловиднымъ инструментомъ, описаннымъ и изображеннымъ у Прэторіуса (см. выше, фиг. 37).

Фиг. 44.

Русская народная картинка съ иностранного оригинала. Кошка играетъ зап-
ками на трапециевидныхъ гусяхъ-псалтиль.

Авторъ сочиненія «Das veränderte Russland», первое издание которого вышло въ 1721 году, описывая современные ему нравы Русскихъ, перечисляетъ «обычные» ихъ инструменты: охотничій рогъ (Jagdhorn), бубны (Paucken), гусли (Harsffen) и волынки (Sackpfeiffen)¹. Разумѣется, подъ именемъ арфы здѣсь слѣдуетъ понимать гусли или гусли-псалтиль.—По свидѣтельству путешественника Лебрёна (1732 г.), самыми обычными были у Русскихъ тѣ же инструменты: гусли (la harpe), бубны (les timballes), волынка (la cornemuse) и охотничій рогъ (le cor de chasse)². Можетъ быть, впрочемъ, свѣдѣнія эти, столь точно совпадающія со свидѣтельствомъ предыдущаго автора, по-

1) Изд. 2-е, 1744 г. I, 414.

2) Lebrun: Voyages. 1732. III, 113.

черпнуты изъ только что приведенного сочиненія сего послѣдняго.—Георги, въ концѣ XVIII вѣка описывавшій Россію со стороны культурной, такъ выражается о русскихъ гусяхъ: «Гусли—лежачая арфа съ металлическими (собственно «проволочными») струнами (Drathsaiten). Въ общемъ строеніи своемъ гусли имѣютъ большое сходство съ вошедшими въ употребление въ южной Германіи псалтиремъ (Psalterium). Они представляютъ уже всѣ діатонические интервалы. Весь объемъ ихъ достигаетъ нѣсколькихъ тоновъ свыше двухъ октавъ. Полутоновъ нѣть; чтобы добыть таковой, щиплютъ струну близъ кобылки (Steg). Струны этой лежачей арфы, по вѣшнему виду сходной съ цимбалами (Hackebrett, см. ниже), не ударяются молоточками, какъ у цимбаловъ, но играются пальцами. Это представляетъ то преимущество, что гуденіе струнъ заглушается сразу помощью наложенія на нихъ части ладони, между тѣмъ какъ концы пальцевъ касаются другихъ струнъ. Въ разныхъ полкахъ, прибавляетъ Георги, я находилъ нѣкоторыхъ солдатъ, игравшихъ на гусяхъ съ достаточнымъ искусствомъ»¹. Не подлежитъ, следовательно, сомнѣнію, что Георги видѣлъ въ Россіи инструментъ, сходный съ упомянутымъ выше (фиг. 37), изображеннымъ у Преторіуса, и въ то же время близко сходствующій съ приведеннымъ выше русскими гусями-псалтирями, также съ изображенными на вышеприведенной народной картинкѣ (фиг. 44).

Профессоръ Императорской Академіи Наукъ, Г. Ф. Миллеръ, по возвращеніи своемъ въ 1743 году изъ камчатской экспедиціи, описывая бытъ живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, поименовываетъ и ихъ музыкальные орудія. При этомъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «изъ игральныхъ инструментовъ первой у нихъ есть на подобіе лежачей гарфы², видомъ

1) Georgi: *Bemerkungen über Russland in Rücksicht auf Wissenschaft, Kunst, Religion und andere merkwürdige Verhältnisse.* 1788. I, 963.

2) Лежачей или горизонтальной арфой называютъ гусли, между прочимъ, еще съдѣдающіе авторы: Штелинъ (въ 1770 г.), Гютри (въ 1795 г.), Фетисъ (въ 1835 г.), Энциклопедическій лексиконъ (въ 1888 г.) и др. Соответствующія цитаты помѣщены въ другихъ местахъ настоящей статьи.

полумесяца, обь 18 струнахъ. Такіе инструменты употребительны и у Русскихъ, которые называются гуслями»¹. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ не о первобытной формѣ гуслей съ небольшимъ числомъ струнъ, а обь усовершенствованной многострунной ихъ формѣ, имѣющей очертаніе трапециі съ закругленными углами и сторонами, въ родѣ гуслей-псалтиря, изображенныхъ выше на колѣнахъ у царя Давида, въ фиг. 41 и 42. Число струнъ — 18 совпадаетъ съ только что приведеннымъ свидѣтельствомъ Георгія о русскихъ псалтиревидныхъ гусляхъ, настроенныхъ діатонически и имѣвшихъ объемъ двухъ октавъ съ прибавкой еще нѣсколькихъ тоновъ, что и составитъ всего около 18 струнъ. Подтвержденіемъ свидѣтельства Миллера можетъ служить интересный фактъ, что еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ Костромской губерніи у одного черемиса найдены были 23-струнные гусли сходной формы, изображеніе которыхъ въ полуоборотѣ здѣсь воспроизводится съ фотографического снимка, полученного мною отъ М. О. Пѣтухова (фиг. 45). Оригиналъ этого инструмента, къ сожалѣнію, не былъ своевременно приобрѣтенъ для какой нибудь русской коллекціи, а сдѣлался достояніемъ музея брюсельской консерваторіи. Что данный инструментъ заимствованъ отъ Русскихъ, доказывается его русскимъ названіемъ — гусли. По словамъ Миллера (см. выше), упомянутый имъ, сходный съ русскими гуслями, инструментъ у Татаръ называется гусли, у Черемисовъ — кюセルъ, у Чувашъ — гюссель², словомъ восточные инородцы заимствовали у Русскихъ псалтиревидные гусли выѣстъ съ ихъ русскимъ названіемъ, почти не измѣнившимся въ ихъ устахъ.

Фиг. 45.

Черемисскіи двадцати-трех-струнныи почти полукруглые гусли, съ фотографическаго ихъ изображенія въ полу-профилѣ.

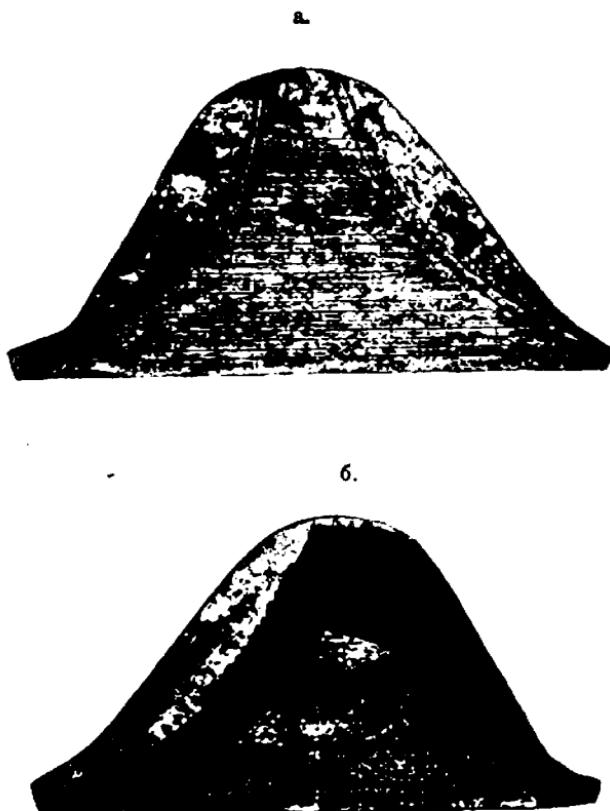
къ сожалѣнію, не былъ своевременно приобрѣтенъ для какой нибудь русской коллекціи, а сдѣлался достояніемъ музея брюсельской консерваторіи. Что данный инструментъ заимствованъ отъ Русскихъ, доказывается его русскимъ названіемъ — гусли. По словамъ Миллера (см. выше), упомянутый имъ, сходный съ русскими гуслями,

инструментъ у Татаръ называется гусли, у Черемисовъ — кюセルъ, у Чувашъ — гюссель², словомъ восточные инородцы заимствовали у Русскихъ псалтиревидные гусли выѣстъ съ ихъ русскимъ названіемъ, почти не измѣнившимся въ ихъ устахъ.

1) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ. 1791 г. Стр. 80.—Ср. статью того же автора: «Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи», въ Ежемѣсячныхъ академическихъ сочиненіяхъ 1766 г., 2-я половина, стр. 145.

2) Опис. жив. въ Каз. губ. языч. нар. 80.

Привожу изображеніе такого же инструмента, снятое съ экземпляра, принадлежащаго музею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и полученнаго Обществомъ въ даръ въ 1865 году отъ В. А. Подгурскаго. Это Чувашкія гусли изъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.¹ (фиг. 46 а, б).

Фиг. 46.

Чувашкія двадцатишести-струнныя почти полукруглые гусли музея Имп. Русск. Геогр. Общ. (приблизительно $\frac{1}{11}$ натур. величины): а — сверху (со стороны струнъ), б — снизу (со стороны голоснаго ящика). Для большей наглядности нижняя сторона инструмента снята иѣсколько скобу: съ лѣвой стороны рисунка (б) видно продолженіе, виѣ голоснаго ящика, голосной доски, снабженной колками; вся остальная часть рисунка представляетъ голосной ящикъ, имѣющій плоское, почти треугольное дно и иѣсколько изогнутыя стѣнки, на рисункѣ очень затѣненныя. Недостающія, оборванныя на оригиналѣ струны воспроизведены на фигурѣ а.

1) См. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865 г. Т. I, стр. 151.

Гусли эти имѣютъ 26 струнъ и совершенно сходны съ вышеупомянутыми 23-струнными гуслями, пріобрѣтенными отъ костромскаго черемиса; онѣ приближаются и къ формѣ полумѣсяца, съ которою въ прошедшемъ столѣтіи сравнивалъ Миллеръ гуслобразный инструментъ нашихъ восточныхъ народовъ. Драгоценный экземпляръ этого совершенно наглядно воспроизводить оригиналъ, съ котораго въ началѣ XVII вѣка срисовывалъ русскій псалтирий Олеарій (ср. выше, стр. 97, фиг. 43), а равно и «гусли», изображавшіяся на русскихъ миниатюрахъ начиная съ XIV вѣка (ср. выше, фиг. 40—42). Въ полу-профилѣ видъ этого инструмента совпадаетъ съ вышеприведенной фиг. 45.—Въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ, доставленныхъ на Московскую этнографическую выставку 1867 года, были и чувашскія гусли о 34 струнахъ¹⁾. Строй этихъ гуслей-псалтирей восточныхъ народовъ къ сожалѣнію не былъ опредѣленъ на мѣстѣ (хранящіеся въ музеяхъ экземпляры обыкновенно разстроены до неузнаваемости строя, или даже вовсе лишены всѣхъ или многихъ струнъ); но, въ виду того, что это — инструменты, очевидно заимствованные у Русскихъ, имѣемъ основаніе предполагать, что строй ихъ лятоническій, какъ у оригинального инструмента, русскихъ «гуслей — лежачей арфы», описанныхъ Георгиемъ (ср. выше, стр. 101), а можетъ быть, именно у спаображеныхъ болѣшимъ количествомъ струнъ, и хроматическій, какъ у болѣе усовершенствованныхъ, клавирообразныхъ русскихъ гуслей (см. ниже, стр. 106 и сл.).—И такъ, въ то время какъ западные Финны въ древнѣйшія времена заимствовали у Русскихъ первобытную, простѣйшую форму гуслей, получившихъ у нихъ производное отъ «гусли» название «kanticle», финские народы восточные (Черемисы), также Чуваши и Татары заимствовали отъ Русскихъ, въ позднѣйшія времена, усовершенствованную форму гуслей (псалтирий), удержавъ и русское название этого инструмента вполнѣ или почти безъ измѣненія — «кусель», «гюссель», «гусли».

1) См. Сборн. антропол. и этн. свѣд. I, 163.

в) Новѣйшія усовершенствованыя русскія гусли.

Въ XVIII столѣтіи гусли появляются въ продажѣ у инструментальныхъ мастеровъ, строившихъ и другіе музыкальные инструменты, салонные и оркестровые, западно-европейскіе. Такъ напр. въ 1752 году встрѣчаемъ газетное объявление отъ музыкальныхъ инструментовъ мастера Икгольма, предлагающаго публику: «клавицибалы, клавикорты, гусли, контрабасы и скрипицы»¹. Само собою разумѣется, что упомянутыя здѣсь гусли представляли уже инструментъ усовершенствованный, барскій, стоявшій на болѣе или менѣе одинаковомъ художественномъ уровнѣ съ прочими, рядомъ съ ними поименованными музыкальными орудіями. Ригельманъ, писавшій въ концѣ XVIII столѣтія, говоритъ о малорусскихъ городскихъ музыкантахъ, искусно игравшихъ на разныхъ инструментахъ, между прочимъ и на гусяхъ: «изъ нихъ (Малоруссовъ) много музыкантовъ бываетъ — пишетъ онъ. Игра ихъ болѣе на скрипкахъ, на скрипичномъ басѣ, на цимбалахъ, на гусяхъ, на бандурѣ, на лютнѣ, притомъ и на трубахъ»². Здѣсь рѣчь идеть, вѣроятно, уже о гусяхъ въ послѣднемъ, наиболѣе усовершенствованномъ фазисѣ ихъ развитія, такъ какъ во второй половинѣ XVIII вѣка (если не раньшѣ) установилась форма этого инструмента, удерживающаяся и понынѣ у городскихъ жителей въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда еще употребляютъ гусли, какъ музыкальный инструментъ. «Еще недавно — пишетъ въ 1856 году Кулишъ — на гусяхъ игрывали въ Малороссіи дворяне старого вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпаго пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи»³. Трапеціевидная форма гуслей-псалтиря продолжаетъ удерживаться по отношенію къ рамкѣ, въ которой заключаются струны, но самая рамка вмѣ-

1) С.-Петербургскія Вѣдомости 1752 г. № 85.

2) Прибавленіе къ Лѣтоисчислению повѣствованію о Малой Россіи 1785 — 1786 г., въ Чтеніяхъ Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскому университѣтѣ 1847 г. Апрѣль, стр. 87.

3) Кулишъ: Записки о южной Руси. 1856. I, стр. 189, прик.

щается въ плоскій продолговатый четвероугольный ящикъ. Подъ струнами, во всю ширину ящика распространяется голосная доска (въ псалтиревидныхъ гусляхъ только сравнительно узкими полосами выступающая за предѣлы рамки), снабженная тремя или болѣе голосниками. Ящикъ обыкновенно закрывается крышкой и ставится на столъ, или же снабжается четырьмя ножками, по одной на каждый его уголъ. Привожу нѣкоторыя свидѣтельства современниковъ о такихъ гусляхъ послѣдней конструкціи. Штелинъ, съ 1738 года состоявшій профессоромъ историческаго класса Императорской Академіи Наукъ¹ и, въ качествѣ очевидца, сообщившій многія интересныя свѣдѣнія о музикѣ и театрѣ въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи, даетъ слѣдующее описание гуслей, употреблявшихся въ барскихъ домахъ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка: «Гусли или лежачая арфа — пишетъ Штелинъ — по устройству, виду и величинѣ совершенно сходны съ обыкновеннымъ клавиромъ (клавикордами), съ тою только разницею, что они не снабжены тангентами². На мѣдныхъ струнахъ, натянутыхъ въ гусляхъ какъ у клавира и прикрепленныхъ къ желѣзнымъ колкамъ или шпенечкамъ, иногда настроенныхъ уже и въ полутонахъ, играютъ пальцами обѣихъ рукъ: пальцы касаются струнъ, или рвутъ ихъ. При соблюденіи, во время игры, поперемѣнного Piano и Forte, что имѣеть мѣсто въ исполненіи лучшихъ игроковъ, звукъ гуслей бываетъ дѣйствительно весьма пріятный, полный, и издали сходствуетъ съ органнымъ регистромъ закрытыхъ трубъ. Вслѣдствіе этого гусли употребляются во многихъ знатныхъ домахъ для застольной музыки и производятъ такой же эффектъ, какъ

1) См. Материалы для исторіи Има. Академіи Наукъ. V (1889), стр. 4.

2) Клавиръ (или клавикорды) состоялъ изъ плоскаго четвероугольнаго ящика, покончшагося на ножкахъ или на особенной подставкѣ. Надъ этимъ ящикомъ натянуты были струны (по двѣ на каждый тонъ), которыя приводились въ колебаніе посредствомъ металлическихъ (мѣдныхъ или желѣзныхъ) палочекъ (тантентогт), прикасавшихся къ струнамъ на подобіе смычка. Тантенты же приводились въ движеніе посредствомъ клавишъ (claves), расположенныхъ рядомъ, въ видѣ обычной фортепіанной клавіатуры, — отсюда и название «клавиръ». См. подробное описание клавира у Schilling: Encycl. der ges. Wiss. IV, 132 sqq.: «Klavier».

совокупность трехъ или четырехъ инструментовъ; онъ превосходялъ лучшій клавесинъ, издавая болѣе продолжительный и шире раздающійся тонъ. Притомъ же многіе русскіе мастера или гуслисты нынѣ до того усовершенствовали свою игру, что съ большою бѣглостью и пріятностью, въ полныхъ аккордахъ, исполняютъ новѣйшія итальянскія произведенія: театральные балеты, оперныя аріи и цѣлья партиты»¹.

Георгі, свидѣтельство котораго о псалтиревидныхъ гусяхъ приведено мною выше (стр. 101), упоминаетъ и объ усовершенствованныхъ гусяхъ, снабженныхъ полутонаами (ср. выше, сходныя слова Штелина), прибавляя, что соотвѣтствующія имъ струны пальцуты были иѣсколько ниже струнъ діатоническихъ (т.-е. на уровнѣ иѣсколько болѣе низкомъ, чѣмъ послѣднія). При проведеніи пальца *glissando* по струнамъ, звучали, вслѣдствіе того, только струны діатонического звукоряда; что же касается полутоновъ, то ихъ во время игры приходилось выщипывать въ промежуткахъ между прочими струнами². О звуки гусей туть же авторъ говорить въ другомъ мѣстѣ, что гусли звучать пріятно, что на нихъ можно многое разыгрывать, и что, вслѣдствіе того, онъ еще иногда встречаются и слушаются въ хорошихъ домахъ (слова эти писаны 20 лѣтъ спустя послѣ вышеприведенного свидѣтельства Штелина). «Внѣ столицы гусли часто служатъ для застольной музыки, или сами по себѣ, или съ пѣніемъ», прибавляетъ Георгі³.

1) Stählin: Nachrichten von der Musik in Russland, въ Paygold's Beylagen zum neuveränderten Russland. II. 1770. § 19.

2) Georgi: Bemerk. ab. Russl. I, 364.

3) Georgi: Versuch einer Beschreibung der russischen kaiserlichen Residenzstadt St.-Petersburg. 1790. II, 396.—Не останавливаюсь здѣсь на описаніи гусей, нашедшемъ себѣ мѣсто въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1888 г. Т. XV, стр. 264, такъ какъ составитель данной статьи о гусяхъ въ сущности только повторилъ отчасти, и то съ грубой ошибкой, вышеприведенное (стр. 101) описание гусей Георгі. Послѣдній авторъ говорить, что на гусяхъ играютъ не палочками, какъ на цимбалахъ, а прямо пальцами; а авторъ статьи о гусяхъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ сообщаетъ, будто бы на гусяхъ играютъ «или перебирая струны пальцами, или ударяя по струнамъ двумя металлическими палочками». Это сообщеніе невѣрно, такъ какъ, судя по всѣмъ преданіямъ, рисункамъ и удержанвшейся еще практикѣ игры на гусяхъ, очевидно,

Гусельная игра въ XVIII столѣтіи пользовалась вниманіемъ и при дворѣ. Такъ напр. около 1730 года придворнымъ гуслистомъ былъ Маньковскій, упоминаемый Марковичемъ въ 1733 году, по случаю имѣвшей мѣсто въ этомъ году свадьбы этого виртуоза¹. Въ 1738 году послѣдовалъ именной Высочайшій указъ гвардіи маюру Шипову объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую набирались, для пополненія придворнаго хора, облаившія лучшими голосами дѣти; здѣсь послѣднихъ обучали пѣнію и «струнной музыкѣ», именно игрѣ на скрипкѣ, гусяляхъ и бандурѣ, и обученныхъ тому и другому отправляли въ Петербургъ ко двору². Вѣроятно изъ среды питомцевъ этой школы происходили и нѣкоторые придворные гуслисты XVIII столѣтія. Около 1780 года въ должности придворнаго гуслиста состоялъ Трутовскій, положившій, между прочимъ, на музыку стихотвореніе Державина «Кружка»³.

что «палочекъ» никогда для игры на русскихъ гусяляхъ не употребляли. Авторъ данной замѣтки очевидно, измѣнилъ слова Георгія, имѣль въ виду цимбалы (иногда дѣйствительно неточно называемыя гусялями), по струнамъ которыхъ играютъ палочками. Собственно-же гусли всегда игрались пальцами.

1) Марковичъ: Дневныя записки, 1859 г. I, 414 (подъ 1783 годомъ).

2) Вотъ подлинныя слова этого указа: «Вы требуете резолюціи, оставшихъ за отсылою сюда пѣвчихъ четырехъ человѣкъ содержать ли, или распустить, на что во Всемилостивѣйшую Нашу резолюцію вамъ повелѣваемъ... Изъ упомянутыхъ пѣвчихъ оставить одного регента, который бы въ пѣніи четвероголосномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ, и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всѣй Малой Россіи изъ церковниковъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и изъ прочихъ и содержать всегда въ той школѣ до 20 человѣкъ, выбирая, чтобы самые лучшіе голосы были, и велѣть ихъ оному регенту обучать Киевскаго, такожъ и партеснаго пѣнія, а притомъ сыскавъ искусствыхъ мастеропъ изъ иностраннныхъ и изъ Малороссійскихъ, и велѣть изъ оныхъ же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно на скрипциѣ, на гусяляхъ и на бандурѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, изъ тѣхъ по вся годы лучшихъ присыпать ко Двору нашему человѣкъ по 10, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, и пока тѣ учителя тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ определить на пропитанье и платье и обувь, сколько потребно по нашему разсужденію изъ Мало-Россійскихъ доходовъ (Первое Полное Собраніе Законовъ. Т. X, стат. 765б).

3) Державинъ: Записки 1743—1812, съ примѣчаніями Бартенева. 1860 г. Стр. 181, примѣч.

Въ XIX вѣкѣ, въ первой его половинѣ, еще встречались въ народѣ первобытныя гусли, описанныя Фетисомъ, изображенные Гютри, и экземпляръ которыхъ, недавно поступившій въ собственность музея С.-Петербургской консерваторіи, описанъ и изображенъ мною выше (см. стр. 68 и сл.) и нынѣ представляя исключительную рѣдкость. Псалтири, т.-е. треугольныя или трапеціевидныя, или приближающіяся къ формѣ трапеціи, съ закругленными сторонами («видомъ полумѣсяца»), гусли вѣроятно еще попадались въ Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка; теперь же ониѣ встречаются, и то весьма рѣдко, только у инородцевъ, заселовавшихъ этотъ инструментъ у Русскихъ, но удерживавшихъ эту форму нѣсколько дольѣ, подобно тому, какъ Финны, Эсты, Литовцы и Латыші еще удерживаютъ форму инструмента, близкую къ древнѣйшимъ первобытнымъ русскимъ гуслямъ. Гораздо болѣе употребительными были въ началѣ XIX вѣка въ Россіи клавирообразныя гусли. По словамъ одного изъ торговцевъ музыкальными инструментами на Толкучемъ рынке въ Петербургѣ, еще въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія приносилось на рынокъ для продажи множество клавирообразныхъ гуслей большей или меньшей величины, которые покупались лавкой за бездѣлокъ и потомъ, за полнымъ отсутствиемъ спроса на нихъ, пролежавъ долгое время въ лавкѣ, уничтожались, какъ ненужный хламъ. Такія гусли и нынѣ еще встречаются у нѣкоторыхъ любителей старины, въ особенности же среди нашего духовенства, между представителями котораго еще въ самое послѣднее время были и есть замѣчательные виртуозы-натуралисты (я бы могъ назвать нѣсколько имёнъ), играющіе на гусяхъ, не зная нотъ, выучившись своему искусству на слухъ, по преданію, и такимъ же образомъ передающіе его новѣйшимъ поколѣніямъ. Бывали у насъ, впрочемъ, и виртуозы, заботившіеся о болѣе рациональномъ изученіи игры на гусяхъ. Таковыми является Федоръ Кушевъ-Дмитревскій, издавшій въ 1808 году

ж) Школу для гуслей¹⁾.

Школа эта заключаетъ въ себѣ, кромѣ основныхъ элементарныхъ свѣдѣній о нотныхъ знакахъ, счетѣ, музыкальныхъ терминахъ вообще, еще примѣры для упражненій (экзерсисы и гаммы простыми и двойными нотами, для каждой руки отдельно и обѣихъ вмѣстѣ), наглядно знакомящіе насть съ техникой игры на клавироподобныхъ гусляхъ, а также цѣлый рядъ пьесъ, преимущественно—переложеній для гуслей любимыхъ пѣсень и арій того времени, танцевъ, а равно и нѣсколькихъ духовныхъ пѣсень.

Школа Кушенова-Дмитревскаго представляетъ библіографическую рѣдкость. Находившійся въ рукахъ моихъ экземпляръ принадлежалъ князю В. О. Одоевскому и послѣ его смерти поступилъ въ библіотеку Румянцевскаго музея. Знакомствомъ своимъ съ этой школой я обязанъ любезности г. Директора Императорской публичной библіотеки, А. Ф. Бычкова, который, по просьбѣ моей, приказалъ выписать на время школу изъ библіотеки Румянцевскаго музея въ Петербургъ. Въ виду рѣдкости этого сочиненія, считаю не лишнимъ познакомить читателей съ полнымъ заглавиемъ его, съ изображеніемъ гуслей въ немъ помѣщенному, съ заглавиемъ важнѣйшихъ отдѣловъ школы, а равно и съ полнымъ перечнемъ заключающихся въ немъ пьесъ для гуслей, который имѣетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какія пѣсни и аріи пользовались около 1800 года наибольшею любовью русской публики.

1) Еще раньше Кушенова-Дмитревскаго, въ 1802 г., было издано другое руководство къ игрѣ на гусляхъ Померанцевымъ, подъ заглавиемъ: Азбука или способъ самый легчайшій учиться играть на гусляхъ по нотамъ, безъ помощи учителя, по которой можно обучиться въ непродолжительномъ времени и быть знающимъ ноты, и искусствымъ на ономъ инструментѣ игрокомъ, съ приложеніемъ Русскихъ пѣсень. Сочин. Максима Померанцева. М. 1802. 5 руб. Сочиненіе это, отмѣченное въ Росписи россійскими книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина 1828 г., стр. 423, мнѣ не удалось найти ни въ одномъ изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Судя по цѣнѣ обѣихъ названныхъ школъ: Кушенова-Дмитревскаго (10 руб.) и Померанцева (5 руб.), первая вѣроятно гораздо объемистѣе второй.

1. Заглавный листъ.

Новѣйшая
Полная школа
или
Самоучитель
для гуслей,

по которому легчайшимъ способомъ безъ помощи учителя, самому собою можно научиться правильно и вѣрно играть на гусяхъ,
съ присовокуплениемъ

новыхъ Русскихъ пѣсенъ, такъ же Арій и Хоровъ изъ Русалки,
Кондръ-тансовъ, Польскихъ, Вальсовъ, Кадрилей и проч.

Сочиненное известнымъ Россійской публикѣ Любителемъ сего
инструмента

Г. Федоромъ Кушеновымъ-Дмитревскимъ.

Содержащій въ себѣ слѣдующія наставленія:

1) Начальныя правила азбуки и какъ держать положеніе тѣла въ игрѣ; 2) Изъясненіе всѣхъ знаковъ употребляемыхъ при игрѣ въ нотѣ; 3) О разчетѣ нотъ; 4) Примѣры для упражненія съ пассажами состоящія изъ 11 уроковъ; 5) Примѣры для знанія тоновъ употребляемыхъ въ музыкѣ; 6) Изъясненіе всѣхъ вообще Итальянскихъ терминовъ, которые наблюдаемы должны быть при игрѣ всякой піесы съ прибавленіемъ Духовныхъ сочиненій для гуслей положенныхъ.

Съ изображеніемъ гравированаго вида гуслей и руки для означенія названія пальцевъ.

Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

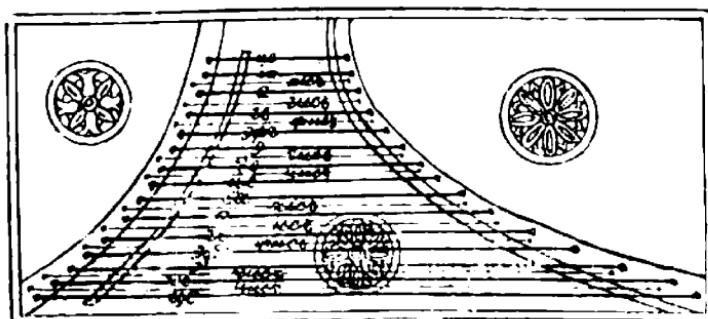
Въ Санктпетербургѣ
при Императорской Академіи Наукъ 1808 года.

(На оборотѣ заглавнаго листа):

Видъ гуслей¹ (фиг. 47).

---

1) Струны, настроенные въ діатоническомъ порядке, лежащія въ болѣе высокой плоскости, въ отличіе отъ протянутыхъ нѣсколько ниже, дающихъ хроматические тоны, ради наглядности, означены здѣсь сравнительно болѣе толстыми чертами. Ф.

Фиг. 47.

Видъ усовершенствованныхъ клавирообразныхъ гусей начала XIX столѣтія, съ сокращеннымъ, ради наглядности, до двухъ октавъ объемомъ инструмента.

На семъ рисункѣ показаны двѣ октавы, заключающія въ себѣ 15 струнъ полныхъ тоновъ и 10 полутоновъ; но недолжно разумѣть, чтобы гусли имѣли только двѣ октавы; сей видъ для одного только лучшаго понятія о семъ инструментѣ, сдѣсь изображенъ. Гусли дѣлаются о четырехъ съ половиною, о пяти и болѣе октавъ.

(Слѣдуетъ изображеніе руки съ обозначеніемъ названія пальцевъ цифрами: 1 для большаго пальца, 2 для указательнаго, и т. д.: 3, 4, 5).

2. Текста.

О нотахъ.

О упражненіи.

(Здѣсь, между прочимъ, помѣщены наставленія для учащагося; какъ должно держать свое тѣло во время игры, выписываемое мною вполнѣ):

(стр. 2) При игрѣ наблюдать должно: чтобы не сидѣть голову наклоня и спину согнувши, дабы симъ средствомъ соблюсти могъ всякой потребное устроеніе тѣла своего, и тѣмъ самимъ не препятствовать свободному дышанію, что весьма важно въ отношеніи къ здоровью; сверхъ же того и самая труднѣйшія сочиненія чтобы играны были безъ малѣйшаго какого нибудь не приличнаго расположенія тѣла, и остерегаться еще долженъ, чтобы плеча и голова никакого движенія не дѣлали; конечно что есть привычка многихъ, не только что любителей музыки; но и пренескунѣйшихъ

того ремесла людей, отъ коихъ паче всего предостерегаетъ примѣръ хорошаго учителя, который собою повода къ тому не подаетъ.

(Слѣдуютъ: ученіе о нотныхъ знакахъ, азбука и примѣры для упражненія, а именно — гаммы и пассажи въ простыхъ и двойныхъ нотахъ, для каждой руки отдельно и обѣихъ вмѣстѣ).

3. Ноты для гусей.

(Стр. 34) Новые русские пѣсни

такъ же аріи и хоры изъ Русалки, кондръ-тансы, вальсы, кадрили и прочее.

- На толь что бы печали.
— Ты велишь мнѣ равнодушнымъ.
(« 35) — Это могъ любить такъ страстно.
— Взвѣйся выше понесися.
(« 36) — Я вечоръ въ лугахъ гуляла.
— Ахъ на горкѣ на горѣ.
(« 37) — За горами за долами и
Я цыганка молодая.
— Маршъ общѣ армейской.
(« 38) — Кондэр-тансы.
(« 39) — Екосесь.
— Выду я на рѣченку.
(« 40) — Я когда была дѣвицей.
(« 41) — Чѣмъ я тебя огорчила.
— Ария изъ оперы Русалки:
Приди о Князь ты мой драгой.
(« 43) — Вальсъ.
— Ария же изъ оперы Русалки:
Мушкины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ лѣнутъ.
(« 44) — Отюдь я не стану грѣшить
Съ чертами чтобъ дружбу водить.
(« 45) — Вы къ намъ вѣрность никогда не хотитѣ сохранить
или: Ёхавъ козакъ за Дунай.
— Во полѣ Береза стояла.
— По мосту мосту.
(« 46) — Ахъ на чтомъ было.
— Ахъ талань ли мой талань такой.
— Волга рѣченька глыбока.
(« 47) — Польской казакъ
или: Кадриль.

— Российми лѣтить странами!
 На златыхъ крылахъ молва!
 Солнце(а) нового лучамп
 Освѣщается Москва!
 Александръ Елизавета
 Восхищаете (вы?) насъ.
 Польской.

(Стр. 50)

Духовные сочиненія
положенные для гусей.

— О всепѣтая Мати.
 — Нынѣ сихъ Небесныя.
 — Иже Херувими.

Всѣ поименованныя пьесы представляютъ технику довольно сходную съ фортепіанной техникой малой трудности и легко и удобно могутъ быть исполнены на фортепіано.

Наглядное понятіе о техникѣ игры на гусляхъ читатель получить изъ нижеслѣдующихъ, въ особомъ приложеніи, примѣровъ упражненій и пьесъ для гусей, заимствованныхъ мною изъ школы Кущенова-Дмитревскаго.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести здѣсь изображеніе играющаго на клавирообразныхъ гусляхъ (фиг. 48), нынѣ принадлежащихъ М. О. Пѣтухову¹.

Я кончилъ исторический очеркъ нашего народнаго музыкального инструмента—гусей. Наибольшую трудность представляло определеніе первоначальной, первобытной формы гусей въ тѣ времена, изъ которыхъ не сохранилось ни экземпляровъ самого инструмента, ни даже изображеній его. Приведенные мною выше (стр. 61 и сл.) соображенія о томъ, что старинные народные гуслевидные инструменты обитателей сѣверо-западнаго угла Россіи: Финновъ, Эстовъ, Литовцевъ и Латышей, близко сходные между собой, какъ по виду, такъ и по названіямъ (кантеле, каннель, канклесь, куаклесь), исходятъ изъ еще болѣе древняго, иноzemнаго источника, а именно изъ древне-славянскихъ гжелей,

1) Изображеніе это заимствовано изъ журнала «Нива». 1888 г. № 83, стр. 824.

Фиг. 48.

Клавирообразныи гусли на ножкахъ, подъ руками игрока изъ духовнаго званія. Изображеніе даннаго инструмента снято съ экземпляра принадлежащаго М. О. Пѣтухову.

естественно ведутъ къ заключенію, что послѣднія, какъ инструментъ, послужившій образцомъ для только что поименованныхъ финско-литовскихъ музыкальныхъ орудій, должны были имѣть такую же форму, тотъ же типическій видъ плоскаго ящика и голосной доски съ натянутыми надъ ней струнами. Таковыми дѣйствительно являются русскія первобытныя гусли въ былинахъ и пѣс-

няхъ, по словамъ которыхъ онѣ дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, и сами называются тонкими или даже доской, досочкой гусельной (ср. выше, стр. 16—18); таковыми же являются первобытныя гусли въ рукахъ народа, судя по вышеописанному экземпляру гуслей музея С.-Петербургской консерваторіи, а равно и по изображенію гуслей у Гютри и описанію ихъ у Фетиса (стр. 35—37, 68 и сл.). Таковыми были очевидно тѣ легкія, ручные гусли, которыя, по выраженію пѣсень и былинъ, носились гусярями подъ полой, подъ мышкой, подъ пазухой, даже въ карманѣ, которыя удобно вѣшались на гвоздикѣ, съ которыми въ рукахъ гусяръ могъ съ легкостью вспрывгивать на «мѣсто скоморошское», на «печку муравлену» (стр. 10—12, ср. 31). Что русскія первобытныя гусли не были инструментомъ смычковымъ, или балалайко- или гитаро-образнымъ, мною доказано выше. Что онѣ не были инструментомъ, похожимъ на древній треугольный или четвероугольный греко-римскій psalterion, состоявшій изъ рамки съ натянутыми въ ней струнами и всегда державшійся вертикально во время игры, доказывается общими всѣмъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ выраженіями о томъ, что гусли во время игры лежали на колѣнахъ игравшаго или на столѣ передъ игравшимъ, который всегда и непремѣнно сидѣлъ во время игры, — пріемъ, наиболѣе удобный и до сихъ поръ обыкновенно соблюдаемый игроками на гуслевидныхъ доскообразныхъ инструментахъ народовъ съверо-западнаго угла Россіи. Если представленныя мною соображенія о заимствованіи Финнами гуслей у Русскихъ вѣрно, то древность нашего инструмента въ первобытномъ его видѣ должна быть опредѣлена по менышей мѣрѣ въ тысячу слишкомъ лѣтъ.

Вторую стадію развитія рассматриваемаго инструмента представляютъ уже гораздо болѣе обильныя струнами гусли-псалтиры. Въ то время какъ заимствованный съ востока псалтирь на западѣ Европы удерживалъ по преимуществу форму трапеціи, нерѣдко съ вогнутыми боковыми сторонами, въ Россіи, вслѣдствіе закругленія угловъ у вершины трапеціи, псалтирь получалъ по преимуществу форму почти полукруга (Иногда, впрочемъ, гусли-псалтирь получали въ Россіи и треугольную форму, ср. фиг. 38).

и 39). Кроме того въ рукахъ играющихъ въ западной Европѣ обыкновенно широкое основаніе трапециѣ оказывается обращеннымъ кверху, а въ Россіи наоборотъ — книзу. Полукруглый псалтирий является изображеннымъ на русскихъ миниатюрахъ XIV и XVI вѣковъ и на картинѣ у Олеарія (XVII в.); таковыми же описывается онъ (какъ инструментъ «на подобіе лежачей гарфы, видомъ полумѣсяца») въ XVIII вѣкѣ и встречается еще въ наше время въ рукахъ заимствовавшихъ его у Русскихъ, восточныхъ народовъ: Черемисовъ, Чувашей, Татаръ, даже сохранившихъ еще русское название, лишь съ незначительными искаженіями: гюсль, кюселъ, и т. п. (стр. 102). И такъ, въ то время, какъ древнѣйшая доскообразная форма гуслей заимствована у Русскихъ западными Финнами и (отъ нихъ) Литовцами, удержавшими ее до нашихъ дней, позднѣйшая, болѣе усовершенствованная форма (многострунныя гусли-псалтири) заимствована и также отчасти удерживается еще до настоящаго времени восточными Финнами и другими народами, заселяющими съверо-восточные окраины Россіи. Въ то время, какъ первобытныя гусли именуются тонкими, доской или досочкой гусельной, гусли-псалтири, какъ орудіе занимающее гораздо большій объемъ, снабженное гораздо болѣе глубокимъ и пространнымъ голоснымъ ящикомъ, вѣроятно, вслѣдствіе такого вида своего, называются современными авторами уже «гусельнымъ сосудомъ». Вспомнимъ объясненіе псалтиря изъ стариннаго русского азбуковника: «во Ереяхъ бѣ сотворенъ сосудъ древнѣй, на немъ же бяху десять струнъ» (стр. 94), — авторъ этого объясненія очевидно, называя данное орудіе «сосудомъ», имѣлъ въ виду обычный въ то время въ рукахъ русскихъ гусларовъ объемистый, съ широкимъ и глубокимъ голоснымъ ящикомъ, псалтирий. Въ «Бесѣдахъ св. Кесарія» (славянскій переводъ греческаго оригинала относится къ XIV вѣку) читаемъ между прочимъ: «всякъ же гуслиный съсудъ... удареніемъ руки правиться»¹. Въ гра-

1) Рукопись Московской Духовной Академіи, № 156, л. 131.—Въ греческомъ оригиналѣ, по справкѣ, сообщенной мнѣ проф. И. В. Помяловскимъ, стоитъ: «Всякое музикальное орудіе» (Πᾶν δὲ μουσικὸν ὄργανον). Переводчикъ можетъ быть въ данномъ случаѣ руководствовался известнымъ ему сосудообразнымъ видомъ русского музыкального орудія — псалтирия.

мотъ царя Алексея Михайловича (1648 года) упоминаются: «домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякие гудебные бѣсовскіе сосуды»¹⁾. Гудебный сосудъ въ видѣ тѣхъ широкихъ полукруглыхъ гуслей-псалтиря, какія изображены на фиг. 40—43, едва ли возможно было носить подъ полой, подъ пазухой, въ карманѣ, какъ старинную первобытную «гусельную досочку»; съ такимъ «гусельнымъ сосудомъ» въ рукахъ едва ли Добрыня могъ бы съ легкостью вспрыгнуть на «печку муравлену», такой обширный «гудебный сосудъ» едва ли могъ бы получать название «гусельной досочки». Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что многострунныи, «видомъ полумѣсяца», псалтирь, называемый многими авторами именемъ — «гусли», составляетъ уже вторую стадію развитія гуслей, — форму, посредственно или непосредственно заимствованную Русскими, какъ и западной Европой, съ востока, изъ Азіи, въ періодъ, слѣдовавшій за эпохой крестовыхъ походовъ.

Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, находимъ гусли еще значительно усовершенствованныя, получившия форму, сходную съ клавиромъ (стр. 105 и сл.), но только безъ клавишъ. Такого усовершенствованного вида гусли не только сохранились до нашего времени въ рукахъ многихъ любителей старины, но даже мѣстами еще практически примѣняются.

Окончивъ свой очеркъ, предлагаю читателямъ еще разъ окинуть взоромъ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ рисунковъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

- Фиг. 3 и 13 — первобытныя гусли, досковидныя;
- » 38—46 — гусли-псалтирь, полукруглые (иногда треугольные или трапециевидные);
- » 47 и 48 — новѣйшія усовершенствованныя гусли, клавирообразныя.

Въ этой послѣдовательности рисунковъ намъ наглядно раскрывается вся исторія развитія русскихъ гуслей.

1) Ивановъ: Опис. госуд. арх. стар. дѣлъ. 296 и сл.

ПРИБАВЛЕНИЕ

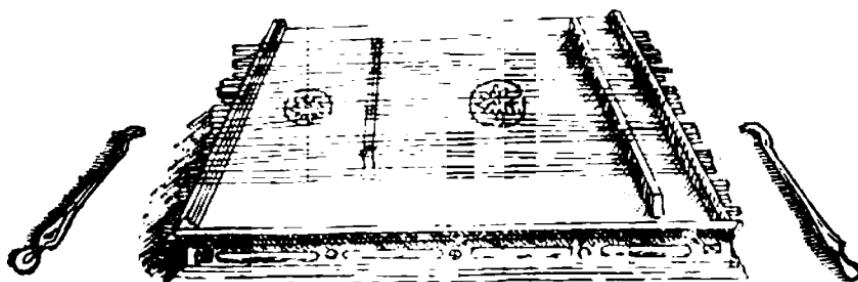

Цимбалы.

Считаю не лишнимъ упомянуть о близко родственномъ русскимъ гуслямъ-исалтию инструментѣ — цимбалахъ. Впервые наструментъ этотъ упоминается въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, въ царствованіе Михаила Федоровича, составляя въ это время, вмѣстѣ съ органами (введенными уже въ концѣ XV вѣка при царѣ Ioannѣ III), необходимую принадлежность царской потѣшной палаты. При послѣдней, въ царствованіе Михаила Федоровича, состояли постоянные игрцы на этихъ инструментахъ: цимбальники и органные мастера. Въ 1614 году цимбальникомъ потѣшной палаты былъ Томило Михайловъ Бѣсовъ, позже Милетій Степановъ (1626—1632) и Андрей Андреевъ (1631 г.)¹. Едва ли въ данныхъ случаяхъ подъ именемъ «цимбалы» слѣдуетъ подразумѣвать старинный клавишный инструментъ *cembalo* или *clavicembalo*, но вѣроятно именно инструментъ *cimbal*, т.-е. извѣстные до сихъ поръ въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ «цимбалы». Весьма вѣроятно, что первое появленіе цимбаловъ въ Россіи относится къ болѣе раннему времени. Цимбалы (*Cimbal*, *Salterio tedesco*, *Hackebrett*) — инструментъ старинный и очевидно заимствованъ съ востока, а именно изъ арабскаго *Santir* или *Pisantir* (см. выше, стр. 84), имя кото-раго, какъ замѣчено мною было раньше, въ Европѣ отождествилось съ похожимъ по звуку *Psalterion*. Мерсэнъ (*Mersenne*), музыкальный ученый XVI столѣтія, описываетъ цимбалы еще подъ именемъ *Psalterium*, какъ треугольный инструментъ, съ натя-

1) Забѣлинъ: Домъ, бытъ русск. царицъ. 442.

нутыми на немъ 13 хорами¹ частью мѣдныхъ, частью стальныхъ струнъ, по которымъ ударяли палочками. Подъ тѣмъ же именемъ (ср. Salterio tedesco) извѣстны были цимбалы въ Германіи еще и въ XVIII столѣтіи². Прэторіусъ (въ началѣ XVII в.) даетъ весьма, впрочемъ, несовершенное изображеніе этого инструмента, называя его однако уже нѣмецкимъ именемъ Hackbret (фиг. 49)³. Инстру-

Фиг. 49.

Цимбалы,—рисунокъ снятъ съ довольно неудовлетворительного изображенія ихъ у Прэторіуса (1614 г.). По бокамъ инструмента двѣ палочки, которыми ударяли по струнамъ.

ментъ этотъ въ первобытномъ видѣ извѣстенъ былъ уже въ IX вѣкѣ въ Санкѣтъ-Галленѣ и первоначально ограничивался объемомъ лишь 4 или 5 тоновъ съ одиночными для каждого тона струнами⁴.

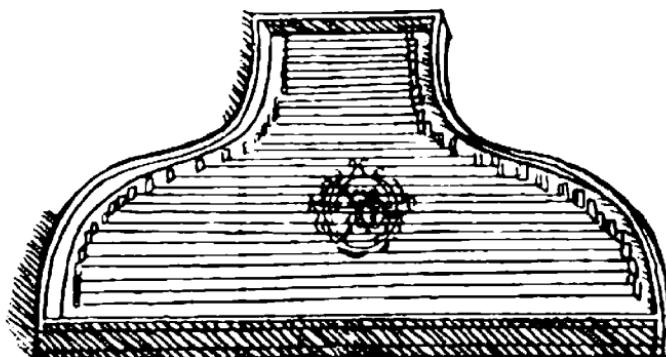
1) Хорами струнъ называются пары, иногда и тройки, струнъ одинаково настроенныхъ, какъ у нашего фортепіано.

2) См. Walther: Mus. Lex. II, 502: «Psalterium».

3) Praetorius: Syntagma musicum. 1614—1619. II, col. XVIII, Fig. 8.

4) Reissmann: Illustr. Gesch. d. deut. Mus. 140—141.—Прэторіусъ упоминаетъ о старинномъ итальянскомъ инструментѣ, получившемъ у простаго народа название *instrumento di porco* (Sau- oder Schweinetopff), т.-е. «свиной инструментъ» (свиной горшокъ). Царлино (въ XVI в.) называлъ его *instrumento di alto Basso*. Форма этого инструмента (фиг. 50) приближается къ вышеприведеннымъ фигурамъ псалтирей (фиг. 28, 32—37, 44). Клиничные струны, числомъ до 30, съ обоихъ концовъ прикреплялись къ подвижнымъ колкамъ. Играющій ударялъ по струнамъ палочкой (Praetorius: Synt. mus. II, 98.—Cp. Walther: Mus. Lex. I, 80: «Alto basso»). — Лепнеръ (1690 г.) сближаетъ прусско-литовскій Kanklos съ нѣмецкимъ «такъ называемымъ Schweinakorpf», подразумѣвая очевидно подъ этимъ именемъ только что разсмотрѣнный «Schweinetopff», *instrumento di porco* (Лернеръ: Der Preusche Littauer. 94). Подтверждениемъ тому, что этотъ инструментъ дѣйствительно былъ въ употреблении у Курляндскихъ Латышей въ XVII столѣтіи, служитъ свидѣтельство

Цимбалы (Hackebrett), по словамъ Музыкальной Энциклопедіи Шиллинга, имѣютъ видъ продолговатаго четырехугольнаго ящика, обыкновенно до 4 футовъ длины, 3— $3\frac{1}{2}$ фут. ширины и 1 фут. высоты. Голосная доска распространяется по всему ящику и снабжается двумя отверстиями — голосниками. Надъ этой доской протягиваются струны (мѣдныя или стальныя), однимъ концомъ прикрепляемыя посредствомъ петель къ желѣзнымъ штифтамъ, а другимъ — къ подвижнымъ деревяннымъ колкамъ. Струны первоначально натягивались по одной для каждого тона, но съ течениемъ времени, притомъ уже издавна, онѣ удваивались или даже утраивались для каждого тона (ср. выше: «хоры струнъ»). Строй ихъ первоначально былъ діатоническій, а позже сдѣлался хроматическимъ. Объемъ ихъ составлялъ 3, позже 4 октавы отъ С до $\overline{\text{c}}$. Играющій на цимбалахъ ударяетъ по струнамъ двумя легкими деревянными палочками (отсюда и нѣмецкое название

Фиг. 50.

Старинный гуслеобразный такъ называемый «свиной инструментъ» (Schweinskopf, *strumento di porco*). Струны перебираются пальцами.

пастора Буркгардта, записавшаго въ церковную книгу свою, между 12 апрѣля и 3 мая 1666 г., слѣдующія слова, относящіяся до его поѣздки въ Нидденъ: «На великий праздникъ Благовѣщенія я отправился въ Нидденъ, чтобы тамъ произнести проповѣдь... Утромъ я самъ ходилъ отъ дома къ дому, понуждая ихъ приходить. Однѣ изъ нихъ, по имени Скирбе, стоялъ передъ дверью, дѣлая инструментъ, называемый ими «свиной головой» (Schweinss Kopf). См. у Bezzemberger: Die kurische Nehrung und ihre Bewohner. 1889. S. 213—258. Цитату эту обязательно сообщили мнѣ академикъ А. А. Куникъ.

Hackebrett=рубильная доска), снабженными на концахъ продолговатыми головками, съ тою цѣлью, чтобы послѣднія распространяли свой ударъ на обѣ или на всѣ три струны каждого «хора». Одна сторона молоточковъ обтянута сукномъ или войлокомъ, для того чтобы возможно было достиженіе piano. Forte цимбаловъ чрезвычайно пронзительно. Неспособный къ тонкимъ оттѣнкамъ выраженія, инструментъ этотъ преимущественно употребляется для сопровожденія или для пополненія звука, въ особенности при танцахъ, гдѣ онъ вполнѣ умѣстенъ и можетъ замѣнять оркестръ. Рѣзкій тонъ цимбаловъ уже издавна навлекалъ на нихъ порицанія музыкантовъ. Оттомаръ Луциній (въ 1536 г.) въ своей *Musurgia* выражается о цимбалахъ такъ: «instrumentum ignobile propter ingentem strepitum vocum» (инструментъ неблагородный вслѣдствіе великаго его грохотанія)¹. Въ одной изъ галицко-русскихъ коломіекъ громкій гулъ цимбаловъ, въ противуположность тонкому звуку скрипокъ, охарактеризованъ слѣдующимъ стихомъ:

На скриочки три-рири, на цимбали бамъ, бамъ².

Вслѣдствіе вульгарности тона цимбаловъ, они пренебрегались западными музыкантами прошедшихъ столѣтій. Преторіусъ, посвятившій музыкальной органографіи значительную часть своего известнаго сочиненія *Syntagma musicum* и описавшій массу различнѣйшихъ инструментовъ, даже не счелъ пуживымъ иѣсколько остановиться на описаніи цимбаловъ, какъ «ис принадлежащихъ собственно къ музыкѣ», и ограничился лишь приведеннымъ выше (фиг. 49) весьма несовершеннымъ изображеніемъ данного инструмента. Замѣтимъ, что въ это самое время цимбалы, какъ интересная новинка, входили въ употребленіе въ русской царской потешной палатѣ (см. выше, стр. 26, 121). Маттесонъ, сто лѣтъ спустя послѣ Преторіуса, называя «шаловливые» цимбалы въ числѣ поименованныхъ имъ музыкальныхъ орудій, прибавляетъ,

1) Schilling: Encycl. der ges. mus. Wissensch. III, 414: «Hackebrett».

2) Головацкій: Нар. пѣс. III. II, 448.

ЧТО ОНИ ДОСТОЙНЫ «БЫТЬ ПРИГВОЖДЕННЫМИ ВЪ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХЪ ДОМАХЪ»¹.

Въ Германіи въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія цимбалы встрѣчались еще въ Турингіи, среди горныхъ жителей, а равно и въ оркестрахъ странствовавшихъ музыкантовъ. Но уже въ то время они все болѣе и болѣе выходили изъ употребленія. Нынѣ еще находимъ цимбалы въ значительномъ употребленіи въ цыганскихъ оркестрахъ въ Венгріи² и Румыніи. Мнѣ пришлось однажды [въ 1881 г.] въ Софіи слышать прибывшій туда изъ Румыніи оркестръ, состоявшій изъ 3-хъ скрипокъ, контрабаса, свирѣли (т.-е. связанныхъ въ одинъ рядъ маленькихъ, постепенно

1) Mattheson: Das neu eröffnete Orchester. 1713. S. 280: «Die ländeinden Hackbretter sollen in die verdächtigen Häuser angenagelt werden».

2) Вотъ какъ Францъ Листъ описываетъ игру венгерскихъ цыганъ: Оркестръ ихъ — говорить онъ — въ прежнія времена состоялъ изъ нѣсколькихъ инструментовъ, разнообразныхъ и совокупляемыхъ между собою *ad libitum*; но основу его составляли скрипка и цимбалы, т.-е. родъ доски, снабженной струнами, которые натянуты въ системѣ, аналогичной системѣ струнъ четвероугольного фортепіано, и ударяются палочками, помощью которыхъ извлекается громкій металлическій тонъ... Какъ на скрипкѣ, такъ и на цимбалахъ удобно исполняются мелизматическая фигуры, трели и пассажи при каждой педали. Встрѣчаемъ описание цимбаловъ, точное и вполнѣ соотвѣтствующее нынѣшнему ихъ виду, въ первыхъ повѣствованіяхъ о цыганахъ. О нихъ упоминается уже въ XV вѣкѣ... Скрипка и цимбалы составляютъ главный интересъ цыганского оркестра, остальные же инструменты обыкновенно служатъ лишь къ удвоенію гармоніи, къ усиленію ритма и вообще къ сопровожденію; по большей части они состоятъ изъ флейтъ, кларнетовъ, нѣсколькихъ мѣдныхъ инструментовъ, віолончели, контрабаса и вторыхъ скрипокъ, смотря по обстоятельствамъ. Первая скрипка изливается въ пассажахъ, поражающихъ капризною изобрѣтательностью виртуоза, а цимбальникъ ритмизируетъ этотъ бѣгъ, принимая на себя заботу обозначать то ускореніе, то замедленіе темпа, то энергію, то мягкость выраженія. Онъ управляетъ съ необычайно ловкостью и быстрою фокусника маленькими деревянными молоточками, которыми пробѣгаешь по мѣднымъ и стальнымъ струнамъ... Цимбальникъ раздѣляетъ съ первымъ скрипачемъ право развивать извѣстные пассажи, продолжать до безконечности извѣстныя вариаціи, подчиняясь минутному своему настроенію. Онъ неотмѣнно принадлежитъ къ числу виртуозовъ-солистовъ банды, какъ выражается цивилизованный цыганъ. Время отъ времени появляются и виртуозы на віолончели или кларнетѣ, вступающіе въ состязаніе съ первымъ скрипачемъ и цимбальникомъ, также предающіеся неограниченной импровизаціи. Нѣкоторые изъ нихъ даже пріобрѣтали себѣ громкую извѣстность, но въ общемъ они всетаки составляли лишь исключенія (Liszt: Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie. 1859. P. 245—247).

удлиняющихся трубочекъ), гитары, лютнеобразного инструмента и цимбаловъ. У Чеховъ въ концѣ прошедшаго столѣтія въ числѣ музикальныхъ инструментовъ называется *Cymbal* (oder «Hackbrett»)¹. У южныхъ Славянъ цимбалы (*cimbalo*, *cimbule*) встречаются еще въ Крайнѣ, Хорватіи и Босніи. Привожу здѣсь изображеніе цимбаловъ (фиг. 51), на которыхъ игралъ стран-

Фиг. 51.
Южно-славянскій цимбалы.

ствовавшій съ 1850-хъ годовъ въ теченіи 25 лѣтъ, со своимъ инструментомъ, по Хорватіи, Славоніи, Сербіи,

Босніи и Венгрии, известный цимбалыникъ, мусульманинъ Мустафа, бѣлградскій уроженецъ

Подробное описание этихъ цимбаловъ даетъ Кугачъ, изъ книги котораго заимствовано приведенное изображеніе. Въ пѣсняхъ южныхъ Славянъ инструментъ этотъ упоминается рѣдко². Чаще онъ называется въ пѣсняхъ нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ, именно Мораванъ, напр.:

— Zabréte mně na husle,	Запграйте мвѣ на гусляхъ,
Take na cimbálek.	Также на цимбалкахъ.
— Vlk na píščelky tudlikal,	Волкъ напгryваль на дудочкѣ,
A nedvěd' hrál na cimbál ³ .	А медвѣдь пграхъ на цимбалахъ.
— Zahrajte mi na cimbále ⁴ .	Запграйте мвѣ на цимбалахъ.

У Лужицкихъ Сербовъ цимбалы (*cymbal*) были въ употреблении въ старину, а теперь совсѣмъ исчезли⁵.

Среди русского народа цимбалы преимущественно распространены были въ Малой и Галицкой Руси, хотя они небезъизвестны были и въ Великой Руси. Въ великорусскихъ пѣсняхъ,

1) Mater. zur alt. u. neuen Stat. v. Böhmm. VII, 97.

2) Kuhač: Op. i pov. I, 117 sqq.

3) Sušil: Mor. nar. pis. 616, 695; cp. 598, 683.

4) Bartoš: Nové národní písni moravské. 1882. Str. 82; cp. 124.

5) Haupt und Schmäler: Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. 1841. I, S. 219.

весьма часто упоминающихъ о гусяхъ, лишь изрѣдка рѣчь идетъ о цимбалахъ; въ малорусскихъ же и галицко-русскихъ пѣсняхъ также упоминаются гусли, но чаще—цимбалы, притомъ нерѣдко вмѣстѣ со скрипками, составляющими очевидно любимое сочетаніе съ цимбалами. Въ Галиціи, на Старомъ Покутѣ, въ Коломыйскомъ и Станиславскомъ округахъ, также известна была «тройственная музыка», состоявшая изъ скрипокъ, баса и цимбаловъ¹ (Ср. вышесказанное о составѣ оркестровъ венгерскихъ цыганъ, гдѣ главную роль также играютъ скрипка и цимбалы). Самый фактъ проникновенія названія цимбаловъ въ многочисленныя народныя пѣсни мало- и галицко-русскія свидѣтельствуетъ о большой распространенности и популярности этого инструмента среди простаго народа въ юго-западной Руси. У Великоруссовъ цимбалы упоминаются преимущественно въ пѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ, очевидно вслѣдствіе того, что они оглашали собою свадебныя шествія, пляски и пиры, напр.:

- Съ подкамушка съ подѣлаго, ручеекъ бѣжитъ,
Съ подкамушка съ подѣлаго цимбалами бьють.
Вотъ знать мою любезную Елизаветушку въ вѣнчанію ведутъ².
- Въ горницѣ во свѣтличкѣ,
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидятъ...
Для нихъ во листавы бьють,
Во цимбалы играютъ.

Или:

- И льютъ и пьютъ,
Въ цимбалахъ играютъ³.

Въ Малой и Галицкой Руси цимбалы встречаются въ пѣсняхъ свадебныхъ, житейскихъ, плясовыхъ, праздничныхъ, веселыхъ, въ коломійкахъ и др., напр.:

Свадебн.: — Ой чия жъ то родина
Кругомъ діжы (= бочки) ходила,

1) Wojcicki: Pieśni ludu Bialo-Chrobotów, Mazurow i Rusi nad Bugu. 1836.
II. Str. 360.

2) Терещенко: Бытъ русск. нар. II, 160.

3) Сахаровъ: Сказ. русск. нар. I. ш, 126, 177.

Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами?

— Дружку горою ведутъ
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами¹.

— Не йдти, молодыцы,
До насъ вихецъ (=свадебную вѣтку) выты.
Завьемо мы самы,

Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами².

— Возиѣть скрипки, цимбалы,
Заведѣть мя до мамы.

Житейск.: — Ой заграй ми на скрипочки та на цымбалочки³.

Плясов.: — Коби скрипки, цимбалы,
Тоби ножки скакали⁴.

Праздничн.: — До дому (изъ корчмы) иду,
Якъ ичола гуду,
А за ичою молодою
Идутъ хлопцы чередою
Та въ цымбалочки тнутъ, тнутъ, таутъ...

Весел.: — Селианскія дочки
Заграли въ скрипочки,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!
На цымбалы Илько,
На басы Гаврилко,
Проклѣпъ реве, взявши дуды;
А Гарасимъ трубитъ въ губы;
Боже ихъ спаси!

Далѣе говорится о пляскахъ Луки съ Гапкой, Танаса съ Катериной, Кузьмы съ Ириной и многихъ другихъ паръ,

Гонки вышинаютъ,
Крокомъ присѣдаютъ,

1) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западный Край. Юго-западный отдѣлъ. IV, № 1116 (ср. 1135), 1139.

2) Метлинскій: Народныя южно-руссکія пѣсни. 1854 г. Стр. 188.

3) Головацкій: Нар. пѣс. II, 583, 670.

4) Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни. 1886 г. Стр. 134.

А Микола плаще въ руки,
Подскакуючи до Любки,
Боже ихъ спаси! ¹

Цимбалы, это «instrumentum ignobile» (ср. выше, стр. 124), вмѣстѣ съ другими музыкальными орудіями, гремяты и грохочуть здѣсь, возбуждая веселую толпу къ плясанію, кричанію, скаканію и рукоплесканіямъ. Приведенные примѣры пѣсень подтверждаютъ сказанное выше о преимущественномъ назначеніи цимбаловъ, пополнять своимъ звукомъ игру другихъ инструментовъ, въ особенности при танцахъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, Ригельманъ писалъ о малорусскихъ музыкантахъ, что они играли на разныхъ инструментахъ, между прочимъ и на «цимбалахъ»². Францъ Листъ въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія видѣлъ цимбалы въ рукахъ малорусскихъ крестьянъ. По его словамъ, инструментъ этотъ былъ весьма распространенъ въ то время между послѣдними. Играющій навѣшивалъ себѣ цимбалы посредствомъ длиннаго ремня на шею, что давало ему возможность играть на нихъ, не ставя ихъ на столъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало ихъ звучность³. Изображенные выше южно-славянскіе цимбалы Мустафы также снабжены ремнемъ, надѣвавшимся имъ на шею (см. выше, стр. 126). Такимъ способомъ ношения инструмента объясняются слова вышеприведенныхъ (стр. 128—129) пѣсень, по которымъ играющіе на цимбалахъ свободно ходятъ (кругомъ діжы, вслѣдъ за дѣвицею, молодицею, и т. п.) во время самой игры. Точно такимъ образомъ носили свой цимбаловидный инструментъ еще древне-ассирійскіе музыканты, также игравшіе на немъ на ходу, какъ то показываетъ приведенное выше изображеніе (фиг. 26). Въ Этнографическомъ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, гдѣ описываются современныя музыкальныя увеселенія русскаго народа въ разныхъ мѣстахъ

1) Головацкій: Нар. пѣс. II, 495, 497.

2) Въ Чтен. въ Имп. Общ. истор. и древн. при Моск. универс. 1847 г. Апрѣль. II, стр. 87.

3) Liszt: Des Bohемiens. 246.

имперіи, цимбалы упоминаются только въ описанії обычаевъ Новградволынскаго уѣзда Волынской губерніи: «Цимбалы похожи на гусли — читаемъ мы тамъ; струны ихъ приготавляются изъ тонкаго дрота (= проволоки, нѣм. Drath); по нимъ играющій ударяетъ двумя палочками подъ тонъ и тактъ скрипицы»¹ (ср. выше малорусскія пѣсни, гдѣ цимбалы обыкновенно сочетаются со скрипками). Кромѣ того и главнымъ образомъ цимбалы находятся въ рукахъ евреевъ-музыкантовъ въ Западномъ Краѣ: къ скрипкѣ, кларнету и контрабасу нерѣдко присоединяются цимбалы, бубны, и проч. Оркестры эти играютъ при еврейскихъ свадьбахъ и въ синагогахъ, при нѣкоторыхъ особенно торжественныхъ случаяхъ². Еще не такъ давно цимбалы встрѣчались въ оркестрахъ странствовавшихъ по русскимъ провинціямъ еврейскихъ музыкантовъ. Образъ еврея-цимбальника, вмѣстѣ съ другими музыкантами игравшаго для танцевъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ средней Россіи, сохранился еще въ воспоминаніи пишущаго эти строки, изъ самаго ранняго его дѣтства (въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія), прожитаго имъ въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи.

Въ прошедшее лѣто случилось мнѣ найти въ одной лавочкѣ, торгующей гармониками, балахайками и другими народными музыкальными инструментами, экземпляръ цимбаловъ небольшаго размѣра, попавшій въ лавку изъ рукъ какого-то еврея и нынѣ приобрѣтенный музеемъ С.-Петербургской консерваторіи. Онъ имѣеть видъ, изображенныи на Фиг. 52. Мастеръ, приведшій инструментъ въ должный видъ, далъ струнамъ его діатоническій строй гаммы *do-majeur*. Каждый тонъ представленье трехструннымъ хоромъ, кромѣ пяти нижайшихъ тоновъ, изъ которыхъ для одного, ближайшаго къ трехструннымъ, натянуто двѣ, а для прочихъ трехъ — по одной только струнѣ. Строй послѣднихъ трехъ одиночныхъ струнъ (басковъ) можетъ произвольно измѣняться посредствомъ передвиженія вправо

1) I, 307, примѣч.

2) Тамъ же: IV, 48.

или влѣво подпирающей ихъ подвижной кобылки. На поверхности голосной доски инструмента, снабженной двумя круглыми голосниками, прикреплены двѣ деревянные полоски, правая и лѣвая, идущія почти параллельно бокамъ инструмента. Трех-

Фиг. 52.

Цимбалы (русско-еврейскіе) музея С.-Петербургской консерваторіи (приблизительно $\frac{1}{10}$ натуральной величины). Глубина голосного ящика — 4 сантиметра. Пониже инструмента изображено два молоточка, которыми ударяютъ по струнамъ.

струнные хоры натянуты не въ одной плоскости, а такъ, что подъ каждый хоръ подставлено, поперемѣнно на лѣвой или на правой язъ только что поименованныхъ полосокъ по особой деревянной кобылкѣ, вслѣдствіе чего одинъ хоръ съ высоты своей кобылки на правой полоскѣ спускается внизъ на лѣвую полоску, а соседній хоръ — съ высоты своей кобылки на лѣвой спускается внизъ на правую полоску, и т. д. Это поперемѣнное расположеніе хоровъ струнъ представляетъ большое удобство при удареніи по нимъ молоточками, такъ какъ удареніе производится по возвышенному (надъ соседнимъ пониженнымъ) концу хора.

Подобно усовершенствованнѣмъ русскимъ гусямъ, въ новѣйшее время, именно въ Венгрии (странѣ цимбальной игры по преимуществу), строятся и цимбалы чрезвычайно усовершенствованной конструкціи; такимъ цимбаламъ даютъ видъ широкаго и глубокаго ящика, покоящагося на четырехъ ножкахъ, съ прымѣненіемъ, какъ у фортепіано, педали, и постепеннымъ расширениемъ объема музыкальной скалы инструмента. Привожу изобра-

женіе экземпляра одного изъ видовъ такихъ усовершенствованыхъ цимбаловъ, заимствованное изъ иллюстрированного каталога цимбальнаго мастера V. I. Schunda въ Пештѣ (фиг. 53).

Фиг. 53.

Усовершенствованные новѣйшіе венгерскіе цимбалы на вожкахъ, съ педалью.

ДОПОЛНЕНИЯ

Къ стр. 9, прим. 1: Я не имѣю здѣсь въ виду упоминанія гуслей рядомъ съ другими названіями струнныхъ инструментовъ въ славянскихъ переводахъ греческихъ памятниковъ или въ славянскихъ перефразировкахъ греческихъ текстовъ. Такъ напр. въ древнемъ славянскомъ сказаніи о составѣ Давидомъ псалтири, помѣщенному въ псалтирѣ Синодально-типографской библіотеки XIV вѣка (№ 103, лл. 8 и 9), близко сходномъ съ греческимъ сказаниемъ Іосифа Флавія, помѣщенному въ греческой рукописи XV вѣка, называются: *псалтирь, гусли и прегудница*, соотвѣтствующіе греческому: *και κιννύραις* (= *kinnor*), *και ναύλαις* (*naula* = *nabla*), *και φαλτηρίῳ* (= *psalterium*) у Іосифа Флавія (Древности. Тр. Моск. Археол. Общ. III. 1, 5—6). Въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ славянскіе подражатели греческимъ текстамъ, или переводчики ихъ, очевидно старались на славянскомъ языкѣ подбирать лишь соотвѣтствующее число видовыхъ названій струнныхъ музыкальныхъ орудій, мало заботясь притомъ о точномъ совпаденіи вида называемыхъ ими инструментовъ съ видомъ инструментовъ, иноzemныя названія которыхъ ими переводились. Въ славянскихъ переводахъ книгъ Ветхаго Завѣта встрѣчаемъ также разнообразныя названія, то славянскія, то заимствованыя съ

греческаго, напр.: то струнныя орудія вообще (Псал. IV, LIII, LIV, LX, и др.), то гусли (Псал. XCVII, 5; CXLVI, 7; CXLIX, 3), то псалтири (Псал. CXLIII, 9), то гусли и псалтири (I Цар. X, 5; III Цар. X, 12; Псал. XXXII, 2; LVI, 9; LXXX, 3), то гусли и цитры (Пр. Дан. III, 7), то псалтири и цитры (I Паралип. XV, 16; II Паралип. V, 12), и т. п. Вообще строить какія либо соображенія или заключенія о видѣ инструментовъ на основаніи сличенія соотвѣтствующихъ ихъ названій въ еврейскомъ оригиналѣ книгъ Священнаго Писанія и переводахъ ихъ на другіе языки, рѣшительно невозможно, такъ какъ переводчики, вслѣдствіе естественной некомпетентности своей въ музыкальномъ дѣлѣ, именно въ данномъ отношеніи вносили полную сбивчивость и запутанность понятій, нерѣдко сопоставляя и смѣшивая музыкальныя орудія совершенно разновидныя, въ большомъ числѣ случаевъ заботясь лишь о подбираніи соотвѣтствующаго оригиналу количества названій инструментовъ на переводномъ языкѣ. Такая запутанность и сбивчивость понятій обусловливалаась, впрочемъ, и отсутствиемъ всякихъ положительныхъ данныхъ о видѣ многихъ инструментовъ, называемыхъ въ книгахъ Священнаго Писанія.

Къ стр. 19: Изъ угорско-русской пѣсни:

Гусли мои яворовы!

(Головацкій: Нар. пѣс. II, 548).

Къ стр. 32: Изъ свадебной пѣсни:

(Стоять палаты, въ палатахъ столики)
Какъ за однимъ то столомъ
Сидѣть добрый молодецъ...
Какъ игралъ то онъ...
Во гусли серебряны.

(Терещенко: Бытъ русск. нар. II, 391).

Гусли очевидно лежать здѣсь на столѣ передъ играющимъ на нихъ, сидящимъ за столомъ молодцемъ.

Къ стр. 60, прим. 1: Гусли называются также серебренными, очевидно вслѣдствіе стальныхъ (=серебреныхъ) своихъ струнъ, какъ и золотыми — вслѣдствіе мѣдныхъ (=золотыхъ) струнъ, напр.:

Онъ игралъ поигрывалъ
Во гуселышки серебряны.

(Терещенко: Быть русск. нар. II, 316. Ср. выше, дополненіе къ стр. 32).

Въ старинной повѣсти: «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ», Девгеній бренчить подъ окномъ красавицы Стратиговны на гусяхъ серебряныхъ съ золотыми струнами.

(Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. III, прим. 272).

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница	Строка	Напечатано:	Должно читать:
7	17 снизу	отгонить	отгонить
7	3 »	1873	1871—1873
28	2 »	28	27
57	3 сверху	kukles	kükles
61	18 »	я подымусь...	я подымусь...
70	4 »	прикрѣплены	прикрѣплены были
78	1 снизу	IX	XI
88	1 »	Тамъ же:	Coussemakers въ Ann. arch. de Didron.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

НОТЫ ДЛЯ ГУСЛЕЙ

изъ сочиненія:

Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей
Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго (1808 года).

Нѣкоторые примѣры для упражненія.

A musical score for 'The Star-Spangled Banner' featuring a single melodic line on a treble clef staff. The melody consists of eighth and sixteenth notes. Fingerings are indicated above the notes: 1 2 3 4 2 3 2 3, 1 2 3 4 2 3 2 3, 2 2 2 2 2 2 2 2, and 2 2 2 2 2 2 2 2. A dynamic instruction 'H. T. R.' is placed between the first two groups of notes. The score concludes with a final dynamic instruction 'H. T. R.' at the end of the melodic line.

(Слѣдуютъ точно такія же упражненія и для лѣвой руки)

The image shows two staves of musical notation for a string instrument. The top staff is in treble clef and the bottom staff is in bass clef. Both staves feature a series of eighth-note patterns. Fingerings are indicated above the notes: the first six notes on each staff are marked with '1 2 3 4 2 3' and the next note with '2'. Dynamic markings 'н.т.д.' (n.t.d.) appear at the end of both staves. The music is set against a background of vertical dashed lines.

Стр.10.

(Слѣдуютъ подобныя же упражненія въ двойныхъ нотахъ въ интервалѣ сектсты, отдельно для каждой руки, а затѣмъ и для обѣихъ рукъ одновременно. Далѣе слѣдуютъ еще упражненія въ разныхъ пассажахъ, причемъ чаще всего употребляются 2^й и 3^й пальцы, рѣже 4^й и еще рѣже 1^й.)

Примѣры пьесъ для гуслей.

НА ТОЛЬ ЧТО БЫ ПЕЧАЛИ. *)

Allegretto.

Стр.34.

ты велишъ мнъ равнодушнымъ.

Andante.

Стр.34-35.

*) Въ заглавіяхъ данныхъ пьесъ сохранено правописаніе оригинала.

АРИЯ изъ оперы РУСАЛКИ
„Приди о Князь ты мой драгой.“

Стр.41.

Andante.

A musical score for piano accompaniment, spanning four systems. The score is in common time and uses a key signature of one sharp. The piano part consists of eighth-note chords and sustained notes, providing harmonic support for the vocal line. The dynamics are indicated by crescendos and decrescendos throughout the piece.

4

Начало Арии.

Росскими лѣтить странами! на златыхъ крылахъ молва! Солнце
новаго лучами освѣщается Москва! Александръ Елизавета вос-
хищаете (вы?) насъ.

польской.

Polonois.

Стр. 47.

Two staves of musical notation for piano, labeled 'Polonois.' above the top staff and 'Стр. 47.' to its left. The top staff is in common time (C) and the bottom staff is in 9/8 time (9:8). The notation features eighth-note patterns and sixteenth-note patterns, with some notes having vertical stems and others having horizontal stems pointing to the right. The music is divided into measures by vertical bar lines.

+ *d*

d

d

d

d

d *D.C.*

Trio.

A musical score for a Trio section, featuring six staves of music. The top two staves are for two treble clef instruments, likely oboes or flutes, playing eighth-note patterns. The bottom four staves are for basso continuo, showing bass notes and harmonic indications (sharps and flats). The music consists of six measures, with a repeat sign and a key change in the third measure.

Духовные сочинения
 положенные для гуслей.

О всепѣтая Мати.

Adagio.

Стр.50.

A musical score for the hymn "O всепѣтая Мати." in Adagio tempo. It consists of two staves for basso continuo, showing bass notes and harmonic indications. The music spans across three measures, ending with a final cadence.

Нынѣ силы Небесныя.

Adagio.

A musical score consisting of two staves. The top staff is in Treble clef and the bottom staff is in Bass clef. The music is in common time. The bass staff features sustained notes and rhythmic patterns. The music is divided into measures by vertical bar lines.

Иже Херувимы.

Adagio.

A musical score consisting of two staves. The top staff is in Treble clef and the bottom staff is in Bass clef. The music is in common time. The bass staff features sustained notes and rhythmic patterns. The music is divided into measures by vertical bar lines.